

Дэвид Дрейк Билл Фосетт Кризис

Боевой флот – 6

& spellcheck by HarryFan
«Кризис»: АСТ; Москва; 1996
ISBN 5-88196-822-0

Аннотация

Две империи сражаются за галактическое господство и одна должна пасть! Халиане, заклятые враги человечества, объединились с Боевым Флотом Альянса против общей угрозы — жестокого и таинственного Синдиката Семейств. Никто не знает, откуда ждать нападения стремительной армады Синдиката.

Дэвид Дрейк, Билл Фосетт Кризис

ИНТЕРЛЮДИЯ

Когда тысячи кораблей отправляются на разведку в район, путешествие по которому может затянуться на долгие месяцы, любому флоту необходимо руководство, оговаривающее поведение личного состава при независимых действиях. По традиции такое руководство предусматривает практически все случаи принятия командных решений и носит название Военный Кодекс.

Статья VII

Всякое лицо, подпадающее под действие данного акта,

(1) в изменнических целях поддерживающее связи с врагом или передающее ему разведывательную информацию;

(2) или не смогшее сообщить соответствующим органам какие-либо сведения, полученные от врага;

(3) или поставившее врагу любые ресурсы, карается смертью или несет другое наказание, предусмотренное ниже.

Прошел уже год с тех пор, как один из новейших разведывательных кораблей подтвердил существование могучего флота Синдиката, но, похоже, могущественный соперник не собирался пока оспаривать право Альянса на оккупацию Халии. Этот год тысячи офицеров разведки, служащих, аналитиков и шпионов потратили на то, чтобы обнаружить родные миры семейств Синдиката. Медленно и осторожно информация была просеяна и проанализирована. Все осознавали, что покой обманчив и близко время битвы, которая определит судьбу обеих человеческих империй.

Этот год использовался Флотом для усиления мощи. Были укомплектованы тысячи кораблей. Часто экипажи составлялись из новобранцев под командованием нескольких опытных офицеров. Медленно — разочаровывающе медленно для Дуэйна и его окружения — эти корабли начали прибывать на свои передовые позиции у Цели и в окрестности Халии. Две планеты, расположенные на расстоянии всего нескольких световых лет друг от друга, были словно специально созданы для нанесения удара по Скоплению, в котором, как полагали, скрывался Синдикат.

В течение многих месяцев напряженность между сохранившими гордость халианскими воинами и личным составом Флота периодически взрывалась актами насилия. Ни одна из сторон не была готова забыть или простить зверства, совершенные другой. Даже когда выработалось сдержанное взаимное уважение, требовалось что-то, что скрепило бы союз бывших врагов. Пропагандисты Флота выжидали, надеясь на событие, которое стало бы символом единства рас. Но когда это событие произошло, в него оказались вовлечены два совершенно неожиданных участника.

Кристофер Сташеф. СИРОТЫ

Во мраке космоса два корабля сражались против дюжины. Эти два были крейсерами — один принадлежал Флоту, другой — халианским пиратам. Экипажи крейсеров возглавляли давние враги — командор Сэйлс и капитан Гудхарт. На сей раз им встретился противник, заставивший забыть о взаимной ненависти. Этим противником были Торговцы — Торговцы, которые подкупили варварскую Халию, снабдили ее современным оружием и дали ей космические корабли для совершения набегов. Теперь халианские пираты сражались с дикой радостью, получив наконец возможность нанести удар предавшим их людям, а корабль Флота яростно дрался с предателями-соплеменниками.

В разгар этой схватки связиста Флота, который понял, что это его последний бой и шансов уцелеть практически нет, уколола холодная мысль. Он не мог спастись, но с еще более отчаянной решимостью он понимал, что люди Альянса должны узнать об осином гнезде Синдиката, на которое напали два крейсера, и о беспощадной, стремительной тактике Торговцев. Поэтому, продолжая поддерживать связь между кораблями, связист открыл канал передачи, направил отражатель на Цель так, чтобы он находился в этом положении вне зависимости от маневров корабля, и включил тахионный пучок, передававший аудио — и видеосигналы, которыми обменивались корабли на частотах Флота и Халии. Он не пожалел даже нескольких бесценных информационных торпед, чтобы вернее передать сообщение. Будь ему известна частота Торговцев, связист передал бы и их сигналы, но Флот до сих пор не знал способа даже слышать своих врагов.

Потом торпеда Синдиката пробила защиту, и корабль капитана Гудхарта превратился в расширяющееся облако света. Через несколько минут взорвался и крейсер Флота. Его обломки разлетелись на тысячи миль от сгустка плазмы, которым стал корабль Сэйлса. Чудовищный поток энергии заглушил тахионный канал связи с Землей.

Один из обломков представлял собой сигарообразную капсулу диаметром в метр и длиной в два. Она, кувыркаясь, отлетела более чем на тысячу миль, и, конечно, ее одинокого обитателя неминуемо стошнило бы, но за мгновение до взрыва в его тело впились иглы. Лекарство замедлило обменные процессы и погрузило человека в глубочайший сон. Капсула

продолжала лететь во мраке, неся раненого члена экипажа, который был заморожен криогенной аппаратурой вплоть до прибытия медицинского корабля. Но теперь он был далеко от Земли, далеко от маршрутов кораблей Флота, в принадлежавшей Торговцам области космоса. Он плыл в своей гондоле через бесконечную ночь, одинокий, никому не известный и ни о чем не подозревающий.

На станции, обращавшейся вокруг Цели, усталый связист прихлебывал кофе и бросал взгляды на кристалл с пикантной видеозаписью, которую собирался просмотреть после окончания смены. На автоматической станции никогда ничего не случалось. Зачем только здесь дежурили люди?

Прозвучал сигнал тревоги.

Связист подался вперед, просматривая мониторы и индикаторы. Вот он — красный мигающий сигнал на Стойке Четыре! Система не знала, что делать с неожиданным сигналом, тратить на него оперативную память или нет. Связист пробежал пальцами по клавиатуре, прерывая последовательность, и нажал клавишу «исполнить», перед тем как буфер переполнился. Индикатор на панели вспыхнул, указывая, что прерывание сделано вовремя. Связист испустил вздох облегчения, откинулся назад, включив замедленное воспроизведение сигнала, и повернулся к монитору, чтобы увидеть, какой тахионный «улов» принесла его энергетическая сеть.

— Орудие Три выведено из строя!

— Экраны перегружены.

— Доведите питание системы жизнеобеспечения до минимума и передайте энергию экранам!

На все человеческие слова накладывался пронзительный визг халианской речи, но связист не понимал ее. Однако он заметил мощный взрыв, когда экран снизил яркость, чтобы передать сияние, заметил и силуэт корабля на фоне огненного шара. Связисту не потребовался справочник, чтобы понять, что он никогда раньше не видел подобной конструкции; у него не возникло и нужды в переводчике, чтобы догадаться, что произошло, когда визг халиан прервался и огненный шар лопнул. На какое-то мгновение в сердце зрителя пробудилось уважение к неведомому врагу ненавистных халиан. Потом он почувствовал внезапную боль, осознав, что противник халиан атаковал и корабль Флота, передававший эти изображения.

— Командор Сэйлс! — прокричал голос с экрана. — Они уничтожили Гудхарта!

— Уничтожьте их, — отозвался более низкий голос.

— Торпеда прошла! — послышалось короткое гортанное сообщение.

Связист сидел на краешке кресла, наблюдая и ожидая, забыв, что сигналу как минимум несколько часов, а может быть и дней, и битва давно закончилась.

Незнакомый силуэт корабля разорвался на части, и на его месте возникло постепенно темнеющее огненное облако. Послышались победные крики.

Потом весь экран заполнила белая вспышка, почти сразу погасшая и сменившаяся мельтешением и сопровождавшим его шумом.

Связист почувствовал, что покрылся потом. Он посмотрел на монитор и на индикатор на Стойке Четыре.

Ничего.

Связист вздрогнул и откинулся назад. Что бы там ни произошло, все было кончено — два отважных корабля уничтожены. Некоторое время он просидел неподвижно, отдавая дань погибшим. Потом нагнулся, набрал код Штаба и Цели и произнес:

— Это станция Два. Срочное сообщение. Соедините меня с адъютантом.

Еще один оператор связи принял сигнал на своем ночном посту. Но был этот связист мохнат и клыкаст и нес вахту на планете Баратария, логове халианских пиратов. Он был халианином и знал, на какие кнопки нужно нажимать, но очень слабо представлял себе, что происходило внутри его пульта. Понял он только одно: неожиданная передача запустила сигнал тревоги, и поступил в соответствии с инструкцией — включил запись. Пока световой

луч записывал передачу на кристалл, оператор хмуро разглядывал изображение на экране и прислушивался к треску и шипению из громкоговорителя. Он нажал на кнопку связи с дежурным офицером.

— Тревога. Принимается неопознанная передача. Она закодирована неизвестным шифром. Что делать?

— Что ты сказал? — прорычал пораженный офицер.

— Она закодирована. Продолжать записывать?

— Разумеется! — отрезал командира — Если она закодирована, значит, наверняка содержит важную информацию! Позаботься, чтобы она записалась полностью...

Мощный статический разряд грохнул из громкоговорителя. У оператора зазвенело в ушах; внезапно наступила тишина.

— Передача окончена, — сообщил он дежурному офицеру. — Дальнейшие действия?

— Доставь кристалл специалистам, — немедленно распорядился офицер. — Через час передача должна быть на их экранах.

Но прошло гораздо больше времени, прежде чем халианские командиры увидели запись.

— Это шифр Сэйлса, — сообщил офицер разведки Тробу, смотрителю замка — старшему офицеру в отсутствие капитана Гудхарта. — Мы распознали последовательность — но все еще не можем расшифровать сообщение.

— Все еще не можем! — возмущенно выкрикнул Троб хриплым голосом. — Этот мерзавец уже два года водит нас за нос! Почему вам никогда не удастся сломать его код?

— Мы делали это несколько раз, но, хотя Сэйлс пользуется одним и тем же кодом, он постоянно меняет значения, присваиваемые всем формам — волн. Пока мы разгадываем одно, он переходит на другое. И в данном случае большую часть передачи составляют изображения — мы даже не можем с уверенностью сказать, какие математические структуры относятся к сканированию, а какие — к цветовым векторам. Он постоянно меняет видеосистемы.

— Тогда отделите звуковую информацию и сломайте этот код! Я должен знать, о чем говорил Сэйлс, и быстро!

— Мы сделаем все как можно быстрее, лейтенант.

Но Альянс опередил халиан. Люди, конечно, уже знали код Сэйлса — восстановленное компьютером изображение появилось на их экранах через несколько минут. Адъютант изучал запись в течение девяноста секунд, потом разбудил адмирала. Адмирал просмотрел передачу и разбудил главнокомандующего на Земле, послав ему всю информацию в сжатом виде. Главнокомандующий ознакомился с видеодокументом и созвал Кабинет, члены которого в благоговейном молчании наблюдали разворачивающуюся перед их глазами трагедию.

Последний всплеск сопровождал вспышку; экран погас. Главнокомандующий повернулся к зрителям, по очереди ловя взгляды каждого, по мере того как уменьшалось воздействие увиденного.

— Конечно, запись придется сократить, — наконец сказал министр внутренних дел. — Если этого не сделаем мы, телевизионные сети все равно выкинут половину.

— Они не сделают этого, — тихо произнес министр связи. — Я воспользуюсь пунктом об общественной безопасности. Они покажут все полностью. Им придется показать все как есть.

Главнокомандующий кивнул:

— Покажите запись в таком виде. Она говорит сама за себя.

Комментаторы, конечно, пытались упорствовать, но им действительно пришлось ограничиться краткими вступлениями. Те, кто в ту ночь смотрел новости на всех населенных людями и халианами планетах, испытывали благоговейную печаль, видя, как бывшие враги — отважные земной и халианский корабли — повернули против более могущественного противника и сражались до последнего, не пытаясь спастись бегством от безжалостного

неприятеля. Они смотрели и видели, как люди пришли на помощь халианам, сражавшимся против других людей... Людей — Торговцев.

Экран потемнел и осветился снова, показывая двух комментаторов.

— Но они были врагами, Дэйв! — сказал Честер. — Заклятыми врагами! Капитан Гудхарт дал клятву уничтожить любой земной корабль, а командор Сэйлс поклялся уничтожить Гудхарта!

— Они погибли союзниками, — кивнул Честер и нахмурился. — В конце они поняли, кто их настоящий враг, — и люди, и халиане объединились в борьбе с ним.

— Это ложь! — выкрикнул Троб, ткнув когтем в изображение на экране. — Все люди — враги халиан! Нет разницы между Торговцами и Альянсом. Торговцы обещали помочь нам и предали! Флот разгромил нас и опустошил наши планеты!

— Ты все слышал сам, — сказал Серум. Он был старше, его морда уже начала седеть. — Все мы слышали голос капитана: настоящие наши враги — Торговцы.

— Голос подделан! — Троб поднял голову, когда еще более разумное объяснение пришло ему на ум, и его глаза расширились. — Все полностью сфабриковано! Этого ничего не было! Капитан жив! Просто люди хотят, чтобы мы думали, что он погиб!

— Случилось то, что случилось. — Печаль Серума сменилась суровостью. — Не пытайся отрицать реальность, иначе ты доведешь себя и своих воинов до беды.

— Я отрицаю только ложь! Я утверждаю то, что должно быть правдой! Верно, Глобин?.. Глобин!

Единственный человек в пиратской колонии сидел неподвижно, сгорбившись. Его руки болтались между колен, а голова была опущена.

— Глобин! — заорал Троб. — Ты что, оглох? Не слышишь? Скажи им, что это ложь!

Глобин медленно поднял голову. Его глаза были красными, а лицо серым. По щекам струились слезы.

Троб в недоумении уставился на него.

— Оставь его, — мягко сказал Серум. — Его бог умер.

У Глобина был крупный корпус и короткие, кривые ноги. Его голова была на два размера крупнее, чем следовало для этого непропорционально сложенного тела. Глаза казались слишком большими за толстыми стеклами очков, лицо представляло собой рыхлую массу. Волосы лежали черной копной, рот был почти безгубым.

Глобин — гений.

Глобин — изгой.

Его соплеменники-люди слышали его новое имя, данное пиратами Гудхарта. И это имя стало для них символом измены. Для людей он был Глобином-предателем.

Предателем всей своей расы, всего, что было правильным и хорошим, потому что он помогал халианским пиратам охотиться за судами людей, помогал кровожадным халианам уничтожать корабли Флота.

Джордж Деррик — изгой!

Товарищи по играм смеялись над его уродством; в школе передразнивали его неуклюжие движения. Одноклассники презирали его за начитанность, ненавидели за его поклонение уму и полное пренебрежение телом.

Да и каких друзей мог он иметь, кроме книг?! Неуклюжее тело плохо повиновалось ему, да и на что ему ловкость...

— Честное слово, Джордж Деррик, я не понимаю, для чего ты живешь на свете!

— Почему бы тебе просто не подохнуть, Джордж Деррик?

Вопрос был хорошим, и единственным ответом на него стала вера. Вера в его бога, вера в человечество. Джордж Деррик жил, потому что верил.

В конце концов его товарищи — младшие офицеры, воспылав к нему злобой и ненавистью, сделали из него козла отпущения и вытолкнули в космос в спасательной капсуле.

И там во мраке отчаяния вера покинула его. Джордж Деррик проклял и свою расу, и

своего бога.

Спас его Гудхарт. Капитан халиан хотел вырастить человека-предателя. Но Глобин не знал замыслов Гудхарта; а потом они перестали иметь значение, потому что Гудхарт стал его другом, его учителем, его защитником. Гудхарт стал его богом.

Спасенный Гудхартом, воспитанный Гудхартом, получивший от Гудхарта имя, признанный пиратами по приказу Гудхарта, Глобин жил Гудхартом и для Гудхарта, только для Гудхарта...

Теперь Гудхарт был мертв!

— Нет, Глобин, нет!

Мохнатая лапа поймала его руку, когтистые пальцы вырвали у него нож, халианский врач обработал его рану обезболивающим средством... И снова в минуту отчаяния его спас халианин.

«Нет, не халианин, — подумал он, погружаясь в сон под действием успокаивающего препарата. — Не халианин. Пират. Пират Гудхарта».

— Что толку, Троб! Капитан мертв! Как можешь ты отомстить за него?

— Найти его убийц! — злобно прорычал Троб, переходя в челночный корабль. — Я не могу спокойно сидеть, когда мой капитан мертв, а его убийцы похваляются совершенным! Во время моего отсутствия ты будешь смотрителем замка, Серум! — С этими словами он с силой захлопнул люк.

Серум наблюдал за взлетом маленького челнока, мысленно перенесаясь на боевой корабль Троба и хорошо зная, как невыносимо сидеть и ничего не делать, когда каждая клеточка существа взывает о возмездии.

На расстоянии нескольких световых лет корабль Троба вышел из гиперпространства и принялся обшаривать близлежащие области в поисках движущихся объектов. Не обнаружив их или сигналов, отличных от фонового шума космоса, корабль вновь нырнул в гиперпространство, чтобы появиться на несколько световых лет дальше по курсу, ведущему к месту последней передачи. В течение часа он снова сканировал окрестности и вновь ничего не обнаружил. Поэтому он опять и опять продолжал прыгать...

— На это нам потребуются месяцы, — прикинул штурман.

— С учетом чего?

— Максимальной скорости корабля капитана, умноженной на время, прошедшее с того момента, когда он покинул базу.

Троб кивнул.

— Значит, мы будем заниматься этим в течение месяцев.

Но им потребовался только день. Когда они вынырнули в очередной раз, было обнаружено излучение — субсветовая передача о сражении кораблей. Троб прослушал ее и опознал бой, который он уже просматривал так много раз.

— Лишь низкая скорость света несет сейчас весть о гибели капитана! Сколько времени прошло с момента получения сообщения на Баратарии?

— Пять дней, лейтенант.

— Значит, мы находимся примерно в пяти световых днях от места схватки! Штурман...

— Движущийся объект! — крикнул оператор.

Троб метнулся к экрану и впился глазами в изображение. Крошечная светящаяся точка чуть заметно ползла по нему.

— Направление!

— Два градуса по правому борту. Скорость — половина Тау!

— Половина скорости света? Он будет здесь через несколько минут! Уравнять скорость! Приготовиться к перехвату!

Троб подавил в себе порыв облачиться в скафандр и самому выбраться наружу; двое младших офицеров вышли в космос поджидать серебристую капсулу. Она медленно плыла мимо, оставалось лишь укрепить на корпусе захват.

— Втягивайте!

Взвыла лебедка, и трос в милю длиной начал сматываться, увлекая за собой капсулу.

— Это не спасательная капсула, — доложил один из членов экипажа. — Может быть, это гроб?

— Возможно. Люди чтят память тех...

— Приближается корабль!

Троб стремительно обернулся. На экране перемещалась новая точка света.

— Боевые посты, тревога! Это не наш корабль!

Троб не ошибся. Судно стремительно приближалось. Точка на экране превратилась в продолговатый объект — увеличение позволяло разглядеть форму...

— Силуэт, как у того, что убил нашего капитана! Атакуем!

— Лопнет трос, лейтенант. Мы потеряем капсулу.

Троб выругался.

— Придется подождать, но стреляйте, как только он окажется в пределах досягаемости.

На носу корабля Торговцев сверкнул огонь.

— Включить защиту! — заорал Троб. — Лебедку на полную мощность!

— Она действует с максимальной скоростью, лейтенант.

— Так же, как и Торговцы! Носовые батареи! Огонь!

Экран полыхнул, когда защита халиан поглотила энергию вражеского залпа. Еще вспышка — на сей раз сработала защита чужого корабля. Следующий залп противника отклонился немного в сторону.

— Они стреляют в капсулу! — завизжал Троб. — Там что-то важное! К ней, с максимальным ускорением!

Корабль халиан дернулся в сторону, экран окрасился в багровые тона, когда Троб загородил капсулу собственным судном. Слабый толчок — и кто-то из команды крикнул:

— Капсула на борту!

Послышался голос оператора:

— Еще два корабля! Приближаются к нам с ускорением!

— Этот трус вызвал подмогу, — презрительно произнес Троб. — На мы не сдвинемся с места, пока не подстрелим его! Маневр ухода! Все батареи, огонь! Пуск торпед! Первая! Вторая! Третья!

Корабль крутился, устремлялся вперед, отступал, уклонялся, стрелял и снова стрелял, оставляя следы энергетических залпов, тянувшиеся к кораблю Торговцев. Экраны противника стали красными, потом оранжевыми, желтыми, белыми...

Новая звезда вспыхнула в ночи.

— Он уничтожен! — гаркнул Троб. — Капитан, возлагаю эту первую жертву на алтарь возмездия.

— Чтобы расквитаться полностью, не плохо было бы нам для начала уцелеть, — язвительно заметил штурман.

— Прыгаем! — крикнул Троб. — Курс на Баратариию.

Казалось, корабль вывернуло наизнанку, а потом обратно. Команда обмякла в креслах, переживая недавний бой.

Потом Троб расстегнул ремни и поднялся, направляясь к кормовому люку:

— Посмотрим, какую рыбку мы поймали.

Врач ждал, пока механики вскроют корпус. Послышался свист воздуха, рвущегося в вакуум, когда отделили верхнюю половину капсулы. Загудели двигатели скрытой аппаратуры, начавшей оживлять раненого.

— Человек! — бросил Троб.

— В форме Флота, — обратил его внимание доктор. — Он серьезно ранен.

— Так вылечите его! Он должен говорить!

Медик наклонился над капсулой, пытаясь припомнить то небольшое, что знал о человеческой медицине.

Троб ждал, проклиная долгие минуты оживления. Наконец веки человека дрогнули. Он

непонимающе посмотрел на окружавших его халиан и наморщил лоб.

Потом пленник осознал, где находится. Его глаза расширились, он издал стон.

Врач прижал инъектор к внутренней стороне предплечья раненого и слегка надавил. Снотворное проникло в кровь, и человек снова закрыл глаза, погружаясь в сон.

— Когда проснется, — прошипел Троб, — уверьте его, что он среди друзей. Более того, мы пообещаем вернуть его домой как уцелевшего союзника нашего капитана. И позовите меня — я хочу задать ему вопросы. Мягко, уважительно, но настойчиво.

— Глобин!

Голос вырвал его из глубин небытия; из любезной ему темноты, к которой так стремился безобразный изгой.

— Совету нужны твои знания. Ты должен встретиться с ними, Глобин.

— Зачем? — пробормотал человек непослушными губами. — Зачем это нужно мне?

— Ради Гудхарта.

Глобин вошел, опираясь на трость и руку доктора; на помертвевшем лице человека лихорадочно сверкали глаза.

Шесть лейтенантов-халиан угрюмо уперлись в него взглядами.

Глобин был седьмым.

— Зачем нам этот непрошенный гость? — высокомерно дернув головой, сказал Хемо.

— Хороший вопрос, — проворчал Глобин, окинув всех недовольным взглядом. — Зачем? Зачем надо было пробуждать меня от Смерти, которой я жажду, и тащить сюда?

Хемо потрясению устоял на говорившего.

Как ни странно, именно человеконенавистник Троб мягко произнес:

— Наш капитан мертв, Глобин. Ты должен помочь нам найти его убийцу.

— Зачем? — Глобин смотрел почти с возмущением. — Почему я должен заниматься этим? Зачем?

— Как — зачем?! — высокомерно произнес Хемо. — Чтобы уничтожить его, конечно.

— Месть? — Глобин напрягся, и его глаза расширились. — Вы говорите о мести?

— Разумеется! — отрезал Хемо. — Неужели люди настолько тупы, что им надо растолковывать такие вещи? Конечно, месть!

Огонь жизни вспыхнул в груди Глобина, заставив его выпрямиться в кресле, возвратив ритм его сердцу и жар его крови. Он не умрет. Он будет жить — ради мести!

Лейтенанты ввели его в курс дела. Шифровальщики разобрались в коде Сэйлса, и оказалось, что Троб ошибался — Альянс передал все событие, все как есть. Однако Троб по-прежнему не хотел верить. Он затребовал последний известный курс Гудхарта и заполнил этот сектор космоса посланиями к своему капитану — зашифрованными, разумеется, и передаваемыми сетью спутников-ретрансляторов, спроектированной Глобином так, чтобы ни один корабль Флота не смог обнаружить Баратария по излучению. Не получив ответа, Троб вычислил вектор передачи Сэйлса по записи сигнала и снова начал посылать вызов. Несмотря на неудовлетворительный результат, он все же не успокоился, сел на корабль и отправился на поиски...

— Ничего? — воскликнул Глобин. — Несмотря на такие усилия? Сколько же времени я пробыл без сознания.

— Два дня. Глобин, — мягко ответил Троб.

— Два дня! — Глобин покачал головой. — Два дня я нежился в мягкой тьме беспмятства, а убийцы моего капитана ускользнули!

— Эти два дня потребовались, чтобы установить достоверность сигнала, — уточнил Троб. — Но я обнаружил криогенную капсулу с воином Флота, который был ранен и заморожен для доставки в госпиталь. Нам не удалось его спасти, но он прожил достаточно долго, чтобы подтвердить правдивость передачи. Я убежден: капитан мертв. Глобин.

Глобин склонил голову — к нему снова вернулась печаль.

— Он мертв, — повторил Троб. — Но ты жив. Глобин, найди мне его убийц.

— Вы должны идти, Глобин.

Глобин даже не отвел взгляд от экрана.

— Оставьте меня. Мне почти удалось определить точку, где капитан встретил свою... своего последнего противника.

Военный немного подождал из уважения, но не отступил.

— Мне крайне неприятно мешать вам в такой ответственный момент, но, если вы не придете, могут быть другие жертвы. Многочисленные.

Глобин сидел неподвижно, уставившись на экран.

Потом он медленно повернулся:

— Чей корабль в опасности?

— Хемо, — сообщил курьер. — Поторопитесь, лейтенант.

Глобин вошел в центральный зал связи вслед за курьером. Он увидел Троба, Серума и троих остальных, собравшихся у главного экрана и глядевших на многократно увеличенное изображение Хемо.

— Я не вернусь! — Гигантское лицо Хемо было искажено яростью. — Если его убийцы куда-нибудь и придут, то они придут сюда!

— Капитан бы не захотел...

— Капитан бы не захотел, чтобы за него отомстили?! Вы не в состоянии сказать, где находятся его убийцы; Глобин не может сообщить мне это! Поэтому я остаюсь здесь — ждать их или смерти!

Глобин встал позади Троба.

— Как он сделал это?

Троб стремительно обернулся, и в его глазах промелькнула тень облегчения, прежде чем гордость скрыла ее. Но он не сказал «Хвала богам!» или «Наконец-то!» — он просто произнес:

— Он капитан судна и один из лейтенантов. Кто мог удержать его, когда он сел на свой собственный корабль и умчался? Нашего капитана больше нет.

Глобин мог напомнить о Совете, но знал, что это бесполезно — халиане были независимы до неистовства; только их личная преданность Гудхарту поддерживала дисциплину. Для них, феодалов, вассальные связи значили все. Без этого не было сплоченности.

Поэтому Глобин ничего не сказал; он только спросил:

— Где он?

— На линии между Халией и тем местом, откуда пришел сигнал о смерти капитана. — Троб вздохнул и добавил: — Я настаивал, я взывал к его дружеским чувствам, долгу по отношению к команде, к нам! Его невозможно уговорить.

Глобин кивнул.

— Вы взывали к его чувствам и хотите, чтобы я воззвал к его разуму?

— Да, к тому, что от него осталось! Глобин, покажи ему его глупость!

Глобин нахмурился и слегка подвинулся, чтобы попасть в зону видимости.

— Зачем, Хемо?

На борту пиратского судна Хемо увидел фигуру Глобина, и его зубы оскалились.

— И ты спрашиваешь меня об этом, человек? Ты, чья раса убила моего капитана?

— Я считаю их трусами, — твердо произнес Глобин. — Зачем ты делаешь это, Хемо?

Халианин бросил на него яростный взгляд и прорычал:

— Среди халиан были агенты Торговцев, не так ли? И должны были прибывать корабли, чтобы доставлять новых агентов, держать с ними связь, забирать их для назначения на новые должности.

— Верно. Но они ушли. Торговцы отозвали всех своих агентов, когда пала Халия.

— Глупец! — рявкнул Хемо. — Ты можешь верить в это? Ты думаешь, что коварные предатели не оставили какое-то количество шпионов, чтобы внедриться в ваш собственный проклятый Флот и завербовать кого удастся?

Глобин замер, и его лицо с горящими глазами приняло выражение, так хорошо

знакомое Хемо — выражение полной концентрации на мысли. Он даже вспотел от усилия — любой воин Халии, позволивший своему мозгу так напрячься, мгновенно умер бы.

Троб заметил колебания Глобина. Он настойчиво заявил:

— Это чепуха, Глобин. На что они могли бы рассчитывать, чтобы добиться успеха?

— На хитрость, — медленно ответил человек. — В предположении Хемо есть смысл.

Хемо испытывал гордость из-за того, что Глобин поддержал его, и ненавидел себя за это.

А человек, наморщив лоб, продолжал размышлять:

— Но оставшиеся добровольно обрекли бы себя на смерть. Они должны были бы понимать, что предводители Торговцев не смогут оказать им помощь — из-за конвоя Флота вокруг Халии это было бы смертельно опасно. Хемо, это верная идея, и мы найдем способ заставить Флот произвести у себя расследование, чтобы выявить предателей. Но Торговцы не вернутся на Халию. Вы напрасно расходуете время, топливо и воздух. Возвращайтесь.

— Ты отговариваешь меня, когда есть только один шанс отомстить?! — завизжал Хемо. — Молчи, предатель! Не пытайся ослабить мою решимость...

С экрана прозвучал сигнал тревоги.

Хемо развернулся. Его наблюдатель указывал на экран и пронзительно кричал:

— Враги! Они приближаются!

— Вперед, навстречу им! Всем боевым постам! Приготовить лазерные орудия и торпеды! — Потом Хемо обратился к оператору: — Направьте всю информацию с датчиков на канал связи с Баратарией!

Оператор заколебался.

— Противник засечет нас, лейтенант, а заодно и Баратарию.

— Нет, у нас новая система связи, которую не могут обнаружить Торговцы! — Оператор все еще колебался, и Хемо, хотя это уязвляло его, сказал: — Используйте систему Глобина!

Экран неожиданно разделился на четыре части, на одной из которых был вид космоса с командного мостика Хемо, другой представлял полярную проекцию области пространства, в которой находились корабли, третий — эклиптическую проекцию всех четырех кораблей сбоку, а последний показал сияющее лицо торжествующего Хемо:

— Убедились? Кто говорил, что они не вернутся? Ну что, я оказался болтуном? Пришло время возмездия! — Сделав яростный жест, Хемо повернулся к подчиненным: — Огонь торпедами на предельной дистанции! Первая батарея, огонь на средней дистанции!

— Их трое, — доложил наблюдатель.

Глобин и Троб увидели, как разросшаяся точка на первой четверти экрана превратилась в три. Изображение запрыгало, потом корабли Торговцев стали отчетливо видны впереди на расстоянии нескольких километров. Их корпуса отражали свет звезд. Картинка снова прыгнула, выделяя одного противника, сделавшего поворот, и позволяя на мгновение увидеть его профиль...

— Такой же! — крикнул Хемо. — Такой же силуэт, как у кораблей, убивших капитана! Это Торговцы!

— Записывайте, — бросил Троб оператору.

— Запись ведется с момента поступления сигнала тревоги, — ответил техник.

— Они окружают Хемо, — произнес Глобин низким, напряженным голосом.

На экране два корабля Торговцев метнулись в сторону. Не обращая на них внимания, Хемо неся прямо на центральный корабль — два других отстали и начали заходить с боков.

— Они окружают тебя, Хемо! — крикнул Троб.

— Первая батарея, огонь по ближайшей цели! — скомандовал Хемо. — Вторая батарея, огонь по правому борту!

Рубиновые лучи ударили с обеих сторон корабля пиратов и рассыпались ослепительными искрами на защите Торговцев. Желтый луч протянулся в сторону центрального корабля Торговцев, указывая траекторию торпеды, но красная полоса

ответного выстрела коснулась желтой линии, и в месте соприкосновения возникла вспышка.

— Торпеда уничтожена, — доложил носовой наблюдатель.

— Вторая торпеда, огонь! — откликнулся Хемо.

Потом рубиновый луч с переднего корабля скользнул сквозь место взрыва и вызвал вспышку на передних экранах Хемо. Багровые лучи, срываясь с обоих зашедших с флангов кораблей, окутывали пламенем защиту пирата.

— Хемо, нет! — простонал Троб. — Они перегрузят твои экраны, они поджарят тебя!

А пиратское судно рванулось в сторону и вверх, и рубиновые лучи погасли: вражеские корабли боялись поразить друг друга. Через мгновение лучи вспыхнули опять, снова поймав Хемо, потом опять погасли, когда он сделал следующий маневр; затем беспорядочно замигали, когда пиратское судно начало свою дикую и непредсказуемую дьявольскую пляску, оказываясь то здесь, то там и всегда, всегда ведя ответный огонь по противнику или осыпая его торпедами. Золотые вспышки омывали экраны врагов; огонь лазеров заставлял их сиять.

— Он взорвет реактор, он опустошит батареи! — прорычал Троб. — Истратит весь боезапас, у него кончатся торпеды! Ему нужно отступить!

— Он не может, — холодно отозвался Серум.

Торговцы начали сжимать кольцо. Пространство, где отчаянно и безумно метался корабль Хемо, становилось все меньше. Рубиновые лучи делались все короче...

Но экраны Торговцев тоже сияли уже нестерпимо, перегруженные натиском батарей Хемо.

Внезапно центральный корабль Торговцев стремительно рванулся вперед. В этот же момент боковые корабли одновременно выстрелили.

— Вверх! — рявкнул Хемо. — Развернуться!

Крейсер сделал маневр, и экран эклиптического вида показал, что он неожиданно оказался намного выше плоскости, в которой три корабля Торговцев сжимали петлю.

А на экране, демонстрировавшем полярную проекцию, две рубиновые вспышки настигли друг друга.

— Здорово! — крикнул Троб. — Как здорово! Он сманивировал так, что они оказались на одной линии, но не знали об этом! До чего здорово!

— Как это смело, — прошептал Глобин. — Как отважно! — Он почувствовал себя посрамленным доблестью Хемо, его презрением к смерти, почти тягой к ней.

...Багровая вспышка настигла судно Хемо.

Две дюжины халиан закричали одновременно.

— Тихо! — оборвал их Хемо. — Батареи, вести одиночный огонь! Держите противника на расстоянии! Контроль за повреждениями, что там у вас?

— Разрушена хвостовая часть, — коротко сообщил офицер службы контроля за повреждениями. — Все проходы и трубы заблокированы, и атмосфера сохраняется, но мы лишились двигателя.

— Он не может маневрировать, — простонал Троб.

Лицо Хемо на экране выражало непреклонность:

— Значит, мы погибнем, но и они сдохнут! Батареи, стреляйте при малейшей возможности!

— У них не будет такой возможности, — выдохнул Серум.

Было похоже, что он не ошибся. Корабль Торговцев неторопливо кружил у неподвижного судна пиратов, огибая его на большом расстоянии, совершая непредсказуемые маневры и выбирая наиболее уязвимую точку для последнего смертельного удара. Даже маневрируя, он выпускал торпеды, вынуждая стрелков Хемо тратить энергию, сбивая их лазерами. А корабль Торговцев стегал и стегал крейсер своими орудиями, доводя ослабленные экраны до белого каления, ранив корабль Хемо, нанося ему многочисленные мелкие уколы.

— Разве ты можешь отказать ему в помощи, Глобин? — требовательно спросил Троб.

Но Глобин, казалось, не слышал — взгляд его был далеко, а ум лихорадочно работал. Он понимал, что, хотя халиане не были способны принимать сигналы Торговцев, те вполне могли прослушивать пиратов. В конце концов, именно Торговцы снабдили Халию аппаратурой связи и наверняка уже разобрались в новом методе передачи Глобина и расшифровали его новый код. Если враги могли слышать каждое слово, произнесенное пиратами, надо было помочь Хемо так, чтобы Торговцы не поняли его.

— Хемо, — коротко скомандовал он. — Прыгай! Полградуса, куб!

Возникло секундное молчание; потом Хемо заорал:

— Навигатор! Прыгаем! Полградуса в кубе!

Глобин затаив дыхание смотрел на экран. Троб требовал объяснений:

— Что это означает?

Корабль Торговцев нанес удар из всех орудий, поток красного света — но он унесся в пустоту: Хемо исчез.

— Он не мог прыгнуть в гиперпространство! — недоумевал Троб. — Не мог сделать это на таком небольшом расстоянии! Это граничит с самоубийством!

А корабль Хемо уже появился на краю экрана, позади судна Торговцев, в пределах действия оружия.

— Залп! — взвизгнул Хемо, и рубиновый свет сорвался, казалось, со всей поверхности пиратского корабля. К нему примешивались желтые следы торпед. Торговец стал красным, потом желтым — его экраны перегружались. Два слабых луча метнулись к пирату, но вскоре погасли, когда внутри желтого пузыря Торговец начал поворачиваться бортовыми орудиями к кораблю Хемо. Однако сфера перегруженной защиты становилась все ярче и ярче, все горячее и горячее, почти белой.

Белизна, абсолютная белизна, расширяющаяся, рассыпающаяся брызгами, подобно фантастическому фейерверку в тишине бесконечной ночи.

Потом фейерверк погас. И только корабль Хемо в одиночестве дрейфовал на экране.

Команда крейсера ликовала. Они вопили. Они пели.

Хемо восторженно орал, как и все остальные. Потом он со сверкающими от радости глазами метнулся к экрану:

— Спасибо, Глобин! Я никогда не думал, что мне придется сказать тебе это — но, спасибо! Ракетные двигатели были повреждены, но оставалась сверхсветовая тяга! Я прыгнул на полградуса в сторону Торговца, на полградуса вбок и на полградуса вверх — полградуса в кубе! Мы рисковали, но были бы обречены, если бы не сделали этого! И я выжил мы все выжили, а он мертв! Ты действительно один из нас, действительно из команды капитана! Ты, безусловно, достойный пират!

— Не такой достойный, как ты, Хемо! — ответил Глобин, сверкая глазами. — Твое мужество посрамляет мое. Мы не можем потерять тебя. Держись, пока мы не пришлем команду, чтобы забрать вас.

— Я продержусь, ведь мой капитан теперь отмщен!

— Да, мы насытились мстью. — Лапа Троба твердо лежала на плече Глобина. — Не правда ли, это сладкий вкус, мой друг Глобин? Он удовлетворил твой голод?

— Это только начало, — ответил Глобин.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья II

Если адмирал, капитан, капитан младшего ранга или командир подразделения, подпадающий под действие данного акта, по сигналу «к бою», либо при виде судна неприятеля не выполнит нижеследующее:

а) не приложит максимум усилий для скорейшего приведения своего судна в

боевую готовность;

б) во время боя личным примером и в соответствии со своим званием не сумеет вдохновить подчиненных и матросов проявить мужество и самоотверженность;

в) не исполнит своего Священного Долга не сдавать корабль врагу, пока существует возможность успешно обороняться, либо же во время боевых действий отдаст несвоевременный приказ выйти из сражения...

...В случае, если он совершит это сознательно, из побуждений измены — карается смертью; в случае, если он совершит это по причине трусости — карается смертью либо несет одно из наказаний, предусмотренных ниже; если же это преступление совершено им по неосторожности или в силу какой-либо ошибки — увольняется со службы без разжалования либо несет одно из наказаний, предусмотренных ниже.

Герои — это капитал. Один из главных парадоксов войны заключается в том, что самые великие из героев слишком ценны, чтобы рисковать ими в бою.

Современная война остро нуждается в героях, причем в живых героях, которые могут отрапортовать налогоплательщикам, что их деньги тратятся на впечатляющие свершения и выдающиеся подвиги. Пример героев гораздо больше, чем принудительные меры, вдохновляет гражданское население производить продукцию, вкладывать деньги в оборону, а иной раз даже идти воевать.

Рой и Минерва были настоящими героями. Они уцелели в таких переделках, когда остаться в живых, казалось, было совершенно невозможно. Они расчистили путь к планетной системе Цель, сокрушив оборонную сеть из сотен спутников-роботов. Более того, однажды они напоролась на объединенный флот Семейств — и сумели выбраться с честью. Совершив такие подвиги. Рой и Минерва были просто обречены носить тяжкое бремя героизма...

Когда по омнивидео транслировали их тридцать пятое за неделю интервью. Роя начал душить неудержимый нервический смех. Самое потрясающее — Минерва (со своей орбиты через тахионную линию связи) вместо того, чтобы призвать его к порядку, стала подбрасывать какие-то лишь им двоим понятные каламбуры.

Флотовские эксперты по пропаганде, которые часто имели дело с героями, тут же поняли — пришло время убрать их обоих как из эфира, так и вообще с глаз долой, в какой-нибудь безопасный отдаленный уголок...

И черт же дернул Минерву сделать этот расчет по заказу Роя! Вышло, что, если допотопный дреднот, который они сейчас пилотируют, будет идти на предельной скорости, до ближайшей зоны дислокации кораблей Синдиката от портовой Академии Флота он доберется ни много ни мало — за два месяца... четыре дня и пять часов...

Получив результат вычислений, Рой полдня заливал свое горе этиловым спиртом, то и дело цитируя ужасные цифры. Для них подыскивали самое безопасное место во всей вселенной.

Но, увы, в условиях современной войны абсолютно безопасных мест не существует...

Питер Морвуд, Диана Дуэйн. ВЫПУСКНОЙ ЭКЗАМЕН

— Скоростная канонерка Девятнадцать вызывает стыковочный узел. Запрашиваем отстыковку.

— Стыковочный узел — Девятнадцатому. Переключаю на стартовый режим. Частота — два — ноль — ноль — дробь три — ноль. Катер Девятнадцать в зоне запуска.

— Хорошо пошел, Рой, Минерва. Есть стыковочный контроль.

— Девятнадцатый к старту готов. Все в норме. Убрать причальные мачты!

— Причальные мачты отошли... Причальные мачты убраны и зафиксированы.

— Освободить центровой держатель!

— Центральной держатель освобожден. Корабль в открытом космосе.
— Мистер Пизон!
— Сэр?
— Вы управляете кораблем. Выполняйте отход. Режим контроля — ручной.
— Ручной?! Твою ма... То есть — слушаю, сэр! Устанавливаю рычаги на удержание курса.

— Мистер Пизон!
— Сэр?
— Если рычаги установлены, почему на экране слежения траектория имеет трехградусное отклонение влево?

— Сэр?
— Поправить траекторию, мистер Пизон!
— Сэр?!
— Мистер Пизон!!
— Сэр?
— Я приказал вам *поправить* траекторию, а не перекосить ее в другую сторону. Контрольный экран показывает семь градусов вправо. Скажите-ка, мистер Пизон, почему корабль опять приближается к причалу.

«ВНИМАНИЕ, ОПАСНОЕ СБЛИЖЕНИЕ! ВНИМАНИЕ, ОПАСНОЕ СБЛИЖЕНИЕ!»

— Зар-р-раза! Подаю рычаги вперед на одну треть!
— Куда, чтоб тебя, рано!!

«ВНИМАНИЕ, ОПАСНОСТЬ СТОЛКНОВЕНИЯ! ВНИМАНИЕ, ОПАСНОСТЬ СТОЛКНОВЕНИЯ!»

Корабль с искусственным мозгом РМ — 14376 класса «Олимпус» воткнулся под углом сорок градусов в одну из главных опор орбитального причала; днище стало угрожающе проминаться, но двадцать тысяч тонн массы корабля продолжали двигаться с ускорением 4 «g»...

Бортовой сигнал тревоги зашелся жутким визгом, заглушив грохот столкновения. Но было поздно. Белый свет залил экран, и спустя мгновение раскаленный шар термоядерного взрыва поглотил и корабль, и причал, и вообще все, что находилось в радиусе шести километров от места столкновения...

Стиснув кулаки и не слыша ничего, кроме гулких ударов в висках, капитан первого ранга Рой Малин пустым взглядом взирал на погасший экран. Он пытался переварить только что увиденное. Невозможно описать, какие слова готовы были сорваться в тот момент с его языка, но он, к сожалению, не мог позволить им этого сделать. Рой слишком часто открывал рот, не обдумав последствий, и создавал себе тем самым немало проблем. И все же кое-что в такую минуту сказать было категорически необходимо. Он набрал в легкие побольше воздуха, развернул кресло на сто восемьдесят градусов, встал, расправил плечи и гаркнул:

— Вы полагаете, мистер, что именно так управляют кораблем с искусственным мозгом?! Черт вас подери! Даже наркотированные хорьки иной раз изображают навигацию получше! Христос распятый, сколько раз можно повторять: сначала устанавливаете маневровые рычаги, стабилизируете курс. И только потом можно хвататься за все остальное! В реальных условиях вы разбили бы к чертовой матери и корабль, и причал, и сердце вашей мамаша. Но, ей-Богу, я бы вас оплакивать не стал.

Выставляйте тренажер в исходную позицию, мистер Пизон. А потом группа повторит все с самого начала персонально для вас. И вы будете повторять это упражнение до тех пор, пока не сделаете все правильно. Ну а если вы допустите еще одну такую же ошибку... Тогда я вскарабкаюсь по вашей тунике, откупорю вам ноздри и черт меня возьми, если я не вобью

в вашу маленькую тупую башку хоть немного соображения!!!

Он обвел взглядом испуганные детские лица, вытянутые шейки, торчащие из скрипуче-новых форменных комбинезонов, и по выражению глаз заключил, что его впечатляющая речь, кажется, проникла под черепные коробки — в то, что считается теперь отборными мозгами Академии Флота.

— Мистер Гиллибранд, выключайте тренажер! — скомандовал Рой. — Повторите упражнение, но имейте в виду: меня не интересует, что ваш папочка — генерал. Вы в группе у меня, а не у него. Ясно? Действуйте!

Рой снова опустился в свое кресло и толчком ноги развернул его в сторону контрольных экранов тренажера. Он тяжело, устало дышал. Курсанты и преподаватели Академии даже не подозревали, как ненавидел Рой распекать своих учеников за ошибки. Но, к сожалению, бывали ситуации, когда, только наорав на них во все горло, да еще крепко выругавшись, можно было рассеять дурманящую ауру немого обожания «всамделишного» героя, которая отравляла учебную атмосферу. Бремя славы называют сладким, но почему-то Рой с Минервой никакой сладости не замечали.

Эта неразлучная парочка — пилот и искусственный мозг корабля — за годы службы собрала полную коллекцию флотовских наград. Однако ни ордена, ни благодарности, ни ценные подарки не помешали удалить их из района боевых действий. «Вы слишком дорого стоите, — пояснил один из офицеров Главного штаба, — как носители богатейшего опыта и знаний». «А знания эти бесценны, их необходимо передавать курсантам», — добавил другой офицер.

Еще перед последним боевым заданием Рой и Минерва почувствовали, куда ветер дует. Тренажеры Академии космического флота после халианской войны безнадежно устарели. Дирекция стала думать, как приблизить учебный процесс к реалиям современной войны. И придумала. Собрата пилотов, которые прошли кампанию против хорьков с первого до последнего боя и умудрились выжить. Пилоты в большинстве своем были только рады улететь подальше от фронта — туда, где самым опасным противником была группа неопытных курсантов.

А вот с точки зрения Роя Малина как раз и не было на свете ничего страшнее, чем группа неопытных курсантов. Особенно тех, чьи глаза начинали гореть нездоровым огнем, как только они узнавали, что преподавателем назначен всемирно известный герой. За время службы в Академии ужас Роя перед учениками только усилился; сегодняшний случай был еще одним доказательством его правоты. Во время халианской войны все было ясно: вот — враги, и они стремятся его убить. К сожалению, курсанты были не столь предсказуемы.

Гиллибранд — кстати, его отец и в самом деле был генералом — подошел к пульту управления так осторожно, будто тот был склеен из яичной скорлупы и хрустальных пластинок. Но от внимания Роя не ускользнул характерный жест: Гиллибранд пробежал по воздуху тонкими пальцами, словно пианист-виртуоз перед тем, как сесть за рояль.

«Все, — с грустью подумал Рой, — через пару минут снова придется нажимать кнопку исходной установки. А потом опять, опять... Зачем я только рвал себе глотку!»

— Долго это будет продолжаться? — осведомился печальный голос в микронаушниках. — Эти ребята еще ни разу не вышли на орбиту, а катастроф столько, что даже мне осточертело!

«Ага, Минерва, тебе тоже несладко!» — подумал Рой.

Искусственный мозг был способен генерировать бесчисленное множество интонаций. Сейчас в нем слышались усталость, раздражение, опустошенность и обида одновременно.

— Плюнь ты, — посоветовал Рой. — Это всего лишь модель.

— Легко говорить. Такое чувство, будто с меня слепили восковую куклу и стали в нее тыкать длинными спицами. Почему бы компьютеру не сделать ТВОЮ копию? Пусть эти оболтусы разбивают ее. Хотя какое-то время — для разнообразия.

— Эффект не тот.

— Ну, разумеется! Я видела рекламу по омнивидео: «Если хотите получить самый крутой взрыв, заряжайте программу „Катастрофа корабля с искусственным мозгом“». —

Минерва фыркнула, что обычно предвещало вспышку эмоций. — Послушай, когда мы наконец отберем самых способных студентов группы? На следующей неделе? В следующем месяце? А может, через год?

— С этим вопросом обратиться к полковнику Фотерингтону-Томасу, — парировал Рой.

Ему смертельно надоел бесконечный спор, продолжавшийся с того самого дня, когда они оба были откомандированы в распоряжение факультета практической боевой подготовки.

— Если кто и знает ответ на твой вопрос, так только заведующий учебной частью.

— Должен бы знать, да только ведь мне он ничего не скажет.

— Ну, не знаю... Погоди-ка минутку...

Рой сосредоточил внимание на экране. Курсант Гиллибранд сумел-таки отвести компьютерную модель корабля от станции, избежав столкновений. Усмехнувшись краями губ, Рой подбросил ему несколько движущихся препятствий. «Интересно, — подумал он. — Через сколько минут он протаранит этот дредноут? До орбиты нипочем не доберется». Существовало великое множество способов неадекватно реагировать на сигнал «ВНИМАНИЕ, ОПАСНОЕ СБЛИЖЕНИЕ!» (курсант Тимоти Пизон только что с блеском продемонстрировал один из них); но всего три способа среагировать правильно — и все они были подробно описаны в учебнике. Какой же способ изберет Гиллибранд?

— Извини, Минерва. Так что ты сказала?

— Я говорю: его превосходительство полковник Бэзил Фотерингтон-Томас скорее побеседует с тучками в небе, чем со мной.

— Он нами очень дорожит.

— Да? А я думаю, у него просто особое мнение об искусственном интеллекте — такое же устаревшее, как и он сам.

— В таком случае он прекрасно поладил бы с нашей курсантской группой.

— Забавное утверждение.

Рой покачал головой и впервые посмотрел прямо в линзоподобный глаз Минервы.

— Слишком у тебя все просто, Минерва. Бэз Эф-Ти — не дискриминатор. Во-первых, у него мозгов не хватит додуматься до такого...

— А во-вторых?

— А во-вторых — это наши старые друзья из Комитета по исследованиям и внедрениям. Мы уже не воюем, но продолжаем проводить для них испытания. Взять, к примеру, новый вычислительный процессор...

Несколько секунд они молчали, думая об одном и том же.

— СИГИЗМУНД, — изрек Рой. — Кстати, не знаешь, как это расшифровывается?

— Не знаю, Рой, откуда мне знать? Я же говорю — никто в этом чертовом учебном заведении мне ничего не рассказывает.

— Даже о последних событиях?

— Единственное, что я от них услышала: «Об этой войне больше ни слова!» Я один раз нарушила приказ, но, думаю, пронесло.

— Да уж. Не стоит раздражать хорьков. Теперь, когда они вроде как на нашей стороне.

— Ну это... вопрос спорный, — произнесла Минерва, тщательно взвешивая каждое слово. — Временами я думаю: может быть, проект «Огненный мороз» был совсем не такой плохой идеей, как нам тогда казалось?

— УНТЕРНЕХМУНГ ЭНДОЛСУНГ, — процедил Рой. — Нет, дорогая моя, это был дрянной планчик. Мы воевали с их солдатами, а не с гражданским населением.

— «ВНИМАНИЕ, ОПАСНОЕ СБЛИЖЕНИЕ!» — прозвучали до боли знакомые слова, и на мониторе тренажера появилось изображение стремительно приближающегося дредноута. Рой обреченно наблюдал за происходящим. Гиллибранд, словно пьяный музыкант, произвел над клавиатурой пульта какие-то невообразимые пассы; кабина тренажера качнулась вправо, и главный монитор изобразил, как миллионнотонная машина дредноута проплыла мимо.

— Неплохо, — резюмировал голос в наушниках. — Определенно, перспективный парень.

— Только вот никак не могу понять, в чем именно состоит его перспектива, — усмехнувшись, заметил Рой. — Умственные способности никогда не играли особой роли в семействе Гиллибракдов. Для них интеллект — дело второстепенное. Причем любой — и полководческий, и искусственный.

— Как и для любой милитаристской династии, — добавила Минерва слащаво-ядовитым голосом. — Например, для Малинов, для Мартинов, для Молесвор...

— «ВНИМАНИЕ — ОБЩАЯ ТРЕВОГА! ВНИМАНИЕ — ОБЩАЯ ТРЕВОГА!» — внезапно завопил динамик.

Рой даже подскочил в кресле. До сих пор чертова штуковина говорила только то, что Рой заложил в программу. А сейчас — мало того, что в программе не было этого сигнала — вслед за ним раздался такой дикий вой сирены, будто небеса начали рушиться им на головы. Также внезапно сигнал прервался, закашлялся, словно подавившийся кот, потом в динамике зазвучал голос полковника Бэзила Фотерингтона-Томаса. Это было кое-что похуже, чем сирена.

— Курсанты и преподаватели Академии космического Флота! Периметровые сенсоры зарегистрировали перемещение на дальних подступах. На опознавательный запрос объекты не отвечают. По всей видимости, мы имеем дело с внезапной атакой противника. Не более чем через двадцать минут они будут на расстоянии прицельного выстрела. Объявляю боевую готовность на станциях... («Станциях, станциях, станциях...» — эхом повторил ревербератор.)

Рой часто заморгал, потом покосился на курсантов. Те, как ни удивительно, отреагировали на сообщение с весьма похвальным спокойствием — Гиллибранд даже не забыл переключить тренажер на нейтральный режим. Рой перевел взгляд на зрительную линзу Минервы — если бы она была человеком, это называлось бы «посмотреть прямо в глаза».

— Внезапная атака неприятеля, — произнес он. — Допустим. А какого неприятеля?

Вопрос был по существу. Халианские хорьки не просто отдали себя на милость победителей — Альянса и Флота — их высший совет официально объявил: враг, который оказался так силен, что смог их сокрушить, больше не является врагом и достоин всемерной поддержки.

Так что сейчас космическое пространство бороздили объединенные эскадры Флота и хорьков.

Возможно, это и было одной из главных причин удаления ветеранов прошлой войны Роя и Минервы из прифронтовой зоны. Не слишком разборчивая стрельба в случае чего могла поставить под угрозу едва зародившийся союз. А этого не хотела ни одна из сторон, особенно теперь, когда приходилось иметь дело с Синдикатом...

Минерва была первым кораблем с искусственным мозгом, которому довелось столкнуться с судами Синдиката. И если бы не очередной эксперимент Комитета по исследованиям и внедрениям (в рамках которого искусственный мозг корабля-разведчика пересадили мощному крейсеру), ни она, ни Рой так и не сообщили бы об этом свидании в штаб...

— Что скажешь? — подмигнул Рой. — Похоже, придется обходиться собственными силами!

Ирисовая диафрагма зрительной линзы Минервы сузилась и вновь расширилась. В свое время Минерва настояла, чтобы ей оставили старомодную ирисовую систему и не смели менять ее на фототропический фильтр, иначе стало бы невозможно моргать.

— Почему бы и нет? — хмыкнула она. — Детки пощекочут себе нервы. Эта однообразная тренировочная программа им наверняка осточертела.

Рой был слишком хорошо воспитан, чтобы потребовать уточнений. Искусственный мозг имел в запасе интонации голоса, которые резали как бритва, и ему вовсе не хотелось

снова испытать на себе их действие.

Хотя излюбленным образом Минервы была чопорная старая дева, в отдельных случаях она мгновенно превращалась в матерого боцмана, сыплющего отборными флотскими ругательствами. Это неизменно производило глубокое впечатление на старших преподавателей, которые не слыхивали бранного слова с тех пор, как надели на воротнички золотисто-красные петлицы. Они даже подпрыгивали, получив такой отличный словесный пинок. Впрочем, Рой заметил, что и на курсантов брань Минервы действует сходным образом.

— Все слышали приказ полковника? — спросил он, не оборачиваясь. И вдруг, резко развернув кресло, вонзил испепеляющий взор в растерянных мальчишек. — На станции объявлена боевая готовность. Так какого дьявола вы сидите?!

Его слова произвели эффект взрыва петарды в муравейнике или падения бомбы мощностью в килотонну в расположение основных сил хорьков. На мгновение все остолбенели, а потом бросились кто куда. Благо, на корабле класса «Валгалла» — нынешней инкарнации Минервы — места для забега было предостаточно. Рой представил себе, какую реакцию вызвал бы подобный приказ у команды его прежнего корабля-разведчика класса «Олимпус», и поспешил закрыть ладонью рот, чтобы скрыть хохот. Корабли «Олимпус» называли «лодками любви», причем это было самое мягкое из прозвищ.

— А с нами-то что? — осведомилась Минерва. В ее голосе одновременно звучали горячая жажда схватки и глубокое сомнение. — Ведь мы не должны участвовать в столкновениях.

— Согласно приказу контр-адмирала Агато, мы не должны искать себе приключений. В приказе ничего не сказано о ситуациях, когда приключения находят нас сами.

— Причем в тот момент, когда корабль битком набит тупоголовыми сопляками. Приключение не из приятных.

— Тут ты права. Среди командующих не было еще кретина, который послал бы судно с детским садом на борту в какую-нибудь горячую точку. Не думаю, чтобы Агато запланировал начало практики прямо на сегодня. — Рой отгородил себя от класса мобильной переборкой и вновь внимательно посмотрел в глаз Минервы. — Не забывай, однако, что огневая мощь этой посуды будь здоров какая. Прежде чем умотать от греха подальше, мы можем наделать здесь изрядного шороху.

Главный дисплей замигал — это Минерва быстро перелистывала в памяти данные, касающиеся бортового вооружения. Она самодовольно хихикнула:

— Все, что хочешь! Кроме разве что бактериальной пушки сорокасантиметрового калибра. Но и это они собираются установить на следующей неделе.

— Тоже испытания?

— Что же еще? Всем ведь известно, что старики-ветераны ни за какие деньги не полезут снова в бой.

— Точно. Именно так они и думают. Давай-ка выводим нас из дока!

Минерва покинула стыковочный узел с легкостью, о какой мальчишки-курсанты мечтали только во сне. Но Рою любоваться чудесами автопилотирования было некогда — он следил за проекциями траекторий на дополнительном экране и думал: «Кто же они? Кто?».

Это был вопрос на засыпку. «Большой Ди» и его эскадра должны были надежно защитить Халию и Цель от вторжений летучих отрядов огромного военного флота, на который чуть было не наткнулись Рой и Минерва во время последнего боевого вылета. Их рапорт произвел такое впечатление на командование, что те всерьез подумывали, не вернуться ли к плану «Посейдон», то есть, попросту говоря, не взорвать ли обе планеты, чтобы их богатые природные ресурсы не достались врагу. К счастью, нашлись здоровые головы, и вместо «тактики выжженной земли» возобладали тактика полномасштабного сражения на уровне флотов. Так что где-то в глубинах халианского пространства сейчас шла нешуточная битва. Возможно, она уже закончилась, и приближающиеся точки на экране были всего лишь курьерскими торпедами с вестью о победе. С той же вероятностью это

могли быть остатки халианских «вольных охотников», вроде корвета «Дельта», за которым Рой и Минерва гонялись во время последнего задания. Не исключено, что это полупартизанская атака легкой флотилии, временно оторвавшейся от основных сил.

Так или иначе, незваные гости вряд ли рассчитывали, что их поджидает свидание с крейсером класса «Валгалла» — иначе поостереглись бы сломя голову идти на сближение.

— ЕСМ включен, — весело сообщила Минерва. — Если у них работают сканеры — желаю приятного сканирования!

Сигнальный индикатор на главном пульте сменил цвет с янтарно-желтого на зеленый, издав тихий мелодичный звон.

— Главный двигатель готов к режиму полной тяги. Задавай курс.

— Ты сама все знаешь. Курс на перехват.

— Курс на перехват задан.

— Теперь пора потревожить курсантов. Врубай все сирены. Боевая готовность *NI*. Устроим небольшое приключение...

Рой дал себе слово не заглядывать в каюты курсантов — по крайней мере до тех пор, пока паника, неизбежная в таких случаях, несколько поуляжется. Сейчас полезнее было напомнить себе, какое оружие имелось в их распоряжении. Когда Минерва выдала подробную информацию на экран, стало ясно, что вышеупомянутая бактериальная пушка была бы излишней роскошью — корабль нес на борту батарею плазменных орудий да еще внушительный запас ядерных ракет на вращающихся пусковых установках. С таким арсеналом можно было устроить интересный спектакль.

— Ориентировочное время возвращения сигнала — десять минут, — бесстрастно констатировала Минерва.

Рой покосился на ближайшую из ее сенсорных панелей и промычал что-то невнятно-вопросительное.

Минерва помолчала некоторое время, затем сообщила:

— У детишек там ужасный гвалт. Растревожились не на шутку.

— Я думаю! Не больно-то похоже на тренировочные упражнения.

— Наверное, они впервые осознали, что могут в случае чего и на тот свет отправиться, — суховатым голосом изрекла Минерва. Рой пожал плечами.

— Рано или поздно им все равно пришлось бы привыкать к этой мысли. За толстыми переборками крейсера типа нашего привыкание мягче проходит, более плавно: знаешь, что есть неплохой шанс все-таки вернуться домой живым.

Минерва синтезировала тяжелый вздох.

— Вообще-то верно, но они еще так молоды...

— Если мне не изменяет память, еще полчаса назад ты от всей души желала, чтобы они никогда не выросли, — лукаво усмехнулся Рой. — Забыла, как они расшибали твой компьютерный образ обо что попало?

Минерва смущенно откашлялась и нарочито оптимистично сообщила:

— Ага, возвращенный сигнал, кажется, стал почетче... Хм...

Рой перевел встревоженный взгляд на другой экран и попросил:

— Лучше не надо этого твоего «хм», ладно? Это все равно, что сказать «даешь!» в главном зале управления ядерной электростанции. Что там у тебя?

— Смотри... — тихо добавила она.

На ближайшем экране возникли быстро растущие точки... Система сканирования Минервы была получше установленной на базе, и то, что увидел Рой, его встревожило.

— Слушай, а какой масштаб? — осведомился Рой, глядя на корабли, идущие вращающимся тетраэдром.

— Обычный масштаб — диаметр экрана равен ста шестидесяти щелчкам.

Светящиеся силуэты кораблей имели форму длинных стрел с двойными наконечниками.

— Минерва, — медленно произнес Рой. — Они не могут быть такими большими!

— Моя аппаратура редко дает сбои, — растерянно проговорила Минерва. — Но сейчас, мне кажется, именно такой случай. Знаешь, какую оценку массы выдает компьютер? Каждая из этих штуквин весит с малую планету. А о скорости лучше вообще не говорить.

Рой покачал головой.

— Какие предложения?

— Стрелять, а потом задавать вопросы! — отрезала Минерва. Индикаторы на оружейном пульте замигали изумрудно-зеленым светом. — Я бы на твоём месте села в кресло и пристегнулась, — добавила она.

Рой послушно щелкнул фиксаторами.

— Внимание, дети! — загремел по трюму голос Минервы. — Всем надеть скафандры. Все — по креслам, живо. Через минуту резко повышаю скорость.

Надо бы посмотреть, что там у них происходит, подумал Рой, но не смог оторвать взгляда от экрана: как раз в этот момент траектории кораблей стали прослеживаться яснее.

У Роя засосало под ложечкой. Вирази, которые они закладывали, по сути дела, нельзя было даже назвать виражами — траектории представляли собой ломаные линии.

— Минерва... — прохрипел Рой.

— Беспилотные, — мрачно перебила она. — Телеметрическое дистанционное управление.

— Дерьмо... — мягко сказал Рой.

О, это были корабли!!! Их мощные двигатели, ничем не экранированные, излучали такую радиацию, какая в считанные секунды изжарила бы любую команду. Они развивали такую скорость и проделывали такие маневры, от которых любое живое существо внутри корабля превратилось бы в мешок с костями. Пилоты — если их можно было назвать пилотами — сидели где-то очень далеко отсюда, в удобном помещении, возможно, даже на планетной базе, и нажимали на кнопки — играли в компьютерную игру.

Подавляющее число кораблей Флота, включая все те, что имели на борту искусственный мозг, управлялись людьми или на худой конец хорьками. По сравнению с кораблями-роботами это были громоздкие, перегруженные защитными системами сооружения, внутренним устройством напоминавшие посудную лавку.

Сейчас как раз был тот случай, когда в лавку собрался наведаться слон.

Ускорение вдавило Роя в спинку кресла — Минерва подбросила в двигатель энергии.

— Стало быть, Агато все-таки не сумел задвинуть нас подальше, — заметил он.

— Ты прав, как никогда, сынок. Даже жаль, что ему этого не удалось. Ты посчитал корабли? А как тебе нравятся их размеры? Вот что я тебе скажу: если мы не встанем на дыбы и не попытаемся что-нибудь здесь изобразить, родители наших ребятишек скоро получают похоронки. Где-нибудь через недельку, учитывая скорость почтарей.

Рой сглотнул тягучую слюну.

Кроме Минервы, только четыре судна ответили на атаку, и не было никакой уверенности, что в ближайшие минуты подоспеет кто-нибудь еще. Но самое печальное — ни один из «своих» не имел ни двигателя, ни вооружения, сопоставимого с тем, что несла в чреве Минерва.

Рой продолжал наблюдать, как синдиковские корабли расходятся по гиперболическим траекториям. Сейчас они выберут цель — Минерву или какой-нибудь другой из кораблей — и начнут снова смыкаться в тесный тетраэдр, зажимая противника со всех сторон. Если они хоть что-нибудь смыслят в тактике.

— Кажется, твоему новому компьютеру придется пройти небольшое испытание, — сказал Рой.

Минерва снова издала какое-то отстраненное мычание.

— Черт возьми, Рой, наши малыши начинают пищать, как мышата при виде кота. Они явно не настроены сражаться. И вряд ли успеют настроиться за двадцать минут. Теперь даже меньше чем за двадцать.

Рой нажал одну из кнопок, и на экране появилась курсантская рубка. Мальчишки

послушно пристегнулись к креслам и теперь пытались подавить волнение громкой болтовней, но взгляды были прикованы к экранам боевого слежения. Они, судя по всему, поняли, что происходит. Кое-кто просто окаменел от страха. А Пизон и вовсе был белым как мел.

Покусывая губу, Рой спросил:

— Ты поймала мою мысль?

— Смотря какую, — резонно заметила Минерва.

— Сможешь сказать пару слов голосом фотерингтона-Томаса? Глупый вопрос — конечно, сможешь. Синтезатор выдаст любой звук, который ты хоть раз слышала.

Повисло тягостное молчание.

— Мерзавец ты, Рой, — с укором произнесла наконец Минерва. — А как насчет этических норм?

— К дьяволу этические нормы! Если все закончится благополучно, малыши меня простят. А если нам всем не повезет — ну, тогда Господь на небесах извинится перед ними. Зато они умрут не с чувством ужаса, а с чувством удивления.

Электронный глаз Минервы задумчиво моргнул.

— Ну допустим, удастся их, так сказать, остудить. А что дальше?

— Дальше, леди, как обычно — будем действовать по обстановке.

Минерва опять помолчала.

— Нам, конечно, здорово подфартило, Рой Малин, что ты такая бесчестная и презренная тварь... Но если бы у меня были руки, то после каждого твоего пожатия я пересчитывала бы пальцы.

Рой хмыкнул и стал готовить к работе пусковой пульт торпед, одновременно следя за тем, что происходит в курсантской рубке.

— Внимание! — пророкотал Фотерингтон-Томас с характерным нажимом на последний слог. Хотя Рой прекрасно знал, что это Минерва, он невольно вздрогнул — не отличить! Меж тем голос продолжал: — Это была учебная тревога. Повторяю — это была учебная тревога. Всем судам — отбой тревоги, вернуться на предписанный курс. Время реакции на сигнал — на пятьдесят три процента хуже оптимального. На целых пятьдесят три процента! В следующий раз, я надеюсь, результат будет лучше. Через четыре стандартных часа командно-преподавательскому составу собраться для разбора и выставления оценок. Конец связи.

Что творилось после этого сообщения с лицами на экране, не поддается описанию. Такой гаммы чувств на физиономиях курсантов Рой еще не видел.

— Нормально, — подытожила Минерва. — Теперь слушай. Я снижу скорость минуты на две — на большее лучше не рассчитывать. За это время ты должен успеть сбегать к нашим оболтусам и хорошенько наорать на них, чтобы они помнили твой страшный голос по меньшей мере ближайшие полчаса. Меньше чем через полчаса ты не сможешь заявиться к ним снова.

«Хорошо, если через полчаса я вообще смогу куда-нибудь заявиться», — мелькнуло в голове у Роя. Он сделал шаг к мобильной переборке, отделяющей капитанский мостик от студенческой рубки. Когда тяжелая стена отошла в сторону, он уже принял позу, соответствующую моменту: расправил плечи и положил сжатые пудовые кулаки на бедра. Обвел тяжелым взглядом курсантов — не торопясь, пока не убедился, что молнии, которые он метал из-под бровей, попали в каждого. Наконец Рой заговорил, и с каждой новой фразой громовые раскаты его голоса стали набирать силу:

— Плюс пятьдесят три процента! Это все, на что вы способны?! Хотите, чтобы я поверил, будто вы не можете шевелиться пожизненно?! Черта с два — я видел, как вы разбегаетесь, когда я объявляю, что урок закончен! Может быть, слегка подсмолить ваши маленькие задницы лазерным лучом, тогда вы оживете!! Так я вам это запросто устрою!

Не успев оправиться от первого испуга, курсанты снова похолодели от ужаса — на этот раз вызванного ревом Роя. А ведь Малин только разогрелся.

— Мистер Пизон! Быстро убрать эту дурацкую улыбочку! На вашем месте я бы плакал. Вы все только что продемонстрировали, что как будущие офицеры космического Флота вы просто дерьмо! Да, да, Гиллибранд, мистер Ловкие Пальцы, к вам это тоже относится. И вообще — какого дьявола вы сидите?! Вы на борту моего судна, и когда я вхожу, обязаны ВСТАТЬ! Ну-ка быстро отстегнуться от кресел! Взвоо-од... Не дергаться, мистер Граббер, не дергаться раньше времени. Взвод, смир-рно! О Боже Иисусе всемилостивый, мистер Граббер, что это вы такое изобразили? Вы что, место даме уступаете? Мне плевать, что на вас скафандр, я должен слышать, как щелкнут каблуки. Вы кадеты, будущие офицеры, а не выпускницы женского пансиона. Еще раз: взво-о-од, сми-р-р-на-а!!

Рой прошелся вдоль строя, заглядывая в лица и грозно сопя носом.

— Сейчас получше. Но все равно — пятьдесят три процента от оптимального... А теперь скажите мне, кто будет оправдываться за вашу дерьмовую готовность перед полковником? Может быть, Минерва? Или я? Чтобы мне врезали по первое число? Через четыре часа я должен предоставить подробный рапорт. И за это время вам придется доказать, что у меня в подчинении не бардак, а взвод курсантов Академии Флота. Вы должны будете выполнить серьезную работенку, и если, дьявол вас раздери, не выполните ее как следует, — кое-кто прямо отсюда отправится домой, и этот кто-то буду не я! Управляете крейсером хуже моей бабушки, реакция на тревогу паршивая. Теперь посмотрим, чего вы стоите в боевых стрельбах. Да-да, мистер Пизон, будете стрелять на боевой скорости! Даю минутную готовность.

Не сводя взгляда с курсантов, Рой подвинул к себе мобильный пульт связи.

— Минерва, запускай беспилотные корабли — ты знаешь, какие. Россыпью. А потом готовь вторую бортовую батарею. Посмотрим, как они будут спасать мою шкуру.

— Ты хотел сказать, их собственные шкуры, — поправила Минерва, на сей раз своим голосом.

— Да, именно. Орудия — в боевой режим!

Прямо из стены с шипением выкатились пусковые устройства. Не дожидаясь очередного окрика от бешеного солдафона, в которого внезапно превратился их преподаватель, курсанты поспешили занять кресла. Даже кошмарная скорость кораблей условного противника на прицельных экранах пугала их меньше, чем выражение лица капитана Малина.

— Вот так, — одобрительно бросил Рой и добавил: — Помните, вы заботитесь не о моей заднице, а о своей собственной.

Переборка отошла в сторону, Рой неспешно переступил порог. С трудом дождался, пока стены соединятся за спиной, и бросился к своему креслу. Чувствуя на себе ироничный электронный взгляд, Рой попытался восстановить сбитое дыхание, закашлялся, и секунд десять не мог разогнуться.

— Кошмар, — промурлыкала Минерва.

— Ненавижу орать, — просипел Рой, переведя наконец дух.

— Если бы мы не были так близко знакомы, я бы не поверила... Короче — они будут на расстоянии прицельного выстрела через три минуты. Все ракеты готовы к пуску.

— Все до одной?

— Все до одной. Сбивай их тепленькими — лучшая тактика. Особенно когда их так много, как сейчас. Не больше трех ракет на каждый — проблема, знаешь ли.

— Как раз подходящая задачка для СИГИЗМУНДА. Посмотри, на что он годен, — проговорил Рой, увеличивая масштаб изображения.

— Процессор включен, — отозвалась Минерва.

Компьютерщики из исследовательского института Флота очень шумно рекламировали свое изобретение, утверждали, что система СИГИЗМУНД может произвести расчет самой сложной траектории за миллионные доли секунды, в то время как обычной навигационной аппаратуре требовалось на это несколько минут. На одной небольшой плате помещался эквивалент целого суперкомпьютера; и эта плата, вмонтированная в блок ориентировки и

наведения Минервы, ускоряла все вычисления в тысячи раз. Однако Роя это больше беспокоило, чем радовало — он все время думал о миллионах кодовых линий Флота, втиснутых в крохотный СИГИЗМУНД. Если представить, сколько неполадок может возникнуть в таком хитросплетении...

— Линии траекторий четкие, — доложила Минерва.

— Сейчас наши друзья будут менять курс, — предположил Рой. И точно — сужающиеся в пучок параболы стали расходиться. Шестерка кораблей разбилась на две тройки: три судна направились к Минерве и три — к другому кораблю.

Корпус Минервы слегка содрогнулся.

— Пошли ядерные ракеты, — сообщила Минерва.

Рой растерянно уставился на экран наведения.

— Минерва, может, эта штукавина не срабатывает? Высвечивает «Вероятность попадания» пятьдесят на пятьдесят?

— Естественно, — фыркнула Минерва. — Она ведь не гадалка, что бы там ни болтали технари. При таких серьезных раскладах моя старая навигационная система ненамного хуже...

— Ого! — воскликнул Рой и тихо выругался. Шесть кораблей мгновенно превратились в восемнадцать. — Минерва, пожалуйста, скажи, что процессор барахлит.

— Рада бы, но... Сейчас узнаем, что они такое из себя выплюнули...

Загорелись индикаторы максимальной чувствительности сканера.

— Фрегаты, — проинформировала Минерва, — тоже беспилотные. Из вооружения — только плазменные пушки. Но эти аппараты гораздо меньше маток, а значит, маневренней.

Рой ткнул пятерней в пульт связи.

— Итак, джентльмены, — официальным тоном начал он. — На экранах для вас смоделированы фрегаты Синдиката Семейств. То есть Разведка считает, что они выглядят именно так. На борту ничего серьезного, кроме плазменных пушек. Короче, чтобы к концу стрельб ни одного из них я на экране не видел! У вас три минуты — приступайте.

— Данные о первых трех ракетах, — пробормотала Минерва в наушники. — Все — мимо.

— А с ракетами-то что, черт подери? Они тоже не в порядке.

— Я думаю, противник просто предпринял контрмеры, — вздохнула Минерва.

Между тем светящиеся черточки поменьше выстроились в новый боевой порядок и начали быстро приближаться.

— Веду разведку их защиты. Это не оправдание, Рой, но чертова машинка не тянет разноплановые задачи! Я могу использовать ее либо для навигации, либо для стрельбы, либо для криптографии, но для трех функций сразу — нет. Даже для двух! Черт подери, до коих пор они будут подсовывать мне недоделанные железяки?

— Не волнуйся, кустарей на твой век хватит, — процедил Рой. — Занимайся пока только их защитой. Решить этот вопрос — остальные решатся сами собой.

— А стрелять чем?! — проревела Минерва. — Мои стандартные компьютеры не справятся с наведением — они просто не врубаются, что корабли могут выписывать такие траектории.

— При чем тут компьютеры? А мы с тобой на что? — усмехнулся Рой, отчаянно пытаясь держаться бодрячком.

— ТЕ МОРИТУРИ САЛУТАМУС! — проревела Минерва и запустила следующие три торпеды.

Фрегаты точно так же, как несколько минут назад их корабли-матки, сломали строй и пошли в разные стороны по невообразимым — еще более невообразимым — гиперболам. Так летать было невозможно, но они летели. И секунду спустя, словно небольшой рой разъяренных пчел, они закружили над Минервой, выискивая слабые места в корпусе.

И тут Минерва ожила. Из шести разных точек вырвались лучи, отлавливая верткие корабли. Один из них полыхнул, словно сверхновая, и тут же погас. Остальные шарахнулись

в стороны и поотстали, но через несколько мгновений вновь закружились рядом, продолжая выстрелами нащупывать слабинку в защите Минервы.

— Сколько продержишься? — тихо спросил Рой, придвигая к себе одну из ракетных пусковых консолей и присматривая среди атакующих фрегатов удобную цель.

— Боюсь, что не очень долго, — прошипела Минерва, и корпус крейсера снова содрогнулся — еще один торпедный залп.

— Продолжаю прощупывать контрмеры. Пощекочи-ка кого-нибудь из них.

— С удовольствием.

Рой попытался взглянуть на экран иначе — не высматривая каждую проекцию траектории, а охватывая картину в целом. Нужно было *почувствовать схему их движения*, именно почувствовать, а не вычислить. Давным-давно один из преподавателей с жаром доказывал Рою эффективность этого способа. Тогда Рой так и не дал себя убедить, но теперь ему ничего не оставалось, как попробовать применить совет мастера на практике. Если уж компьютеры Минервы не могли просчитать курс логически, то ему это тем более не светило.

— Этот — сюда, — сказал он, задавая предполагаемый курс противника пусковому устройству. — А этот — сю...

Крейсер содрогнулся с ужасающей силой. Минерва отчаянно вскрикнула.

— Что?! Что это было?

— Ядерный снаряд, — выдохнула она после секундной паузы.

— Это уже слишком близко. Выжиг несколько сенсорных глаз. Щупаю их защиту, но пока ничего не выходит.

Лицо Роя покрылось холодным потом. Всего раз или два за всю их долгую службу Минерва издавала подобный крик — сильные эмоции плохо сочетались с ее циничной натурой. Не снимая правой руки с пускового устройства, он ткнул левой в пульт связи:

— Эй вы, вонючки, кто пропустил этот снаряд? Ты, Пизон? Ладно, мне наплевать, кто это был. Вы что, соображаете, чем грозит такой взрыв? В бою он перепортил бы Минерве половину оптики. А вы знаете, сколько это стоит?! Каждый из вас лет пять драил бы палубу — на что вы еще годитесь?! — чтобы отработать эту сумму! После того, как полковник посмотрит видеозапись этого пикника, максимум что вам в будущем светит — пилотское кресло самого дерьмового скутера. Семеро монахов в задней каюте — вот вы кто. Я бы вам даже компьютерную игру не дове...

По одному из экранов разлилось зеленоватое пламя.

— Один есть, — обронила Минерва, почти не дыша.

— Давайте, давайте, ребятки, у вас это, кажется, выходит получше, чем у электронной считалки, черт бы ее прямо в...

Индикатор системы связи зашкалил — мальчишки издали торжествующий вопль. Кто-то из них пальнул плазменным лучом навскидку, и еще один фрегат разломился пополам, словно диковинный взрывоопасный сыр. И снова радостный крик — следующий луч угодил фрегату в двигательный отсек. Хорошо, что звук взрыва не проникал сквозь переборки, но зрелище и без того было достаточно впечатляющим.

Рой запустил еще две торпеды, но на этот раз задал им курс чуть в сторону предполагаемой траектории противника — может быть, они туда метнутся?

— Есть алгоритм их защиты! — возвестила Минерва. — Я полагаю, что...

В этот момент крейсер снова получил мощный удар.

— Пробоили внешний защитный слой, — тревожно констатировала Минерва. — Еще одно попадание в ту же точку — и нам будет худо.

— Очень худо?

— Все зависит от того, как долго ты сможешь дышать вакуумом.

— Ясно... Пизон! — снова повысил голос Рой. — Твоя работа, я же видел! Не надо больше таранить уже подбитые корабли. Договорились? Спасибо.

Он еще немного подправил курс одной из торпед. Корабль-матка, для которого она была предназначена, резко, невероятно резко принял в сторону, вернулся на курс и вдруг

разлетелся вдребезги.

— Ни хрена себе! Как это вышло? — поражение пробормотал Рой.

— Забыл про две другие торпеды?.. Сейчас, сейчас все будет готово. Ага! Ах вы, чертовы свинки, как же вы одурачили мой тахионный анализатор? Ну, теперь посмотрим! Рой, ради Бога, прикрой корму, вон еще двое!

— Эй, хватит спать! — крикнул Рой курсантам. — Уберите эту мелкоту с нашего хвоста! Эй, Гиллибранд, чтоб тебя... — Рой порывисто ухватился за пульт — Минерва получила удар еще хлестче прежних. — Не знаю, в какой дырке у тебя сейчас твой большой палец, живо вынимай его и нажимай на пусковую кнопку. И ты, Граббер, тоже стреляй хоть куда-нибудь. Если у тебя глаза слиплись — стреляй вслепую! Давай, давай!

Он зарядил оставшиеся торпеды. Из атакующих судов уцелели только три, и теперь они шли на Минерву — жуткие двуглавые стрелы.

Две из них захватывали крейсер в клещи, а третья взметнулась вверх и круто понеслась оттуда, словно жало скорпиона. «Жало» сделало небольшой нырок и приняло слегка в сторону. Обманное движение. «Нет, теперь вы нас на это не поймаете!» — зло подумал Рой и крикнул что-то подбадривающее курсантам, задал последнюю поправку оставшимся торпедам и выстрелил...

Корабли на экране слежения снова стали путать свои траектории.

— Выдаю истинные траектории, — бесстрастно объявила Минерва. — Вношу поправки в курс торпед...

И тут же на экране один за другим расцвели два взрыва.

Третий продолжал лететь.

— Один мимо, — сказала Минерва почти радостно. — Ничего, Рой, зато теперь у меня есть их...

— Эй, мальчики, кончайте вопить! — заорал Рой, заглушая вой и улюлюканье курсантов. — Один еще не...

Его язык прилип к небу. На экране, дававшем картинку с носовой части судна, возникло огромное двуглавое тело вражеского корабля и стало расти, расти...

...И тут из-за края кадра вырвался голубой луч — и весь передний экран превратился в раскаленный протуберанец.

Крейсер, словно футбольный мяч, посланный классным игроком, отлетел куда-то вверх и назад. Воцарилась непроницаемая тьма. И единственный звук, который отозвался в каждой клетке тела Роя — звук тяжелого удара в огромный барабан. Рой затаил дыхание, уверенный, что этот вздох был для него последним. Потом судорожно выдохнул и заорал:

— Минерва! Минерва-а-аа!!!

И вдруг зажегся свет.

— Зачем так кричать! — пробурчала она недовольно.

Рой поднял глаза на экран. Он был пуст, восхитительно пуст! И лишь где-то вдалеке рассеивалось облако огромного взрыва.

Рой дрожащей рукой нащупал пульт связи и прохрипел:

— Пизон! Я оставляю тебе жизнь! Через пять минут зайдешь.

— Опять две недели капремонта, — проворчала Минерва. — Всего за полчаса удовольствия. Снова ты меня втянул в авантюру.

— Я?!

— Ну ничего. Зато теперь у Флота будет противоядие против новой защиты Синдиката. Теперь наши будут стрелять по кораблям, а не по призракам, которые выдавали на экран тахионные сенсоры.

— Спасибо СИГИЗМУНДУ.

— Ну да, спасибо и этой железяке, — высокомерно согласилась Минерва.

— Кстати, ты «этих железяк» еще шесть штук заказала, — напомнил Рой. — Я слышал, как ты разговаривала сегодня утром с офисом Главного квартирмейстера.

Минерва издала великодушный смешок.

— А я слышала, как ты с курсантами прощался. «До свидания, ребяташки!» Этаким ласковый дедушка среди внучат.

Рой густо покраснел:

— В конце концов, они здорово сделали свою работу.

— Правда, потом немного полежали в обмороке и поплакали, — сухо добавила Минерва. — Когда узнали, что это было на самом деле.

— А что, по-твоему, я должен был им врать?

Минерва от души расхохоталась.

— Ну нет, конечно, врать нельзя. И, кстати, следующему нашему классу тоже. Они уже ждут. Иди,пусти их.

— А капремонт?!

Минерва синтезировала тяжелейший из вздохов и сказала:

— Единственное, что не поломали мне в этой драке — чертов тренажер.

Рой тяжело поднялся и пошел к выходу.

— Это поправимо, — сказал он, обернувшись на ходу. — Где-то здесь у нас должна была остаться бомба. Маленькая такая бомбочка — как раз подходящей мощности.

Хохот Минервы провожал его до самых дверей.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья LXXXVII

Всякое лицо, имеющее отношение или входящее в состав... и занесенное в списки любого корабля Военного Флота, подпадает под действие данного Кодекса. Все остальные лица, также подпадающие под его действие, несут наказания согласно Положениям данного Кодекса.

Статья LXXXIX

Любые другие лица, которые приказано принять на борт или которые уже находятся на борту любого... корабля, автоматически подпадают под действие данного Кодекса в соответствии с постановлениями, периодически издаваемыми Адмиралтейством...

Теперь Флот собирал силы на плацдарме, ограниченном двумя главными мирами халиан. На орбите планет, принадлежавших бывшим врагам землян, сосредоточилось около миллиона солдат Альянса. Большинство прибывших на Халию были неприятно поражены. Эти новые, еще не нюхавшие порошу рекруты ожидали встретить разбитый и сломленный народ. Они не учитывали редкостное чувство воинской гордости, присущее халианам. Проиграть достойному сопернику не считалось здесь позором; позором было бы не оказать должного сопротивления. В каждой войне должен быть побежденный. Отважно сражаться и потерпеть поражение не было бесчестьем. В этом отношении халиане выгодно отличались от людей.

Многие халиане захотели поступить на службу во Флот. Большинство получили вспомогательные посты, не требующие ношения оружия. Немногих опытных бойцов направили на корабли, но им не разрешалось занимать командные и ключевые посты. Воспоминания о безжалостных налетах хорьков были слишком свежи, чтобы командование Флота полностью избавилось от недоверия к ним. И уже совсем не многим позволено было сформировать целые экипажи, в состав которых непременно входил наблюдатель Флота, имевший право наложить вето на любое решение капитана и контролировавший надежно смонтированную в двигатели корабля мину.

Когда Халию оккупировали, на планету прибыли сотни психотерапевтов и социологов. Их целью было определить, может ли Флот положиться на преданность халиан. Понимая,

что только время может дать ответ на этот вопрос и заставить Адмиралтейство поверить недавним врагам, большинство ученых занялись «косвенными» исследованиями. В отличие от своих молчаливых военных соплеменников ученые были не прочь обсудить с халианами могущество Альянса. Довольно скоро аборигены поняли, что у них никогда не было реальных шансов взять верх над таким грозным противником. С горечью осознавали они, что жизни трех поколений воинов были отданы бессмысленной бойне.

Культура халиан, казавшаяся непостижимой экспертам Флота, на самом деле была очень похожа на культуру пророманских кельтов и древних японцев, где честь и славное имя ценились выше самой жизни. Единственное, что приводило в смущение специалистов — это высокий уровень технологии, не соответствующий примитивному в своей основе мировоззрению. Пока земляне искали группу экспертов для изучения комплексной психологии, халиане по-прежнему сохраняли неприязнь к человечеству, которое помогло им встать на ноги и покинуло в минуту величайшей нужды.

Беспорядки, вызванные непреодолимой подозрительностью новых союзников — людей смущали и приводили в замешательство халиан. Ветераны не понимали, почему их оставляют в стороне, в то время как Альянс напрягает все силы и перебрасывает войска с баз в трех месяцах пути. Время от времени раздражение халиан взрывалось вспышками буйства. Чаше, однако, обычная горячность жителей Халии, наследие героической культуры, проявлялась в среде мальчишек, знакомых с войной только по омниэкранам. Даже после инцидента с Добрым Сердцем Флот очень медленно осознавал ценность союза с халианами. Время шло, а некоторые из отвергнутых воинов так и не смогли приспособиться к штатской жизни и предпочли стать пиратами.

И лишь иногда редким представителям обеих рас удавалось прийти к взаимопониманию.

Стив Перри. КЪЕДЭ

Один в теплой темноте Стоун шел по грязной узкой улочке халианской деревни. Пружинящие подошвы его башмаков почти бесшумно ступали по влажным камням мостовой. Было уже поздно, и низкие тяжелые облака заволокли небо, предвещая очередной летний дождь. Единственным освещением были кое-как расставленные фонари с древними электрическими лампами, излучавшими тусклые снопы света, да редкие огоньки под замшелыми крышами каменных домов.

Камень¹ среди камней. При этой мысли у него на губах промелькнула слабая улыбка. Кто бы мог подумать, что ему доведется оказаться на Халии?

Впереди вдруг возник сноп яркого света. Это распахнулась дверь забегаловки, и на улицу вывалились трое халиан. Дверь закрылась, свет исчез, но небольшая неоновая вывеска у входа продолжала гореть бледно-голубым светом, привлекая насекомых. Местный аналог мотыльков вился вокруг светящейся надписи, наполняя улицу призрачными тенями.

Стоун никогда не понимал, почему люди окрестили халиан «хорьками». Ему аборигены больше напоминали клыкастых свиней, которых он видел в зоопарке на Земле. Опасные, дикие вепри на задних ногах.

По тому, как двигалась эта троица, было заметно, что халиане приняли какой-нибудь из местных наркотиков. Отяжелевшие и возбужденные, они были порядком удивлены, столкнувшись с одиноким человеком на улицах своего маленького городка. Удивлены и недовольны.

Человек перешел дорогу, стараясь избежать столкновения с троицей халиан, но те повернулись и побрели в его направлении. Война закончилась, Халия покорилась, но даже за время своего короткого пребывания здесь Стоун успел не раз ощутить затаенную ненависть.

¹ Stone — камень (англ.).

До цели своего путешествия, а это было более двухсот километров от космопорта, он предпочел прогуляться пешком, чтобы лучше узнать местность, ощутить дыхание чуждой культуры, понять настроения недавних врагов. В пути он узнал, что расе воинов нелегко было смириться с поражением и не каждый халианин принимал победителей от чистого сердца. Однако до сих пор Стоуну удавалось отвратить от себя ту ненависть, которой, казалось, здесь был пропитан самый воздух.

По пути трое халиан смеялись и перешучивались между собой, хлопали тяжелыми лапами друг друга по спине, спотыкались о камни мостовой и, вероятно, не чувствовали боли. На всех троих крест-накрест висели перевязи с двумя ножами. По цвету и узору перевязей Стоуну так и не удалось определить, к какому клану принадлежат встречаемые.

Самый высокий из троих приходился всего лишь по грудь землянину, однако был широк в кости и скорее всего весил не меньше Стоуна. Он поднял голову и потянул носом ночной воздух. Ветер дул Стоуну в спину, и каким бы слабым он ни был, халианин ощутил едва заметный запах человека.

Косматые существа остановились, и самый высокий громко выругался. Стоун продолжал идти вперед по другой стороне улицы и уже почти миновал опасную троицу. Зрение у халиан не особенно острое, но слепыми их не назовешь.

— Стой! — закричал вожак на халианском военном наречии.

Стоун вздохнул. На нем был темный комбинезон синтетического шелка и рюкзак со спальным мешком и немногочисленными пожитками. Оружия у него не было. Он остановился и стал наблюдать, как трое пересекают дорогу, направляясь к нему. Их движения приобрели четкость, словно встреча с человеком протрезвила их.

— Что ты делаешь в нашей деревне, обезьяна?

— Просто иду мимо, Отважный Воин.

Трое остановились в нескольких метрах от него.

— Мимо? А куда?

— К восточной границе Западной провинции, Воин.

— Один?

Стоун почувствовал опасность, таящуюся в вопросе. Можно было сказать, что его отряд впереди, что его ждут, но он давно бросил лгать. Стоуну было лишь тридцать, но он успел понять, что не сможет овладеть своим Искусством, если пренебрежет правдой, не важно, в опасности он или нет.

— Я один, Воин.

И не только сейчас, но и вообще. Его семья погибла, он последний в роду. У него ничего не осталось, кроме Искусства.

Вожак окинул взглядом своих спутников и хищно щелкнул зубами. Двое других халиан начали медленно окружать Стоуна.

— Это непредусмотрительно, обезьяна. Ночь полна опасностей. Можно поскользнуться на мостовой и переломать себе кости. Или ненароком угодить в яму.

— Я ценю твою заботу, Воин, и буду тщательно смотреть себе под ноги.

— Нет, не будешь. Мы не позволим животным шататься по улицам нашей деревни.

Вожак выхватил один из своих ножей. Лезвие сверкнуло в тусклом свете, на секунду загоревшись голубыми отблесками неоновой вывески.

— Твой скальп будет здорово смотреться у меня на стене.

Никакой утонченности!

Стоун сделал глубокий вдох. Он искал в себе страх, а обнаружил только решимость. Может, ему суждено погибнуть здесь, под ножами этих пьяниц, но если такова его судьба, пусть так и будет. Смерть приходит, когда ей угодно. Они вооружены, они — воины, их больше, но все это не имеет значения. У него нет ничего, кроме техники. Не воспользоваться ею было бы единственным непростительным грехом.

Он стоял около стены, так что бандиты не могли подойти сзади. Впереди был только один, один слева и один справа. Тот, что впереди, должен напасть первым. Халиане —

прирожденные вояки, на легкую победу рассчитывать не придется, но только дурак отправится в путешествие по вражеской стране, не зная слабых мест противника.

— Я даже не стану мारать о тебя когти, обезьяна, прощальную песенку тебе споет мой нож.

Стоун еще раз попытался закончить дело миром:

— А тебе неинтересно узнать, почему я один?

Вожак пару секунд помедлил.

— Потому что ты обезьяна и, значит, глуп. — С этими словами он выступил вперед и нанес прямой удар Стоуну в лицо.

Прежде чем убить, он хотел изувечить. Причинить страдания и заставить жертву вопить от страха. Он хотел насладиться зрелищем. Это было ошибкой.

Стоун выкинул руки вперед — левую ближе к себе, правую дальше для захвата. Запястье угодило халианину в локоть и заставило выпустить нож. Стоун сомкнул левую кисть на руке нападающего и перехватил удар. В ту же секунду он нанес удар ногой в солнечное сплетение хорька. Следующие тридцать секунд дышать он не сможет.

Человек выпрямился и перенес центр тяжести на руку халианина, потом подался влево, и вожак, проделав в воздухе дугу, оказался на пути нападавшего слева. Тот выругался и отскочил в сторону.

Прошло меньше двух секунд.

Третий противник, выпустив когти, кинулся на Стоуна сзади, но человек успел принять стойку и выкинуть назад правую ногу. Жесткий пластик каблука угодил халианину в морду с такой силой, что тот перекувырнулся в воздухе и ударился головой о землю. Стоун услышал, как треснул череп.

Вожак безуспешно пытался восстановить дыхание. Стоун все еще удерживал его передним захватом, и второй атакующий мог приблизиться, только наступив на своего поверженного товарища, то есть на очень ненадежную опору.

Стоун выпустил вожака, выхватил его второй нож и ударил лежащего бандита между четвертым и пятым ребрами. Удар пришелся в сердце. Вытащив нож, Стоун выпрямился и вонзил клинок прямо в рот другому противнику.

Всего четыре секунды.

Рефлексы последнего халианина были заторможены той гадостью, которую он выпил, и тем не менее ему удалось отвести нож в сторону. Стоун прыгнул через умирающего вожака за спину третьему врагу и обхватил левой ногой его голень. Он ткнул правым башмаком халианину в бедро, сделал подсечку левой, и пораженный бандит повалился навзничь.

Стоун перекатился, схватил с земли нож и вонзил его в горло ошарашенного хорька. Длинный клинок прошел насквозь и врезался в камень мостовой. Острие хрустнуло и сломалось.

Стоун отскочил назад и повернулся, рефлекторно ища новых противников.

Семь секунд. Восемь...

Стоун всматривался в ночь. Сердце билось слишком медленно, кровь кипела от избытка адреналина. Он сделал два глубоких вдоха и заставил себя расслабиться. Стояла тишина, вокруг не было никого, кроме троих умирающих.

Он коротко кивнул себе. Техника хороша. Не безупречна, но хороша. Его совесть была чиста. Эти трое сами избрали свою судьбу. Это карма. Их — умереть, его — выжить.

Он еще раз глубоко вздохнул и двинулся в ночь.

Берк следила за обреченным. В окружении двух телохранителей он вышел из антигравитационной машины и направился к борделю. На сей раз жертвой Берк должен стать старый, заплывший жиром халианин, с седеющей шерстью и платиновыми коронками, сверкающими на месте передних клыков. Богатый торговец, продавец яда, извращенец, растлитель детей, возможно, он не хуже сотен себе подобных. Жертве не повезло только в одном: она решила распространить торговлю наркотиками и на родной мир Берк. На Аэри,

планете нидийцев, которую правящие чужеземцы-земляне называли Цель, жертва навлекла на себя гнев кого-то, кто мог заплатить Гильдии Без Гнезда. Прошло уже три года с тех пор, как был подписан контракт об уничтожении жертвы. Но Гильдия ничего бы не стоила, не имея она достаточно терпения.

Антигравы все еще поднимали пыль на мостовой рядом с уличным ресторанчиком, где сидела Берк, прозрачные облачка слабо мерцали в утреннем свете. Она знала, что ее заметили хозяева соседних заведений: нидийцы обитали на многих планетах, но на Халии птичий народ был еще редкостью. Конечно, это усложняло задачу, но это была часть ее работы.

Толстый халианин вместе с телохранителями вошел в бордель. Там, как стало известно Берк, он собирался вступить в извращенные половые сношения либо с женщиной другой расы, либо с местным подростком. Это было его коньком. Берк хорошо платила за информацию. Убийца должен знать о своей жертве все. А Берк была лучшим агентом Гильдии на других планетах, ее отец до самой смерти оставался Мастером-Убийцей, а мать, тоже погибшая, стала первой женщиной, которую приняли в Гильдию Без Гнезда. Берк носила имя матери, а значит, не могла позволить себе опозорить это имя, не важно, насколько сложно и невыполнимо задание. У нее не было ни сестер, ни братьев, которые могли бы смыть пятно неудачи, ни детей, которые могли бы закончить ее дело.

А это задание, размышляла Берк, потягивая теплую йабу из дешевого пластмассового стаканчика, не самое сложное из тех, что ей приходилось выполнять. Жертва вооружена, ее охраняют, хотя само по себе это не имеет особенного значения. Жертвой был пануа — так народ недж называл халиан, это означало «крыса», но Берк уже убила больше дюжины чужаков — обезьян, крыс, неважно. Особые условия соглашения устанавливали, что смерть жертвы должна выглядеть как несчастный случай. А это несколько труднее. Легко убить дубиной, дротиком или руками, но сделать так, чтобы смерть казалась естественной, гораздо сложнее.

Берк допила свой стакан и встала. Мадам, хозяйка борделя, как раз должна была предложить новоприбывшему особую сделку. Не желает ли он индийскую самку? И невинную к тому же? Уж, конечно, пожелает, ибо пануа проявлял извращенную тягу к ее расе. Берк знала это наверняка.

Берк обошла вокруг отеля и отперла неохраняемую дверь (кодом замка ее снабдила мадам) и, как было условлено заранее, стала ждать в пустой комнате.

Через несколько секунд появилась мадам — тоже пануа, старуха, которой давно пришлось оставить профессию проститутки.

— Он готов, — сказала мадам.

— Отлично. — Берк помедлила, а потом добавила: — Ты сделала все, как я сказала. — Это не было вопросом.

— Да. Я сама э... работала там, когда мой народ оккупировал твою планету.

— Раз ты была на моей планете, ты должна была слышать о Гильдии Без Гнезда.

— Да, конечно.

Берк знала, что старуха-пануа будет молчать, что бы ни случилось. И все же не лишним было припугнуть старую шлюху. У беспечных убийц очень короткая карьера.

— Тогда ты знаешь, что нет такого места, куда не дотянулась бы рука Гильдии, ни одного гнезда, достаточно глубокого, ни одного насеста, достаточно высокого, чтобы она не смогла при желании... достать тебя.

— Я... я слышала об этом.

— Тебе хорошо заплатили за услуги. Люди не позволят тебе содержать заведение, если до их бледных ушей дойдет хоть какой-нибудь слух. Халианин, который ждет меня в комнате, тоже принадлежит к своему клану. Они не пощадят, если узнают, что ты помогала убийце. Но самое главное: если обмолвишься хоть словом о том, что произойдет здесь сегодня, Гильдия Без Гнезда поставит перед собой задачу отыскать тебя и твоих близких. Отца, мать, сыновей, дочерей. Ты понимаешь, что это значит?

— Д-да.

— Тогда води меня.

Берк последовала за мадам по узкому коридору. Мадам за руку подвела ее к двери, по обеим сторонам которой стояли телохранители, и Берк в притворном испуге широко раскрыла глаза.

— Стой! — приказал один из охранников.

Две женщины остановились, и телохранители подошли, чтобы обыскать Берк. Они сорвали с нее тунуку, заставили снять башмаки и принялись жадно разглядывать ее наготу. Охранники лапами ощупывали ее тело, задерживаясь на груди, перемигивались и тихонько посмеивались, поглаживая ее кожу.

— Здорово, мягкая шкурка, с перышками.

— И розовая, смотри-ка.

Берк изобразила ужас. Стоило ей только войти в Амайи-транс, и она с легкостью могла бы убить этих двоих, ей даже не понадобилось бы использовать главную кату. Но, убей она охранников, и дураку станет ясно, что их хозяин нашел насильственную смерть.

— Оружия нет,пусти ее.

Жертва лежала на плоской подушке. Обычно втянутый и спрятанный половой член был обнажен, но все еще вял. Клановые перевязи и ножи валялись на полу. Старик не был похож на пануа, ожидающего неприятностей.

Дверь за Берк закрылась.

— А, птичка! Иди-ка сюда, дай я тебе покажу, что может сделать настоящий мужчина! Попробуй, каковы халиане!

— П-п-пожалуйста, Господин Воин, н-не заставляй меня делать этого! Я еще никогда не была с мужчиной, а ты т-такой большой! — Одной рукой она указала на его член, другую прижала к груди.

Как и рассчитывала Берк, страх, звучавший в ее голосе, и ее поза распалили жертву. Член халианина напрягся, пануа скатился с подушки и направился к девушке. Скажи мужчине любой расы, что у него большой член, и он чуть не лопнет от гордости.

— Я не причиню тебе вреда, птичка. Я знаю твою расу. Идем, я научу тебя искусству удовольствия!

Она вскинула ногу и ударила по возбужденному члену. Пануа взвыл от боли. Обычно скрытый, половой член халиан был очень уязвим, и Берк это знала. Знать — ее профессия.

Она оказалась за спиной жертвы, обхватила руками его шею и сжала смертельными тисками. На фоне огромного тела руки Берк казались тонкими и слабыми, но впечатление было обманчивым. Тренированный убийца-нидиец обладает колоссальной силой.

Прежде чем жертва успела моргнуть, Берк перекрыла подачу крови к мозгу. Халианин осознал угрозу и, выставив когти, потянулся к душившим его рукам, но Берк одной ногой обвила его голень и снова ударила пяткой прямо по незащищенному члену.

Пануа пытался овладеть собой и спрятать поврежденный орган, но не успел. Потеряв сознание, халианин рухнул на пол.

Берк не ослабляла железной хватки на его горле.

Наконец жертва была мертва.

Берк подтащила тело к матрасу, легла на спину и взгромоздила труп на себя. Обхватив голыми ногами жирные ляжки халианина, она сделала глубокий вдох и закричала. Голос был пронзительный и испуганный.

Никого.

Без сомнения, охранникам доводилось слышать и не такое.

— Помогите! Ему плохо! Помогите!

Это подействовало.

Оба охранника влетели в комнату и бросились к своему хозяину. Изрыгая потоки проклятий, они сняли его с Берк. Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы определить, что перед ними труп. Следов насилия не было, если не считать расплющенного

полового члена, на который охранники тщательно старались не смотреть: табу запрещало пануа видеть обнаженный член другого мужчины. Это Берк тоже знала.

— Что произошло? — спросил один из них, схватив ее за руку.

— Он... он... мы... и тут он остановился, застонал и схватился за грудь!

Телохранители переглянулись.

— Черт, — сказал один из них. — Дело дерьмо.

— Ну, это не самая плохая смерть. Он был уже старик. Давай-ка заберем его отсюда. В этом городе есть представители его клана, лучше он умрет у них, а не здесь.

— А что делать с этой?

— Она чужая, птица-шлюха. Будет молчать. Будешь?

— Д-да!

— И я так думаю. Идем. Давай унесем его.

Когда мертвую жертву вытащили из комнаты, Берк позволила себе улыбнуться.

Скрестив ноги и выпрямив спину, Имани сидел в своей келье и размышлял. Мысли продолжали тревожить его покой, ощущение чего-то неминуемого билось крыльями о стену его спокойствия. Для Халии настали черные дни, и еще чернее было грядущее. Чтобы почувствовать это, не нужно быть мастером «ладу кази».

Камень под Имани нагрелся, но стены монастыря и под палящими лучами летнего солнца источали прохладу. В монастыре было тихо и сумрачно. Во дворе под бдительным присмотром старших послушников ученики отрабатывали атакующие и защитные движения и занимались ритуальными танцами. Все казалось спокойным, но Имани чувствовал, что это не так. Он был стар, многое повидал в жизни и наконец достиг того состояния мира с самим собой, которое позволяет быть довольным всем вокруг. В юности он слыл сорвиголовой, горел желанием показать себя, использовать редкие и тайные боевые искусства. Ему не раз случалось убивать собственными лапами за реальные и вымышленные оскорбления. Он отправился на войну и умело применял там свое искусное владение оружием. Как любого молодого и задиристого халианина, его побаивались и избегали становиться поперек дороги.

Потребовались годы и опыт, чтобы в конце концов понять, что настоящему мастеру боевых искусств никогда не приходится их применять. Мастер может рассеять гнев, просто оказавшись в нужном месте; может отразить нападение одним своим присутствием. Нелегкая задача, но не таков был Имани, чтобы пугаться трудностей. И, решая эту задачу, Имани пережил своих старинных врагов. И друзей тоже. Оставшиеся в живых члены его клана годились ему в праправнуки, с большинством из них он никогда не встречался. Он прожил гораздо дольше, чем рассчитывал.

Имани вздохнул. Медитация не клеилась. Он не мог очистить свои мысли. Какая бы скрытая опасность ни витала в воздухе, она поднимала в Потоке рябь, игнорировать которую нельзя.

Старик-халианин встал. Остывшие члены протестовали, но повиновались, как всегда. Он поднялся одним плавным движением, так что казалось: вот он сидит, а в следующее мгновение уже стоит, словно не было перехода между двумя этими состояниями. Конечно, Имани уже не так быстр, как молодой халианин, но он возмещал утрату резкости, оттачивая мастерство. Теперь он не растрачивал попусту драгоценную энергию. Слова «ладу кази» дословно означали «быстрые лапы». С годами он узнал, что быстрота бывает разная. Не важно, с какой скоростью халианин мог нанести удар, атака имеет смысл, если поражает цель.

Время занятий.

В пружинной комнате Имани прикоснулся к рычагам, управляющим механизмами атаки. Комната была маленькой. Четырнадцать пружин становились невидимыми, когда вставали на свои места. Стены, пол и потолок были обшиты деревом. Механизмы атаки представляли собой толстые бруски дерева, прикрепленные к пружинам с таймерами. Испытание предназначалось исключительно для учителей. Время и последовательность, в которой срабатывали механизмы, непредсказуемо менялись каждый раз. В комнате не было

безопасного места. До каждой точки могло дотянуться по крайней мере две пружины. Таким образом, надо было или отразить удар, или увернуться от блока. Промах грозил сильным ушибом, переломом или, если удар придется в полную силу, смертью.

Имани глубоко вздохнул и встал на панель, включающую механизм. До первого удара у него есть от трех до девяти секунд. Он напрягся, прислушиваясь к едва заметному щелчку пружины, готовой выскочить из гнезда. Кто бы ни полировал сегодня твердое дерево блоков, он хорошо потрудились: блоки полностью сливались с деревянной обшивкой. В бытность свою учеником Имани проводил здесь бесконечные часы, полируя эти чертовы штуки. За долгие годы тренировок он точно знал, где расположены все четырнадцать блоков, даже если не видел их...

— Раз!

Имани метнулся влево и вскинул левую руку...

— Раз!

Он упал на пол и выставил согнутую в локте правую...

— Раз! Раз!

Хук и резкий прыжок в сторону спасли его от следующих двух ударов.

— Раз!

Когти левой лапы со всех сил полоснули по блоку, отразив удар и оставив глубокие царапины на гладком дереве. Какой-нибудь ученик изойдет проклятиями, пытаясь отполировать блок заново...

— Раз!

Пятьдесят ударов сердца, и Имани, шестой настоятель монастыря, стоял в центре комнаты. Дыхание его слегка участилось, но он справился с упражнением. Тринадцатый блок задел его ногу, это был скользящий удар, который едва взборошил шерсть, и все же Имани встревожился: или он действительно стареет, или неясное беспокойство, которое он чувствует, всерьез вывело его из равновесия. Предыдущие пятьдесят тренировок прошли без единого касания.

Полученный удар — скверный знак.

Миновав форпосты цивилизации, Стоун пошел быстрее. Эта часть Халии была одета в летние цвета и казалась почти идиллической, то там, то тут на горизонте вставали леса и рощи. Халиане в основном питались мясом, они разводили животных, очень похожих на коров, но дичь все еще составляла значительную часть их рациона. Иногда путнику попадались амбары — низкие, корявые сараи, сложенные из местного камня. Стоун старался держаться от них подальше. Дни стояли теплые, иногда шли дожди. Ночи — прохладные и влажные. Стоун питался в основном концентратами, безвкусными, но сытными, к тому же он научился распознавать несколько съедобных растений, которые разнообразили его диету.

Он прошел уже около тридцати километров с тех пор, как в последний раз видел признаки цивилизации, и был близок к цели. Наступила ночь, украсив небо странными созвездиями. Стоун знал местные названия некоторых из них: Козел, Длинный Зуб, Рука Дающего. Звезды, щедро рассыпанные по небу, давали здесь гораздо больше света, чем на Земле. Кое-где отдельные точки сливались в скопления, способные по яркости сравниться со светом небольшой луны.

До монастыря оставалось еще два километра.

Стоун продолжал шагать. Он не знал, будут ли ему рады, и все же прошел долгий путь, чтобы убедиться, есть ли хоть капля правды в легендах об Учителе из этого монастыря. Халианин, который, как говорили, достиг подлинного мастерства, сражался и победил более чем в ста смертельных поединках и который, наконец, слился с вселенной. Стоун достиг предела, он больше ничего не мог позаимствовать у своей расы. Боевые искусства Земли потеряли свою привлекательность. Но если слухи верны хоть отчасти, этот халианский мастер может кое-чему научить.

К тому же Стоуну больше некуда идти.

Так что стоило пересечь галактику, чтобы узнать правду. Имя его знаменитого дяди

сделало путешествие возможным. Не каждый доводится родственником гению войны и адмиралу. И прежде чем умереть в сражении, дядюшка успел обзавестись множеством друзей, которые с радостью предложили помощь племяннику знаменитого Эрнста Стоуна — последнему представителю славного рода.

Стоун шел сквозь халианскую ночь. Свежеющий ветерок принес запах дождя, отдаленные вспышки молний и раскаты грома предвещали шторм. Если он поспешит, то окажется на месте прежде, чем разразится гроза.

Берк вела взятый на прокат флиттер сквозь ревущий ветер. Шторм становился все сильнее. Можно было бы обогнуть его, но локаторы показывали, что грозовой фронт растянулся километров на пятьдесят.

Короткокрылая скорлупка была старой, и Берк хорошо понимала, что ей придется несладко в клубящихся грозowych тучах. Она снизила высоту, и теперь медленно летела в нескольких сотнях метров над землей, под затянутым облаками небом. Это было не труднее, чем в проливной дождь вести наземную машину. Берк находилась достаточно высоко, чтобы не наткнуться даже на самые высокие деревья. Местность здесь представляла собой пологие холмы, и она с легкостью огибала их, беря немного вверх.

Нидийцы — прирожденные пилоты, только очень немногие чувствуют себя в воздухе неуютно. Прошли миллионы лет с тех пор, как они спустились с деревьев, но старые инстинкты остались: Летательные костюмы никогда не выходили из моды на планете Берк, да и на любой другой планете, где колония нидийцев могла найти место для полета. Даже не видя ничего за плотной завесой дождя, Берк наслаждалась полетом своего хрупкого суденышка.

Молния блеснула сквозь пластиковые окна флиттера и на мгновение осветила кабину. Берк была довольна собой. Задание выполнено неплохо. Жертва устранена, а она сама уже на пути к Восточному космопорту, до которого осталось лишь две сотни километров. Еще час — и она будет там, а через несколько часов межзвездный корабль понесет ее домой.

Опять молния. Теперь уже ближе. Скорее всего флиттер уже в центре шторма, раскаты грома настолько сильны, что способны опрокинуть суденышко. Ветер становился порывистым, и у Берк не было никакого желания напороться на скалу или запутаться в верхушках деревьев, которые сейчас были только в сотне метров под нею. Берк коснулась рычагов и поднялась немного выше.

Гром перешел в непрерывный глухой гул, а белые вспышки молний сменились темным красновато-желтым сиянием. Иногда в чужих мирах происходят странные вещи — шаровые молнии и тому подобное, но этот растущий шум и жуткий свет вряд ли были явлениями природы. Слева от нежд облака отражали нечто, очень похожее на пожар в небе.

Что это?

Берк взглянула на сенсоры и обнаружила источник этого огня — корабль. Большой, по крайней мере достаточно большой, чтобы вместить сотню нежд, если сенсоры отрегулированы правильно. А сияние означает, что он садится на ракетных двигателях! К вопросу о древностях.

Возможно, гравитаторы корабля вышли из строя. Скорее всего какая-то авария — должно быть, так, иначе какого черта он стал бы приземляться в этой глуши на краю света, в самом сердце магнитной бури? Ни один пилот в здравом уме не решится садиться посреди такого отчаянного шторма, если у него есть хоть какой-нибудь выбор.

Ладно. Это ее не касается. Пусть крысы падают себе на здоровье, это их дело. Она выполнила свою задачу и улетает.

Корабль исчез за отдаленным холмом, в десяти-пятнадцати километрах от нее. Сияние погасло, гул стих, и Берк почувствовала укол любопытства. Кажется, не разбились. Какого дьявола! Она может потратить пару минут и выяснить, что стряслось.

Она сделала поворот и направила флиттер к небольшому холму, на который указывали приборы. Проливной дождь не давал ничего разглядеть, но она летела достаточно низко, чтобы заметить корабль, когда окажется прямо над ним.

Берк снова снизила флиттер, чтобы лучше видеть. Она следовала за изгибом холма в пятидесяти метрах над деревьями.

Кажется, уже рядом. Это должно быть...

Главный двигатель флиттера замер. Панель управления погасла, экраны тоже. Даже габаритные огни на концах коротеньких крыльев потухли. Флиттер лишился энергии, казалось, кто-то разом перерезал все провода.

Черт! Флиттер отрубился в воздухе и начал падать.

Берк отчаянно озиралась в поисках ровной площадки. У нее всего несколько секунд, чтобы найти насест для этой птички, или она отправится к своим предкам.

У себя в келье Имани прислушивался к завываниям шторма и рылся в памяти, пытаясь понять, что же он напоминает ему. Он не всегда был учителем, живущим в неделю пути до ближайшей деревеньки. Исполняя свой долг солдата, Имани с десятков раз бывал в рейдах к чужим мирам, и теперь вспомнил этот шум. Уже много лет ему не доводилось слышать ничего подобного, но он знал, что это: ракетные двигатели идущего на посадку корабля. Такие двигатели использовались очень редко, например, в случае аварии, когда отказывали гравитаторы или когда командир корабля не хотел, чтобы гравитаторы были обнаружены. Халианские пираты давно научились тайком пробираться на чужие планеты. Гравитаторы создавали огромные поля в форме бабочки, эти поля можно было засечь с любого спутника или наземной станции за сотни, тысячи километров от места посадки. Гравитационные двигатели было невозможно не заметить или спутать с чем-то другим. Падать же из космоса без всякого торможения и дожидаться последней минуты, чтобы врубить двигатели, — очень эффективный, хотя и рискованный способ проникнуть в лагерь врага. Правда, ракетные двигатели страшно шумят и дают яркий свет, но вряд ли это будет заметно в самом сердце грозы.

Так вот что вызвало возмущение Потока, Имани больше не сомневался в этом.

Почему корабль приземлился именно здесь?

В открытую дверь кельи тихонько постучался послушник:

— Учитель...

— Я слышал, — произнес Имани. — Недалеко отсюда приземлился корабль. Возьми трех учеников третьей ступени и найди его. Доложишь, когда найдете. Вы не должны попадаться на глаза тем, кто на корабле.

— Слушаю, Учитель.

Послушник скрылся, его подстегивало любопытство. Имани сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Он заставил себя успокоиться. Корабль и был тем самым неприятным событием, которое предчувствовал старик. Насколько велика угроза и как на нее реагировать, еще предстоит выяснить. Возможно, это будет не так уж важно.

То же внезапное напряжение воздуха — ощущение, будто краешком глаза заметил какое-то движение. Что?

Тусклая электрическая лампа, освещавшая келью, потухла.

Имани поднялся и даже в темноте без труда отыскал путь к двери. В коридоре было темно. Отключился генератор. Он был не новым, но его чинили и осматривали всего лишь несколько месяцев назад.

Имани вернулся в комнату и взял переговорное устройство, лежавшее возле его тюфяка. Не работает. Переговорник работал от батареек, которые подзаряжались автоматически.

Настоятель прошел по хорошо знакомым комнатам монастыря к компьютерному залу. Большинство техники питалось от генератора, но некоторые устройства получали энергию от солнечных батарей. Старые приборы воздушной защиты больше не использовались, но на всякий случай их держали наготове. Они работали автономно, и литиевых батарей хватило бы еще по крайней мере лет на десять.

Сенсоры вышли из строя, но старомодная металлическая игла, вмонтированная в батарею, показывала, что они заряжены.

Все электронное оборудование отказало, но кое-где источники питания были в порядке.

Имани вздохнул. На монастырь направили луч. Кто-то накрыл их энергетическим ЕМП-полем и вывел из строя даже защищенную электронику, начисто отрезав их от мира и от источников энергии.

Это мог сделать только неизвестный корабль. Зачем? Кому могло понадобиться тратить такую уйму энергии на бедный, забытый Богом монастырь? Рядом не было никакого жилья, и Имани не мог представить себе, чем могло быть вызвано подобное нападение. Конечно, приземление корабля и авария генератора могли оказаться простым совпадением, но настоятель в это не верил.

Что-то плохое надвигалось.

Стоуну удалось добраться до одной из пристроек монастыря, прежде чем шторм разорвал небо и обрушил на путника проливной дождь. Здание знавало лучшие времена и, судя по запаху, когда-то служило загоном для скота. На грязном полу кое-где валялись пучки гнилого сена, но крыша не текла. Ветер с воем врвался в открытые окна и покосившуюся дверь сарая. Стоун забрался в один из сухих уголков и сел. Он дождется, когда дождь стихнет, а потом отправится в главное здание. Он прошел такой долгий путь, что теперь уже спешить не имело смысла.

Через несколько минут раздался рев. Стоун подошел к одному из окон и попытался рассмотреть что-нибудь за завесой проливного дождя. То, что он увидел в темноте, было языками пламени, вырывавшимися из ракетных двигателей. Он не мог точно определить расстояние, но, судя по всему, не так уж близко. Ракетные огоньки были размером с карандаш, и даже вытянув руку, он легко мог закрыть их ладонью.

Странно. Он и не знал, что где-то поблизости есть космопорт. По данным Стоуна, тот порт, где он приземлился, был единственным на добрые пять тысяч километров в округе. И уж, конечно, халиане не станут использовать ракетные двигатели.

Сильный порыв ветра ворвался в окно и швырнул в лицо тяжелые капли дождя. Стоун отодвинулся в глубь сарая. Ему не было дела до кораблей, его интересовало только Искусство. Остальное не важно.

Без электричества рули флиттера с трудом повиновались гидравлическим рычагам. Мертвая птица накренилась вниз, но ценой огромных усилий Берк удалось выровнять корабль. Это было даже не планирование, а управляемое падение, но нидийка сделала все возможное, чтобы попасть на гладкую голую площадку на склоне холма. Судя по тому, что удавалось различить при вспышках молний, здесь прошел камнепад, уничтоживший деревья.

О, Мать и Отец, готовьтесь встретить свое единственное дитя на Холодных Небесах...

Менее опытный пилот промахнулся бы. Даже Берк с трудом удалось попасть на площадку, посадив флиттер на брюхо. Флиттер подпрыгнул и снова коснулся земли. Нос взрыл гравий и уткнулся в камень. Корма взметнулась вверх, суденышко крутанулось, ударившись о землю крылом. Пластиковые окна разлетелись вдребезги, крыло отскочило, и корабль окончательно рухнул на брюхо. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем искалеченный флиттер замер на месте.

Дождь хлестал Берк в лицо и застилал глаза, это был самый прекрасный дождь, который она когда-либо видела.

Генераторы все еще не работали, рация отказала, она была далеко от жилья. Никто не станет ее искать: она летела в направлении, противоположном тому, что указала в бюро проката.

Берк расстегнула ремни, взяла свою сумку и помедлила, чтобы из деталей, на первый взгляд казавшихся безобидными, собрать маленький дротиковый пистолет. Дротики представляли собой крохотные иголки с алмазными остриями, начиненные быстродействующим нервно-паралитическим ядом, и хотя маленький пистолетик стрелял только на пятьдесят метров, он не смог бы уложить на месте разве что каменную стену. Хотя даже стене пришлось бы туго. В магазине пистолета было десять дротиков, к тому же в запасе у Берк еще две полных обоймы. Незачем бродить по незнакомой планете безоружной.

Она жива, вооружена и может идти. Куда-нибудь.

Дождь немного поутих, молнии сверкали реже, ярость бури явно шла на убыль. Стоун услышал плеск воды под ногами бегущих.

Он решил, что бегут за ним, и замер. Но шаги прогремели мимо и затихли в отдалении. Через некоторое время человек поднялся и направился к окну. Отдаленных вспышек молнии было достаточно, чтобы разглядеть черневшие вдалеке фигуры — четверо халиан бежали в сторону корабля, приземление которого он только что наблюдал.

«Ага, — подумал он. — Это что-нибудь да значит. Похоже, они не ждали гостей».

Когда дождь почти перестал, Стоун заметил, что в монастыре совсем нет света. Должно быть, гроза вывела из строя генераторы.

Ладно. Пора идти и выяснить, есть ли кто дома.

Имани почувствовал присутствие чужака еще до того, как раздался стук в дверь. Настоятель не прожил бы так долго, если бы действовал безрассудно. Он собрал свое старое ружье — тоже ракетная древность. Электромагнитный импульс не мог повредить ни твердотопливных ракет, ни простой механической системы пуска. Халианин надел на пояс кобуру и засунул в нее оружие. Яркого-голубая палка-биолум освещала настороженное лицо старика.

Сканеры отказали, но в толстую деревянную дверь был врезан простейший оптический глазок, и Имани заглянул в него, чтобы рассмотреть посетителя.

На пороге стоял человек. Он был высок, на голове — тонкая шерсть, тело покрыто комбинезоном, за спиной — небольшой рюкзак. Оружия не видно.

— Да? — Имани открыл дверь.

— Меня зовут Стоун, — произнес человек на военном наречии, ровно и без малейшего акцента. В синем свете фонаря его шерсть казалась зеленой. — Я пришел, чтобы увидеть настоятеля этого монастыря.

В свое время Имани довелось видеть нескольких людей. Это были задиристые, как правило, недисциплинированные и обычно слабые существа. Но только не этот. Он держал себя в руках, ни малейшего колебания или неуверенности. По его позе и движениям — а точнее, по отсутствию движений — Имани почти сразу понял, кто он такой: перед ним стоял пловец Потока.

— Я Имани. Входи.

Халианин отодвинулся в сторону, чтобы дать человеку войти. У него не было сомнений: этот. Стоун — где он уже слышал это имя? — тоже знает, с кем имеет дело. Ва ни с чем не спутаешь, и один пловец, как правило, без труда мог узнать другого.

— Зачем ты искал меня.

— Чтобы учиться.

— А, вот оно что!

— Ты держишь свой монастырь во тьме.

— Проблемы с генератором. — Имани достал еще один биолум, сжал его, и света вокруг стало больше. Он протянул палку Стоуну, и они продолжили путь.

— Как называется твоя система?

— Чан-ген, — отозвался Стоун.

— И ты ее адепт?

— Да.

— Сюда. Биолум даст тебе достаточно света, чтобы увидеть то, что необходимо видеть.

С этими словами Имани отворил дверь в комнату с пружинами и сделал Стоуну знак войти.

Человек не мигая посмотрел на халианина. Он коротко кивнул, и Имани ощутил холодок от присутствия почти равного себе. Стоун знал, что ему предстоит испытание, знал, что оно опасно, и знал, что если откажется, то, значит, зря прошел весь длинный путь сюда. Все это стало ясно благодаря одному простому кивку, и халианин с достоинством ответил

почтительным кивком.

Стоун вошел в комнату. Имани запер дверь и с помощью наружных рычагов включил механизм пружин. Настоятель установил полную мощность, удар блока мог оказаться смертельным. Сделать меньше было бы неуважением к гостю, который так безупречно владел собой. Человек мог совершить ошибку и погибнуть, но он хотел пройти подлинное испытание. Точно так же, как захотел бы и Имани, окажись он на месте Стоуна.

Даже сквозь закрытую дверь Имани услышал удар первого вырвавшегося на свободу блока.

Каким бы ни был этот человек, в храбрости отказать ему было нельзя. В незнакомой обстановке, с единственным источником света — биоллюмом, который, без сомнения, уже отброшен на пол, даже малейшая ошибка могла оказаться смертельной. Имани надеялся, что те боги, к которым сейчас взывает чужак, будут благосклонны. Или что искусство человека спасет его.

Первое, что сделала Берк, — это вскарабкалась на вершину холма, куда рухнул ее корабль. Для нее было естественно попытаться увидеть все, что можно увидеть. Дождь почти кончился, идти стало намного легче. Получасовая прогулка по скользким камням — и она на вершине холма. Яркий свет звезд освещал местность далеко вокруг.

Первое и самое очевидное — корабль. Это было приземистое судно, сероватый корпус расцвечен круговыми отметинами, знаменовавшими многочисленные вхождения в атмосферу. Столбики пара все еще поднимались с расплавленного камня. Корабль оставался темным, не горело никаких бортовых или сигнальных огней. Конструкция его была неизвестна индийцам. Похоже на военный крейсер, однако на корабле не было никаких знаков и эмблем Флота. Вообще никаких опознавательных знаков.

У дальнего конца корабля было заметно какое-то движение и вспышки света, но со своего наместа Берк не могла разглядеть, кто это.

Эта проклятая штука отчасти виновата в том, что она здесь очутилась. Могли бы по крайней мере помочь ей.

Однако, если будешь совать руки в гнездо детц, тебе никогда не стать Мастером-убийцей, а Берк им стала, так что она решила сначала немножко присмотреться и только потом нестись сломя голову вниз с холма, размахивая руками и призывая на помощь. Надо знать, кто там рыщет в ночи. Может, и у корабля отказали генераторы, но, судя по фонарям, какие-то источники энергии там были.

Берк отправилась вниз кружным путем, так что вскоре оказалась под прикрытием рошцы вечнозеленых деревьев и смогла подкрасться к кораблю незаметно. На это ушло еще с полчаса. Вскоре до нежд стали долетать обрывки разговоров. Говорили на незнакомом ей языке, но, хотя Берк и не понимала слов, тон казался повелительным, приказным. Глубокий голос то и дело врывался в слитный гул речи, и, по ее мнению, раздавалось что-то очень похожее на неуставное «Заткните свои глотки!».

В конце концов ей удалось проползти вдоль извилистой линии темных кустов. Крупные иглы были полны воды, которая лилась на нее при малейшем прикосновении к проклятым колючкам. Она сняла мешок и забралась под куст, откуда могла наблюдать суету вокруг корабля.

При свете звезд видно, конечно, было хуже, чем днем, но Берк сумела разглядеть существа, не похожие ни на одну известную ей расу.

Это были четвероногие. Передние лапы довольно мощные, по размеру почти такие же, как у взрослых индийцев или землян. На каждой — по три пальца с большими подушечками. Задние ноги изогнутые, как у антилопы или оленя. Но там, где у оленя начинается шея, у этих существ было продолжение торса и пара рук. Головы на коротких шеях напоминали скругленные кирпичи. При скудном освещении трудно было различить цвет кожи, она казалась черной или темно-серой, висела просторными складками, почти скрывающими черты лица. Видны были только крохотные глазки и тонкая прорезь рта. Чем бы ни были эти существа, они не принадлежали ни к одной расе, о которой доводилось слышать Берк.

Некоторые определенно были самцами, другие казались самками.

Да, она была права, это солдаты.

У каждого существа был длинный нож или короткий меч, болтавшийся на перевязи поперек туловища. У некоторых на плечах висели лазерные ружья. Другие носили какие-то пакеты на горизонтальной части корпуса. Кое у кого были пистолеты в кобуре. На некоторых виднелись лоскуты ткани или одежда с эмблемами. Около тридцати существ топтались в грязи возле корабля, и Берк прикинула, что, судя по тому, как они проваливаются в размокшую жижу при силе тяжести в один «g», самые крупные должны весить не менее двух сотен килограммов. Оставалось только гадать, были ли на корабле еще пассажиры.

Кем бы, чем бы они ни были, Берк была совершенно уверена, что здесь они чужие. Приглашенные гости обычно не вламываются тайком, в шторм и вооруженными до зубов.

Берк поняла, что не станет просить их подбросить ее до ближайшего космопорта. По правде сказать, сейчас лучше всего смыться, пока кто-нибудь ее не увидел, не учуял — или что они там могут.

Берк с большой осторожностью покинула свой наблюдательный пункт. Если они солдаты — а это уж, черт возьми, как пить дать, — они должны выставить часовых. Может, она за пределами внешних постов, а может, и нет. В случае нужды она, конечно, сумеет с ними справиться, но лучше, чтобы они никогда не узнали о ней. Их дела не касаются недж, и чем скорее она доберется до космопорта и покинет планету, тем лучше.

Искусно маскируясь, Берк начала бесшумно отступать в глубь рощицы. Оказавшись шагах в двухстах от корабля, она слегка расслабилась. Наверное, она уже за пределами их постов, если чужаки вообще их выставили.

Берк как раз огибала большой валун, когда услышала какой-то шум позади. Она развернулась. Халианин. Уже совсем близко, двигается быстро. С ним еще трое.

— Держи его! — завопил один из них.

Берк не успела достать пистолет.

У нее не было времени, и она сделала единственное, что оставалось сделать: вошла в транс Амайи.

Названное так в честь мифического хищника, боевое искусство Амайи было предназначено для того, чтобы преодолеть неповоротливость сознания. Двенадцать главных кат в сумме давали защиту от любого нападения; противников могло быть от одного до шести — безоружных, вооруженных ножами или палками, мечами или копьями. Однажды впад в транс, настоящий адепт не мог вернуться к обыденному сознанию, пока не одержит верх или пока не погибнет. Компромисса не было. Сила ответного удара зависела от силы атаки. Смертельный удар, направленный на адепта в транс Амайи, вызывал ответный смертельный удар.

Однако сознание не исчезало полностью. Берк будто издалека видела, что возглавивший нападение пануа не выставил клыков и не выхватил оружия. Без сомнения, это означало, что он не собирается убить или искалечить ее. Тем лучше для него.

Берк развернулась, почти нежно положила руку на голову первого из нападавших, отскочила в сторону и наградила противника Орлом на Восходе.

Халианин перекувырнулся в воздухе и ударился о валун.

Она изобразила Королька в Гнезде, и в полет отправился второй.

Последовала Низкая Жердочка, и третий споткнувшись о вытянутую ногу Берк, покатился кубарем и растянулся под сенью невозмутимой скалы.

Недж снова развернулась в классическом веерном ударе Умирующий Дервиш. Тяжелый кулак врезался в череп четвертого. Он рухнул в лужу. Раздался всплеск.

Амайи осмотрел небеса в поисках новой опасности. Не обнаружив таковой, хищник взмахнул крыльями и исчез. Транс прервался.

Берк взглянула на свою работу. Неплохо, особенно принимая во внимание то, что эти хорьки, судя по их движениям, готовились стать адептами какого-то боевого искусства.

Она достала свой маленький пистолет и подошла к первому из нападавших, который уже пришел в сознание и стонал. Возможно, бедолаге придется полежать несколько дней в постели.

Берк говорила на двадцати языках и всех трех военных наречиях.

— Давай-ка побеседуем, — обратилась она к стонущему пануа.

Когда Стоун рывком распахнул дверь комнаты, старый халианин уже ждал его. В уголках глаз собрались морщинки, ноздри расширились. У халиан это сходило за широкую улыбку.

— Удивлен?

— Нет, — отозвался Имани. — Я не слышал, чтобы твое тело упало на пол. К тому же, тяжелых ударов тоже не было слышно. Как ты справился?

— Четырнадцатый задел меня, — Стоун указал на свое правое плечо, — но только скользящим ударом. Вот синяк от двенадцатого. — Он коснулся бедра.

— Очень хорошо, — снова улыбнулся Имани.

— Ты часто пользуешься этой комнатой?

— Каждый день.

— И как справляешься?

— Одно касание за последние пятьдесят раз.

Это произвело впечатление на Стоуна. Ему потребовалось все мастерство, чтобы избежать неминуемой смерти в этой клетке. Он почтительно поклонился Имани. Даже слепому ясно, у старика была мощная ки.

Имани ответил таким же поклоном.

— Сейчас у меня нет учеников, которые могли бы тренироваться в комнате пружин.

— Теперь есть.

Морщинки вокруг глаз и расширившиеся ноздри:

— Я польщен.

— Это мне следует гордиться, Господин.

— Давай называть друг друга «Учитель». Я вижу, что и ты можешь кое-что мне показать. Могу я считать, что ты не имеешь ничего общего с кораблем, который недавно приземлился неподалеку?

— Я наблюдал за ним из сарая. Он приземлился на ракетных двигателях, и их конструкция мне незнакома.

— У тебя есть с собой какие-нибудь электронные приборы?

— Таймер. Музыкальный генератор.

— Посмотри, работают ли они.

Стоун взял свой мешок и достал названные вещи. При голубоватом свете биолюмов было видно, что оба устройства не работают. Землянин озадаченно посмотрел на Имани.

— Наши друзья на корабле воспользовались ЕМП.

— Зачем.

— Не знаю. Интересная загадка. Но боюсь, что это к тому же дурной знак.

Стоун на минуту задумался.

— Вы воюете с кем-нибудь?

— Я об этом не слышал.

— До меня дошли слухи...

— Объясни.

— По пути на Халию я иногда встречал военных. Моего дядю очень уважали во Флоте; в память о нем кое-что рассказывали и мне. Так вот, вокруг Хатии назревает какая-то активность, в этот сектор двинули много боевых кораблей, но официально пока ничего не объявляли.

— Ага. Здесь нет ничего, что имело бы военную ценность, но такое место было бы идеальным для высадки небольшого десанта, такой пятой колонны. До ближайшей деревни несколько дней пути. Оба наших катера повреждены импульсом, связь выведена из строя. Я

послал нескольких учеников на разведку, но это было еще до того, как произошла ЕМП-атака. Вдруг они в опасности? Мне надо пойти за ними.

— Я иду с тобой.

— Это не твоя забота.

— Она стала моей, Сенсей.

— У меня было где-то старое охотничье ружье. Я принесу его тебе, Сенсей.

Стоун последовал за своим новым учителем в темный коридор.

Ночное небо почти совсем очистилось, и света было достаточно. Имани и его новый друг направились в сторону далекого корабля. Они вооружились — Имани своим ракетным ружьем, а Стоун воздушным дробовиком, но едва ли этого было бы достаточно, чтобы противостоять войскам, если таковые попадутся на пути.

Чьи же это войска?

Они проходили по знакомой местности, когда Имани вдруг остановился у одной из построек. Кто-то шел навстречу.

— Спрячься, — сказал он Стоуну. — Мы не одни. Стреляй только вслед за мной.

Человек кивнул, быстро и бесшумно скользнул к зарослям колючего кустарника и скрылся в темной листве.

Имани вытащил пистолет и вжался в стену амбара.

Шум шагов. Несколько человек топают по размокшей земле. Он узнал шаги своих учеников и почувствовал облегчение. Нет. Минутку. С ними кто-то еще, шаг у него легче. Это не халианин. И не человек. Имани почувствовал что-то еще, какое-то натяжение Потока, потревоженного невидимым присутствием. Еще один пловец? Старик вдохнул в себя воздух, ощутил запах своих учеников, но пряный запах чужака был для него загадкой. Он казался почти знакомым, и все же Имани не мог вспомнить, откуда его знает.

Появился первый из учеников, он прошел мимо затаившегося Имани. Старик позволил себе немного расслабиться и приподнял пистолет.

— Стой! — раздался приказ все еще невидимого чужака.

Двое учеников остановились. Имани вошел в состояние отрешенности, именно поэтому послушники не замечали его, хотя стоило им только повернуть головы, и они увидели бы учителя.

— Я держу этих четверых на мушке, — произнес чужак. — Если хочешь, чтобы они были живы, выходи, мы мирно побеседуем.

Несмотря на опасность, Имани усмехнулся. Она — а это была женщина, он это чувствовал, — знала, что он и Стоун здесь, в засаде. Да. Еще один пловец, это уж точно. Имани не верил в совпадения. Она, как и Стоун, послана сюда с определенной целью. Халианин спрятал оружие в кобуру. Если бы незнакомка хотела убить его учеников, они давным-давно были бы мертвы. Может, она и опасна, но по крайней мере у нее есть здравый смысл. К тому же, ее послал Поток.

— Стоун, — позвал Имани.

Послушники-халиане подпрыгнули от неожиданности.

— Господин! — с облегчением воскликнул один из них.

Стоун появился из кустов, все еще держа наготове ружье, но, повинувшись знаку Имани, опустил его.

Имани вышел из своего укрытия.

Это была нидийка. Он уже много лет не видел ни одного индийца с тех пор, как получил увольнительную на станции «Круглый Мир». Да и тогда он встречался с ними мельком. Еще один равный. Должно быть, у Потока есть веские на то причины.

Послушники выглядели так, будто побывали в переделке, держались скованно — наверняка они получили несколько синяков, а может, и пару переломов вдобавок.

— Я Имани, Мастер этих мест. Это Стоун. Как вижу, ты уже встретила с четырьмя моими учениками.

Нидийка кивнула:

— Тебе бы следовало научить их думать, прежде чем делать первый шаг.
— Они молоды, — пожал плечами Имани. — Все мы когда-то были молоды.
— Ты прав, — рассмеялась недж. — Иногда я об этом забываю. — С этими словами она засунула пистолет за пояс. — Меня зовут Берк, — представилась она.

Берк последовала за старым халианином и человеком в главное здание. Сначала она гадала, что же здесь делает землянин, но, когда подошла ближе, поняла. Человек и пануа были адептами, с ее талантом этого нельзя было не заметить, обоих выдавали и позы, и движения. Две трети своей жизни она потратила на то, чтобы изучить искусство Амайи, и отлично понимала желание этих двоих достигнуть совершенства. Они работали в разных системах, но на определенном этапе все системы сводились к одному. Эти двое походили на нее.

Оказавшись в монастыре, Имани повернулся к ученикам:

— Что с кораблем?

Тот, что первым напал на Берк, потупил взгляд и тихонько ответил:

— Мы не добрались до него, Господин.

Имани взглянул на Берк.

— Прошу прощения, — сказала та.

— Это моя вина, — отозвался Имани. — Я плохой учитель.

— Я могу рассказать тебе о корабле. Я как раз выбиралась оттуда, когда м... повстречала твоих учеников.

— И преподала им урок скромности, которой я не сумел научить их, достойная леди.

— Женщина! — воскликнул старший послушник. — Это женщина?

— Вы свободны, — сказал Имани четверым. — Идите и зажгите свет. Приготовьте факелы или биолюмы.

Четверка со всех ног бросилась выполнять его распоряжение.

— Наша электроника уничтожена ЕМП-импульсом.

— Черт! Так вот почему отказал мой флиттер. Эти проклятые четвероногие чуть не погубили меня!

— Четвероногие? — переспросил Имани.

Берк описала корабль и его команду. Ясно было, что Имани не узнает существ, которых она описывала. Но человек явно слышал о них не впервые. Имани тоже заметил это.

— Стоун?

— Когда я уже подлетал к Халии, один пьяный офицер рассказал, должно быть, больше, чем положено. Кажется, их называют косанцы. По словам офицера, это молодая раса, появившаяся в Синдикате.

— Что им могло здесь понадобиться?

Стоун покачал головой:

— Не знаю. Но если здесь замешан Синдикат, это печально. И если правдивы слухи, которые до меня дошли, — Халия в опасности.

— Почему? — спросила Берк.

— Мне кажется, готовится нападение на планету. Возможно, вторжение уже началось.

Когда появилась Берк со своими новостями, до рассвета еще оставалось три часа. Стоун знал: она из того же теста, что и он с Имани. Более того, она была искуснее его. Недавно ему пришлось убить троих халиан, она же справилась с четырьмя подобными противниками, но не нанесла им серьезных увечий, а эта задача куда более сложная. Убить гораздо легче, чем усмирить и оставить в живых.

При свете нескольких биолюмов нидийка рисовала. Было совершенно очевидно, что ей не хочется оставаться здесь, что это дело ее не касается. Но пока она набрасывала план местности вокруг корабля, а потом рисовала самих косанцев — если это были именно они, — Стоун понял, что нидийка разбирается в военной стратегии и тактике не хуже его самого. Монастырь был отрезан от мира, лишен связи и представлял собой очевидную мишень для чужаков. Берк, конечно, без труда могла скрыться в темноте, но она не знала,

какие сенсоры есть у косанцев. С приходом рассвета она оказалась бы в незнакомой местности, и ей пришлось бы столкнуться с многочисленными врагами, которые вооружены лучше ее.

То, что это враги, не вызывало сомнений.

Берк указала на изображение косанца. Оно было исполнено мастерски, уверенными штрихами опытного рисовальщика. Косанцы были отвратительными животными.

— Ноги толстые, а верхняя часть туловища кажется достаточно сильной. Вот масштаб.

Рядом с четвероногим она быстро набросала нидийца. Гммм. Впереди косанцы ростом с человека, однако зад у них ниже.

— Кожа кажется толстой, они какого-то темно-серого цвета. Зубов я не видела. Все, кого я разглядела, носили режущее оружие, у некоторых были пистолеты и лазерные ружья. Там было и тяжелое вооружение, разобранные для транспортировки. Брони нет. Я бы сказала, что это легкая пехота, возможно, это партизанский отряд, а не боевая часть.

— Лошади-ниндзя, — изрек Стоун.

— Если бы мы только могли вскрыть одного из них, — вздохнул Имани.

Стоун кивнул. Да. Знать, что снаружи, важно, однако еще важнее знать невидимые секреты твоего врага. Где у них сердце и легкие? В главном корпусе? Или в верхней части туловища? Нервные центры? А мозг? Куда лучше стрелять или наносить удар? С одной стороны, задняя часть кажется уязвимым местом, возможно, сломать этим тварям хребет легче, чем халианину или, скажем, человеку, но будет ли от этого прок? Может, они с тем же успехом могут драться и на двух ногах. Кажется, они произошли от стадных животных. Значит ли это, что они двинутся строем, или они могут действовать в одиночку? Какая у них реакция? На сколько они могут прыгнуть? Много вопросов и очень мало ответов.

Хорошо. Все это они узнают, когда представится возможность. Пока ничего здесь не поделаешь.

— Что ты об этом думаешь?

— Мы не знаем, чего они хотят, — ответил Стоун, — но, если у них есть хоть какое-то представление о военных действиях, они позаботятся о том, чтобы обезвредить единственный форпост цивилизации в этих местах. Хватило же у них ума ударить по монастырю импульсом и отключить связь. Я считаю, что они постараются напасть прежде, чем мы успеем сообразить, что происходит, и восстановить какой-нибудь передатчик.

Имани кивнул.

— Берк?

— Я согласна со Стоуном. Если бы четвероногими командовала я, я бы уже была на полпути сюда. Они могут замаскировать корабль, чтобы обычные спутники его не обнаружили. Так что теперь остается постараться, чтобы его не обнаружили с земли. Если полагать, что они сюда не на каникулы прилетели, а собираются что-то предпринять, то им понадобится место, где можно спрятать достаточно войск. Монастырь мог бы стать неплохой базой.

Мне тоже так кажется, — ответил Имани. — Я отослал своих учеников. Их двенадцать, и они хорошо знают местность, так что надеюсь, что хотя бы один из них доберется до ближайшей деревни. Пешком до нее около пяти дней. Они предупредят власти.

— Ты мог бы отправить меньше и оставить нескольких здесь, — заметила Берк.

— Они готовы сражаться, но от них было бы больше беспокойства, чем помощи. У нас нет оружия, которое мы могли бы им раздать.

— Можно просто затеряться в лесах и ждать помощи, — предложила Берк.

— Я — халианин, а они служат тем, кто поработил мою расу. Я не могу убежать, спрятаться и ничего не предпринимать. Ты бы стала прятаться, если бы это был твой мир?

— Возможно, — пожала плечами Берк.

Имани смерил ее холодным взглядом.

— У нас разные представления о верности, — сказал он. — А если бы что-нибудь угрожало Гильдии Без Гнезда?

Берк моргнула и пристально посмотрела на старика.

Стоун почувствовал, что было сказано нечто очень важное. Но он никогда не слышал о Гильдии Без Гнезда. Что это? Какой-то клан?

— Я не такой уж плохой учитель, чтобы моих учеников запросто уложил какой-нибудь неопытный боец. Я слышал об Амайи, о тех немногих, кто может летать вместе с ним.

— У тебя острый глаз, — кивнула Берк.

— Что касается тебя, ты вольна уйти, когда захочешь.

— А может, и нет, — отозвалась Берк. — Я еще не расквиталась за сбитый флиттер.

Имани быстро обрисовал план действий. Воздушный дробовик стреляет точно и убивает оленя со ста метров. Реактивное ружье самого Имани посылает снаряды дальше, но нужна очень твердая рука, чтобы попасть в цель за пределами тех же ста метров. Берк заметила, что ее дротиковый пистолет действует только на половину этого расстояния. Таким образом, продолжал Имани, они до некоторой степени ограничены в выборе стратегии. До рассвета не более двух часов, и необходимо как можно лучше использовать оставшуюся часть ночи. Когда чужаки доберутся до монастыря и взойдет солнце, все станет гораздо сложнее. Единственное реальное преимущество, которое у них есть, — то, что Имани хорошо знает местность. И, быть может, еще одно: Берк сказала, что все чужаки носят холодное оружие. Возможно, у них в ходу какие-то понятия о воинской чести. Это можно было бы как-то использовать.

— У меня есть халианские боевые ножи, вы окажете мне честь, если согласитесь принять их.

— Конечно, — ответил Стоун.

— С удовольствием, — сказала Берк.

— Думаю, мы сможем подыскать вам подходящие перевязи. И давайте поторапливаться. Тут есть лощина, которую не миновать, если хочешь добраться до монастыря. Если мы попадем туда первыми, то преимущество будет на нашей стороне.

Берк не знала, что заставило ее поступить именно так. Старик-халианин явно бросил вызов ее чести, но каким образом, она не могла дать себе отчет. Это дело ее совершенно не касалось, и все же она обнаружила, что не может просто отойти в сторону. Неужели только потому, что эти двое такие же, как она? Они были настоящими воинами — если не равными, то почти равными ей. Если не считать нескольких членов Гильдии, Берк никогда не встречала никого — будь то нидиец или чужак — кто мог бы сравняться с ней. И даже в Гильдии она была лучшей. Что чувствуешь, когда идешь в бой бок о бок с равным себе? Даже при таких шансах?

Ладно, шансы у них не из лучших, но так уж вышло. Вся жизнь — это риск. Ты создан для того, чтобы действовать, к тому же дома ее никто не ждет. Если она не вернется, Гильдия изберет нового Мастера-убийцу. По ней не будут плакать птенцы или суженый.

Им потребовалось пятнадцать минут, чтобы перенести припасы из монастыря в ближайший лесок и направиться к лощине. Она вспомнила, что уже проходила здесь раньше и что это отличное место для засады. По дну вдоль раздувшегося от дождя ручья бежала узкая тропинка, глубина лощины тоже была приличная — семь-восемь поднятых рук. Пятнадцать метров для дротикового пистолета не такое уж идеальное расстояние, но Берк была уверена, что не промахнется по такой цели, как косанец, даже в темноте. А вот проникнут ли иголки достаточно глубоко под кожу и подействует ли на этих тварей яд — это уже другой вопрос. Есть только один способ это выяснить. Сегодня ночью она уже один раз избежала смерти, и поэтому сыроватый воздух был особенно сладок. К тому же Берк прожила лишние десять лет — с тех самых пор, как во время ее третьего задания у охранника заклинило пистолет. Свое последнее задание она выполнила. Ей было нечего терять, кроме жизни. Но понимание непрочности бытия — это первое, что осознает убийца.

И уж конечно, ей могли подвернуться худшие товарищи, чем Стоун и Имани. Все, что их ждет, свершится по воле богов. Скоро она узнает, что же задумали боги.

Стоун жалел, что у него не было времени испытать свое воздушное ружье. Имани

сказал, что оно пристреляно на пятьдесят метров и мушка обозначена тремя светящимися иридиевыми точками, можно сделать пять выстрелов, а потом придется поработать механическим воздушным насосом. В магазине оказалось пять снарядов, к тому же у него был пакет с еще сорока пятью патронами.

Какой бы по пути сюда ни представлялась Стоуну жизнь в монастыре, такой сценарий ему и не снился.

Но он принимал неизбежное. Смерть придет, когда ей будет угодно. Главное — техника.

До рассвета оставался еще час, когда трое добрались до лощины и заняли позиции. Имани и Стоун расположились с восточной стороны, Берк — с западной. Казалось, годы, что прошли со времени последнего сражения, канули в никуда, и все старые чувства снова вернулись к халианину. Немного по-другому, конечно, ибо он уже не боялся смерти, как раньше. Он обрел мир с Ожидающим, но нетерпение было таким же.

Прошло пять минут. Еще не видя, старик почуял их. У них был вязкий мускусный запах, казавшийся тяжелым в прозрачном ночном воздухе. Имани поднял лапу и сделал знак Берк, затаившейся на другой стороне лощины. Они успели договориться о нескольких простейших сигналах. Этот означал: «Вот они».

Вот и они. Принимая во внимание число и размеры этих тварей, двигались они довольно тихо. Ничто не шелкало и не брэнчало. Тридцать или даже больше, прикинул Имани. У него не хватило времени сосчитать точно: враги поравнялись с ним.

Как и договорились, он возьмется за вторую пятерку. Первая пятерка — Берк, третья — Стоуна. У недж самый маленький радиус действия, так что стрелять начнет она.

Имани услышал тихое «хлоп!» дротикового пистолета и, не дожидаясь дальнейшего, открыл огонь.

Шипение его реактивного снаряда совпало с выстрелом воздушного ружья Стоуна.

Внизу кто-то выкрикнул приказ, несколько косанцев упали, убитые или раненые. Вспышки желтого огня ударили по стенам лощины, в сторону полетели камни, закипела жидкая грязь.

Засечь в темноте реактивное ружье Имани было очень легко. Ему удалось сделать четыре выстрела, прежде чем огонь лазера выровнялся и стал приближаться к его позиции. Он скользнул прочь от края лощины, в то время как огонь дюжины лазеров дотла сжег место, где секунду назад лежал халианин.

Стоун тоже откатился назад, когда лучи накрыли его позицию.

По другую сторону лощины несколько лазеров палили по насесту. Ее оружие не давало никаких предательских вспышек, но те, внизу, открыли беглый огонь, чтобы не оставить ей никаких шансов. Имани видел, как Берк отползла назад, когда вокруг заметались смертоносные лучи.

— Идем, — сказал он. — К месту встречи.

Тройка встретилась в километре от лощины. Берк оказалась первой, Стоун и Имани не заставили себя долго ждать.

— Я выстрелила все пять раз, но упали только трое, — сказала Берк. — Думаю, что в двух других иголки вошли недостаточно глубоко. Сомневаюсь, что я могла промахнуться.

— Я выстрелил четыре раза. Четверо упали, — сказал Имани. — Я целился туда, где было бы сердце у оленя.

— Я выстрелил всего трижды. Думаю, мозг у них в голове. Первому я попал в голову, и он немедленно рухнул. Второму я стрелял в верхнюю часть корпуса, он упал, но потом поднялся. Третьему я метил в нижнюю часть, в плечо. У меня не было времени поглядеть, что с ним случилось.

— Итак, мы убили или ранили десятирех, — подвела итог Берк. — А всего я насчитала тридцать пять.

— У тебя острый глаз, — заметил Имани.

— Значит, осталось больше двух дюжин, даже если все, в кого мы попали, выведены из

строю, — сказал Стоун. — Но в следующий раз так легко нам не подобраться.

— Назад к пшеничному полю? — спросила Берк.

Имани кивнул.

— У меня есть шесть взрывчатых ракет. Если они покажутся днем, мы можем подстрелить еще парочку.

— А если они поторопятся и доберутся до места в темноте? — спросил Стоун.

— Тогда нам придется придумать что-нибудь еще, — пожал плечами Имани.

Косанцы были не такими уж дураками. Они совершили огромную ошибку, оказавшись в долине. Но не склонны были повторять ее, углубляясь всей частью в пшеничное поле высотой по колено. Они достигли поля, когда солнце было уже высоко, но даже тогда решили оставаться под прикрытием деревьев.

— Что скажете? — спросил Стоун.

— Возможно, они обойдут поле с фланга или установят пушку и чуть что откроют огонь, — предположила Берк.

— Мы не можем образовать цепь, нас только трое, — заметил Стоун.

— Тогда уходим, — сказал Имани.

Человек, нидиец и халианин наблюдали из леса, как косанцы с опаской приближались к монастырю. Четвероногие готовились встретить сопротивление, но его не будет.

Своими острыми глазами Берк разглядела, что двое косанцев несли крупнокалиберные огнеметы — достаточно мощные, судя по крепившимся к ним силовым установкам; несколько солдат водили вокруг себя какими-то сенсорами — возможно, это были теплотокаторы.

Никаких следов убитых или раненых.

— Должно быть, косанцы решили, что напавшие на них отправились за подкреплением, так что долго они здесь не задержатся.

— Да, — отозвался Имани, — нам придется заняться ими прежде, чем они уйдут или разделятся.

— Задача не из легких, — заметила Берк.

— Возможно, и не такая трудная, если те мечи, что они носят, означают, что им знакомы понятия воинской чести.

Берк и Стоун посмотрели на Имани.

— Ты убийца, — обратился старик к Берк. — Ты должна знать, какой самый легкий способ попасть в цель.

Берк понимающе кивнула.

Стоун оказался не таким сообразительным:

— Ты знаешь, как можно перебить такую уйму тяжеловооруженных солдат тем оружием, что у нас есть?

— Да, если мне удастся заполучить одно из их лазерных ружей.

— Мне кажется, что лазером их не возьмешь, разве что рвануть само ружье. Я считаю, наше оружие не хуже.

— Ты не совсем прав.

Часовой нервничал, и его можно было понять. Он семенил на виду возле самой крайней пристройки. Если у часового был сенсор — а они решили считать, что у него есть все, — косанец должен был настроить его на массу халианина. Берк и Стоун были еще тяжелее, значит, сенсор среагирует и на них. Эта штука должна иметь радиус действия по меньшей мере пятьдесят метров. Так что нечего и думать подкрасться незаметно. К тому же косанец выбрал открытую площадку и легко заметил бы всякое движение между лесом и монастырем. От опушки до часового не меньше двухсот метров. Слишком далеко даже для воздушного ружья.

Значит, необходимо незаметно подобраться на расстояние выстрела.

Стрелять доверили Берк. Таким образом, отвлекать часового, пока она подберется достаточно близко, предстоит Стоуну и Имани.

План предельно прост.

Стоун появится с одной стороны и будет служить косанцу мишенью — человек настоял, чтобы эту роль доверили ему. А пока он отвлекает внимание часового, на позицию с противоположной стороны выйдет Берк.

Стоун полз на животе по липкой от дождя земле, Имани наблюдал за монастырем. Когда до солдата оставалось всего тридцать метров, Стоун поднялся и замер, предоставив локатору засечь его.

Сенсор часового запищал, тот резко повернулся и вскинул лазерное ружье.

Стоун камнем повалился в траву.

Потеряв цель, косанец с ружьем наизготовку сделал несколько шагов вперед.

Берк выскочила из-за деревьев и бросилась к часовому.

Стоун вскочил и снова упал в траву.

Косанец выстрелил.

Луч беззвучно пронесся над распростертым телом Стоуна всего в каких-нибудь десяти сантиметрах над целью. Воздух раскалился. Человеку показалось, что его опалило огнем. Слишком близко.

Косанец двинулся к Стоуну, готовый стрелять во все, что пошевелится. Давай, Берк!

Берк поняла, что не успевает. Она бросилась на землю и прицелилась. Задержав дыхание, прищурилась и спустила курок. Она целилась поверх головы часового. Отдача тяжело ударила в плечо. Берк посмотрела на цель.

Плечи косанца дернулись, он выронил ружье и схватился за спину. Попала! На добрых полметра ниже места, куда целилась, но все же попала. Целься она ему в спину, угодила бы прямо в задницу. Забавно, какие мысли приходят в голову в минуты сильного стресса!

Стоун поднялся и понесся к раненому косанцу, на бегу стреляя из дротикового пистолета. Одна из иголок пробила кожу. Часовой в судорогах повалился на землю.

Стоун схватил лазерное ружье и побежал к Берк. Показался Имани, для старого халианина он бежал довольно быстро. Берк повернулась и бросилась назад, к лесу.

Ружье было с кодом. Если спускового крючка коснется чужая рука, взорвется батарея лазера. От незадачливого стрелка останется радиоактивный кратер двадцати метров в поперечнике и двух в глубину.

Батарею можно было снять, но только вместе со спусковым механизмом.

Имани извлек смертоносную батарею и спрятал ее в мешок, который пристегнул к поясу.

— Медлить нечего, — сказал он и двинулся вперед, отбросив в сторону бесполезное ружье косанца.

Берк и Стоун шли в нескольких шагах позади.

— Так вот что он имел в виду, когда говорил о лучшем способе убить кого-нибудь, — сказал Стоун.

— Да, убить другого совсем просто, если ты согласен умереть вместе с ним.

— Он мог бы меня кое-чему научить, — покачал головой Стоун.

— Разве он даже сейчас не учит тебя?

Стоун на мгновение задумался.

— Пожалуй, ты права.

Когда они подошли к монастырю, Имани закричал:

— Есть ли у вашей расы хоть какое-нибудь представление о чести?

Появились косанцы с оружием наизготовку.

— Они будут дураками, если попадутся на это, — пробормотал Стоун.

— Они уже дураки, раз служат другим, — отозвалась Берк.

— Мы здорово рискуем.

— Не особенно, — ответил Имани. — Я знаю их, потому что знаю свою расу. Мы были рабами одних и тех же хозяев.

— Кто бросает вызов чести косанцу?! — раздался хриплый голос, говоривший на

халианском военном наречии.

— Я, Имани Халианский, и я уже убил нескольких тварей твоей расы.

Кое-кто из солдат хотел открыть огонь, но говоривший знаком остановил их.

— И ты пришел, чтобы сдаться?

— Нет. Я хочу сразиться один на один с самым храбрым из вас. Или те мечи, что вы носите, годятся лишь отковыривать дерьмо, прилипшее к вашим лапам?

— К чему вся эта глупость?

— Если я возьму верх, вы убиваетесь из нашего мира.

— А если нет?

— Тогда я мертв, и меня не касается, что вы станете делать.

— А что с твоими инопланетными друзьями?

— Мне нет до них дела, — пожал плечами Имани.

— Ты же не думаешь, что они действительно уберутся, правда? — тихонько спросил Стоун.

— Конечно, нет, — отозвался Имани. — Ты бы убрался? Нет, но поединок даст им возможность изрубить меня на кусочки. Я наверняка посчитал бы, что искромсать убийцу моих товарищей гораздо приятнее, чем попросту пристрелить. Они могли бы заподозрить ловушку, но им не терпится пустить в ход свои клинки, я знаю.

— Бросьте оружие! — приказал вожак.

Трое повиновались.

— Есть здесь кто-нибудь, кроме вас троих?

— Нет.

— Тогда иди и готовься встретить свой конец, дурак. Я сам прирежу тебя.

Имани сделал шаг вперед. Стоун положил руку на его покрытое шерстью плечо:

— Да сопутствуют тебе боги, Къедэ.

— Я не знаю этого слова.

— На одном из древних языков Земли это означает «брат», — он взглянул на Берк, — или «сестра».

Имани и Берк кивнули, короткое прощание воинов.

Вблизи косанцы не кажутся привлекательнее, отметил Стоун, а пахнут они, как старые ботинки, которые слишком долго пролежали в сыром сундуке.

— У тебя есть клинок? — спросил вожак косанцев, вытащив свой меч и разминая плечи.

— Я буду драться этим, — ответил Имани, выхватив свои ножи. Он показал клыки и отскочил назад.

— Сделайте круг, — приказал косанец своим солдатам.

Откуда Имани знал, что они поступят именно так? Просто потому, что они были стадными животными?

— Смотрите за теми двумя. — Вожак кивнул в сторону Стоуна и Берк. — И следите, чтобы не появился кто-нибудь еще.

Казалось сверхъестественным, как Имани мог все это угадать.

— Они будут наблюдать за поединком, — говорил он, разбирая лазерное ружье. — Что бы ни произошло, они будут следить за нами, особенно когда я пущу ему кровь. Будьте наготове. Через десять секунд после первого удара, не больше.

Берк и Стоун оказались под охраной двух солдат. Но часовым не было дела до этой парочки, все взгляды были прикованы к сражающимся.

Они кружили на месте. И Стоун заметил, как хорошо, уверенно, почти скользя, двигается косанец. По тому, как он обращался с мечом — слегка изогнутым стальным клинком около метра длиной, — было видно, что он опытный боец.

Косанец сделал выпад и взмахнул мечом. Быстро, но не быстрее, чем человек... или халианин.

Имани пригнулся и отразил удар ножом. Сталь лязгнула о сталь.

По толпе пробежал возбужденный шепот.
Косанец отскочил назад и снова занял оборонительную позицию.
— Отлично! — сказал он. — Это будет не просто резня.
— Ну, здесь ты ошибаешься, — отозвался Имани. Он ринулся вперед, одним ножом отразил рубящий удар сверху, а вторым клинком нанес легкий укол.
Техника Имани, как заметил Стоун, была безупречна. Всего лишь укол, когда можно с легкостью вогнать в косанца нож по самую рукоятку. Но цель халианина была в другом.
Столпившиеся солдаты загудели еще громче.
— Десять, — тихонько сказала Берк. — Девять. Восемь. Семь.
Выведенный из себя косанец сделал выпад. Стоун видел, что конвой поглощен схваткой.
— Давай! — бросил он.
Берк и Стоун едва заметно попятнулись. Никто не обратил внимания. Они повернулись и бросились прочь. Один из солдат заметил их бегство, он что-то сказал, но Стоун так и не разобрал, что именно.
— Три... два... один... — кричала Берк, легко обгоняя Стоуна.
— Прощай, Кьедэ, — прошептал человек.
Мир почернел, прежде чем до них донесся звук, и Стоун потерял сознание. Слишком близко...
Когда он очнулся, то встретил птичий взгляд Берк. Голова болела, к горлу подступала тошнота.
— Тебя ударило куском дерьма, — сказала она, указывая на что-то.
Неподалеку на земле валялась изуродованная голова косанца.
— Сработало, — сказал Стоун.
— Да, некоторые пережили взрыв. — Она похлопала по ножу, который висел у нее на перевязи. — Я их прикончила.
— Наш брат был до конца предан своему искусству, — вздохнул Стоун. — Я мог бы многому у него научиться.
— Ты научился умирать. Не это ли самое главное?
Она была права.
— Что дальше? — спросил он.
— Я возвращаюсь в свой родной мир. У меня есть обязанности. А ты?
— Меня нигде не ждут, — покачал головой Стоун.
Какое-то время она сидела молча, глядя на все еще дымящийся кратер позади.
— Я подумывала о том, чтобы расширить нашу Гильдию, — сказала она. — Как это сделал мой отец, приняв туда женщин. Он понял, что нам нужны перемены, что нельзя позволить таланту пропадать даром.
— В Гильдии Без Гнезда никогда не было чужаков.
— Будут, — сказала она, — тебе же нравится такая работа, Кьедэ?
— Конечно. А что, собственно, ты там делаешь, сестра?
«Интересно, — подумал он, — что я сказал такого смешного?»

ИНТЕРЛЮДИЯ

Никакого военного кодекса у Флота Семейств не было. Зато за плечами было несколько столетий традиционного образа жизни — необычайно жестокого и мстительного. Исключительная концентрация власти в руках глав семейств естественно привела к тому, что массовые казни стали не исключением, а скорее правилом и старшим офицерам вменялось в обязанность вести дневник — Только так они могли в случае необходимости доказать свою правоту.

Поскольку Альянс сосредоточил все силы вокруг Халии, главы семейств уже осознали необходимость использования всех ресурсов. И они решили использовать роботов,

оставшихся со времен распада империи. Стоили они, конечно, немало, но такие военные роботы в самом деле весьма эффективно выполняли свои разрушительные функции. Впрочем, можно было попытаться нанять представителей других рас из соседних скоплений. Эта идея провалилась, во-первых, из-за неизменно повторявшихся набегов халиан, а во-вторых, из-за отсутствия у потенциальных союзников всякого желания ввязываться в войну на стороне тех, чья победа в конечном итоге более чем проблематична.

Поскольку Синдикат контролировал все скопление, одним из основных источников пополнения для Флота и Пехоты Семейств стали многочисленные негуманоидные расы, давно находившиеся под их влиянием. Правда, большинство этих рас угнеталось столь сильно, что их представители вряд ли еще сохраняли способность нести армейскую службу. К тому же их физиология настолько своеобразна, что эффективно включить их в состав сил Синдиката оказалось слишком трудно даже технически.

Успехи Семейства Флейш в развитии примитивных косанцев побудили другие, более развитые Семейства повторить их эксперименты. В результате Семейство Шлайн задалось целью сделать дашанков — невысоких, но крепко сложенных гуманоидов — более кровожадными и неистовыми, чтобы уравновесить успехи других семейств в рекрутировании воинов из примитивных рас. Дашанки технически несколько более развиты, чем другие гуманоиды, а следовательно, могли использовать против людей более сложные системы вооружения — и даже космические корабли. После недолгого упрямства вся раса стала с энтузиазмом помогать Семейству Шлайн в его военных приготовлениях. Лидеры дашанков — или просто шанков — обеспечивали поставку неплохо подготовленных новобранцев в огромных количествах. Престиж семейства Шлайн был снова восстановлен. Так что когда была собрана огромная армада, чтобы «нейтрализовать» Халию, командовать ею был назначен адмирал из семейства Шлайн.

Культура дашанков, совершенно не интересовавшая Семейства, базировалась на принципах чести и институте кровной мести. Кроме того, это была очень прагматичная раса, и ее герои жили одной лишь ненавистью и жаждой мщения. В их мифологии центральное место занимали легенда о Семнадцати Рожьярах. Род Рожье был согнан со своих земель и практически полностью уничтожен враждебным кланом. Но через семнадцать поколений Рожьеры восстановили утраченное могущество и нанесли ответный сокрушительный удар. Вражеский клан был вырезан до последнего человека. Древние земли вновь вернулись к роду Рожье.

Совершенно случайно вышло так, что с тех пор как корабли Семейства Шлайн впервые прибыли на планету дашанков, прошло как раз семнадцать поколений. На кораблях, перевозивших пехоту дашанков, вернулось меньше половины солдат. Большинство подразделений имели смешанный состав и состояли как из шанков, так и из косанцев. Как правило, это были потрепанные остатки подразделений, неспособные к боевым действиям.

Челси Квин Ярбро. ТАРНХЕЛЬМЫ

Оставалось только три месяца, или семьдесят восемь дней. И закончится для него станция четвертого класса со всеми удобствами, какие можно ожидать от грузового терминала, не будет ужасной планеты с отвратительными аборигенами, которые почти никогда не ели людей — все пройдет, как кошмарный сон. Кин Трэверз уставился в огромный иллюминатор станции на осточертевший пейзаж — ровное, без всяких деталей пространство, поросшее мхом; оно внезапно обрывалось у острых, похожих на колосья образований, видимо, что-то вроде деревьев. На самом деле это были не деревья, а колонии симбиотических микроорганизмов, которые на эволюционной лестнице планеты занимали промежуточное место между животными и растениями. Вдалеке виднелась горная гряда, а за ней сверкали уже привычные вечерние отблески грозы и зигзаги молний. Трэверз глубоко вздохнул и мысленно спросил себя, как же ему все-таки удалось прожить здесь уже два года и семь месяцев?

— Вскоре вам предстоит возвратиться на Данегельд, — сказал его инспектор, которому предстояло стать менеджером — как только Трэверз покинет станцию. Хотя он был не настолько усерден, чтобы ожидать его ухода, так как любил эти места ничуть не больше, чем сам Трэверз.

— Отлично, — сказал Трэверз, прислушиваясь, как где-то неподалеку Тарнхельм схватил одно из отвратительных созданий, составлявших добрую половину диеты Тарнхельмов: нечто среднее между дикобразом и жуком-оленом, но при этом размером в половину взрослого человека. Обычно эти твари прятались в укрытиях, особенно по вечерам, когда Тарнхельмы были особенно активны.

— Мне казалось, вы будете рады вернуться домой, — сказал инспектор, ничем не выказывая радости по этому поводу.

— Я буду рад оказаться где угодно, лишь бы отсюда смотаться, — поправил его Трэверз.

Никто не любил Ошибку Сиггирта — само название станции давало полное и абсолютно верное представление о ней. Для планеты, находившейся за пределами скопления, это было еще мягко сказано; она так и осталась слабым отзвуком тех времен, когда Хаакон Сиггирт пытался превратить Синдикат в межзвездную торговую империю, наподобие древней легендарной Ганзы. В Совете Директоров все были согласны с тем, что Ошибка Сиггирта полностью бесполезна, концентрация минералов очень небольшая, здесь практически нет ресурсов, которые стоило бы экспортировать, да и как торговый центр она тоже никуда не годилась.

Но только не для Тарнхельмов.

— Встреча с главой Бешеных Тарнхельмов назначена на вечер, — сказала Рейган Кейр, программист станции; — Сеньор Восковой Тарнхельм вчера согласился на это. По крайней мере вы сможете поставить это себе в заслугу.

— Ну что же, если они и в самом деле собираются показаться нам на глаза, это произойдет действительно впервые, — сказал Трэверз, скрестив руки на груди. Затем он перевел взгляд на инспектора. — Бешеные Тарнхельмы, должно быть, лучшие из лучших Тарнхельмов, хотя кто может знать наверняка? Если они все придут на встречу, то это и в самом деле станет значительным достижением, которым можно по праву гордиться. Как ты оцениваешь наши шансы, а, Кройдон?

— Кто знает? — отозвался инспектор. — Бешеный Пять и Бешеный Девять заключили договора с нами, а Шестой и Четырнадцатый всерьез обсуждают такую возможность, так как это может повернуть ситуацию в их пользу. Это, считай, уже половина командиров эскадронов — если только они вызовут свои так называемые эскадроны, — сброд, да и только. Им известно о наших контактах с Песочными Тарнхельмами, а также с Пыльными, и я должен проинформировать вас, что они вполне удовлетворены нашим исполнением всех пунктов договора, по крайней мере это полезно для четырех Бешеных, считающих себя стоящими намного выше Песочников и Пылевиков. Таким образом, можно сделать вывод, что офицеры на нашей стороне. Правда, мне неизвестна позиция Главного Бешеного Тарнхельма.

— Надеюсь, вскоре мы узнаем о ней, — сказал Трэверз и уставился в окно тяжелым взглядом.

Среди двадцати независимо-подвижных форм жизни, которые можно было устойчиво выделить, лишь Тарнхельмы представляли какой-то интерес и ценность. Они были хищниками, охотились в одиночку, внешне выглядели — в те редчайшие моменты, когда их можно было видеть вообще — наподобие мантов из морей Старой Земли, но намного больше, ростом почти с человека, когда их веера-крылья опускались. У них также был двойной спинной хребет по обе стороны от спинного гребня. Маленькие лица, теряющиеся в кольцах перьев вокруг шеи, были мягкими и сморщенными, как гнилые яблоки. Для общения они использовали сложный язык, почти полностью состоявший из употребляемых в качестве прилагательных фраз; письменность представляла собой жесткую

последовательность, описывающую предписанные действия: убей все, кроме твоя кровь, твой босс и кровь твоего босса, и съешь, если можешь. И еще: они отвратительно пахли горелой чечевицей.

— Их интерес вселяет некоторую надежду, — сказал Кейр.

Трэверз вновь повернулся к окну и прищурившись посмотрел на небо.

— Как по-вашему, они наблюдают за нами? — спросил он.

— Кто его знает? Зачем им это нужно? — переспросил Кройдон. — Даже если это и так, большого смысла в этом нет. О Тарнхельмах начинаешь беспокоиться только тогда, когда сам можешь видеть их. — Он присел на краешек подоконника. — Пошли. Пора ужинать. Сколько в окно ни пялься, делу это не поможет.

— Не верю я им, — сказал Трэверз; он не доверял им с того самого момента, как впервые принял пост на Ошибке Ситтирта. — Они заставляют меня нервничать.

— Возможно, то же самое они могли бы сказать и о тебе. Примитивные существа вообще больше склонны нервничать, чем высокоразвитые, — произнес Кройдон, заказав ударом кулака горячий чай. — Лепешки или пирожные? — поинтересовался он.

Рейган Кейр откинула свои огненно-рыжие волосы назад.

— Пирожные, — сказала она, — небольшие и не замороженные. — Она передвинула кресло и уселась в него рядом с Кройдоном.

Менеджер позволил уговорить себя.

— Почему бы и нет? — громогласно произнес он, решив что постоянно активированные системы не отреагируют без его замечания. Дома, где никто не имел представления об опустошающем одиночестве на Ошибке Сиггирта, любое недовольство рассматривалось с подозрением. Трэверз выбрал одно из глубоких кресел и двинул его ближе к столу, на котором находилась полость выходного устройства.

— Крепкий чай, такой, как я люблю, — заказал он и одарил присутствующих самодовольной улыбкой. — Вы еще не почувствовали, какой у него вкус?

Этикет станции требовал, чтобы по крайней мере один раз в день он разделял трапезу вместе со своими ближайшими помощниками; остальные пятьдесят три сотрудника не требовали такого внимания.

— Похож на настоящий, — уклончиво ответила Кейр.

— Откуда вы можете знать? — спросил Трэверз. — Прежде такой крепкий чай был популярен на Старой Земле, и тогда он был совсем иным. — Он вообще редко снисходил до пояснений, и теперь сам удивился своим словам — пока ему не пришло в голову, что это помогает ему прогнать из головы прочь всякие мысли о Тарнхельмах.

— Сейчас уже ничего нельзя установить, — сказал Кройдон. — Конечно, скорее всего он изменился. Вроде бы его пили тогда с молоком и сливками, но кто знает, что имели в виду под этими словами? Какое молоко? Предки не удосужились объяснить нам это. — Он нажал еще несколько кнопок. — Мы тут поймали несколько тварей для Тарнхельмов: им тоже нужен пряник.

— Ненавижу эту дрянь, — с отвращением произнесла Кейр.

— Я тоже, — с жаром согласился Кройдон, что с ним случалось очень нечасто. — Смертоносные, вонючие, отвратительные, ужасные создания. Иногда мне кажется, что я сбежал бы отсюда любой ценой. Всегда удивляюсь — почему бы нам просто не загнать их всех на корабль, закрыть его и отправить прямой дорогой на солнце — это или какое-нибудь иное.

— Тарнхельмов? — удивленно произнес Трэверз и быстро обернулся, как если бы главный дворецкий опрокинул свой чай. Он совсем не хотел, чтобы по станции поползли слухи о тайных желаниях Кейр и Кройдона, хотя и полагал, что пресечь все спекуляции на эту тему, наверное, уже слишком поздно. Изменить их отношение к здешнему миру скорее всего невозможно, и с его стороны было бы непростительной глупостью пытаться сделать это.

— Да нет, я имела в виду этих тварей проклятых. И еще пресмыкающихся. И еще

качающихся. — Она вновь махнула головой, сильно нервничая. Оглянувшись через плечо и посмотрев в окно, она стала внимательно созерцать свой прибор с чаем. — Мне кажется, я не отказалась бы от лимона, — внезапно переменила она тему, как всегда поступала в подобных случаях. — И еще попросила бы Чамбуло доставить доклад мне в кабинет до того, как произойдет что-то непоправимое.

— Отлично, программист.

— Это самое плохое место для дикой жизни, — сказал Трэверз, пытаясь свести все к шутке. — Уроды, змеи, качающиеся, быстроногие — настоящий паноптикум всех мыслимых ужасов.

— А я хотел бы Синкват-Квай кофе, — попросил Кройдон. — С этим замечательным сыром с Иммерика. — Он оказывал явное предпочтение продуктам с аляповато-безвкусной планеты гедонистов, с которой вышла как минимум треть всех бакалейщиков Синдиката. — Не правда ли, лучше Синкват-Квай кофе нет ничего на свете?

— Конечно, инспектор, — согласился Харрингтон, принимаясь за чай.

— Тарнхельмы все равно вскоре будут наши, — сказал Харрингтону Трэверз, хотя главный дворецкий знал это и без него. — Нам нужно поймать несколько самых аппетитных зверей для них, а возможно, и одного-двух быстроногой, только не чересчур свирепых. Я думаю, что они не растерзают за это нашу станцию еще до того, как мы установим кооперацию с Тарнхельмами. Они не едят уки, а?

— Полагаю, что нет, — сказал Харрингтон. — А было бы неплохо.

— Да уж, — вздохнул Трэверз.

Кейр первой получила свой чай, поданный в чашке размером с суповую тарелку.

— Как вы собираетесь проводить переговоры? — спросила она, обращаясь к Трэверзу и слегка запнувшись.

— Полагаю, это будет в первую очередь зависеть от Тарнхельмов, — негромко сказал Трэверз. Он подавил в себе желание расхохотаться от того, что древнюю нелепую традицию приходится поддерживать так долго, да еще в подобных условиях. Если бы Синдикат меньше внимания уделял подобному формализму, он бы давным-давно отказался от чаепитий как бесполезной потери времени. — Мне нравятся эти молочные скорлупки, — сказал он Харрингтону. Он и в самом деле питал слабость к ним.

— Вам три или четыре. Менеджер? — спросил Харрингтон.

— Четыре, пожалуйста, — сказал Трэверз. — И я думаю, нужно напомнить Казаджио, что, пока мы будем заняты сегодняшним вечером своими делами, его охранники должны быть в полной готовности. Мы понятия не имеем, сколько здесь окажется Тарнхельмов и скольких из них мы сможем видеть большую часть времени. — Вчера он, Казаджио, предупреждал его об организации обороны на случай внезапной атаки Тарнхельмов, но тогда Трэверз не придавал этому большого значения. Сегодня его мнение переменилось.

— Мы можем использовать в ходе операции масс-детекторы, — предложил Кройдон. — Правда, они пожирают уйму энергии, но мы по крайней мере будем точно знать, сколько их здесь и где именно.

— Но тогда они поймут, что мы не очень им доверяем, — возразил Трэверз, набрасываясь на молочную скорлупку. — Насколько нам известно, показать им, что мы сомневаемся в их верности своему слову — худшее, что мы можем сделать.

— А слепая вера в их честность — чистый идиотизм, — сказала Кейр. Все трое на некоторое время замолчали, обдумывая складывающуюся ситуацию.

— Они крайне нужны нам; по крайней мере так утверждает руководство, — напомнил Трэверз, как будто сейчас был инструктаж, а не чаепитие. — В соответствии с имеющимися данными Тарнхельмы будут придерживаться противоположной точки зрения, в частности, из-за нашего конфликта с Альянсом. Они намереваются остаться в своей системе, вместо того чтобы поступить к нам на службу в качестве пиратов. — Последнюю фразу он произнес с раздражением, напоминая, что он ожидал, что им придется иметь дело с вероломным Альянсом.

— Но давайте предположим, что их Флот может сам обнаружить Тарнхельмов и сделать им аналогичное предложение — такое им вполне по силам, не сомневаюсь, или же они придут сюда с оборудованием, с помощью которого смогут обнаружить их даже в невидимом состоянии, — сказал Кройдон. — Такое вполне может однажды случиться.

— Вы хотите сказать, что Первый Наследник ошибается? — спросил Трэверз.

Кройдон покачал головой.

— Поставьте вопрос таким образом, и ответ будет «нет», — сказал он.

Горо Казаджио скрестил на груди могучие руки и посмотрел на Трэверза.

— Это плохая идея, — сказал он. — Позволить им оказаться здесь, когда ни один детектор не работает. Это все равно что отказаться от охраны вообще и отправить эскадрон обратно домой. То, что мы разрешаем им появиться здесь, — вообще очень рискованно. А отказываясь от детекторов, вы еще больше усложняете задачу.

— Детекторы могут оскорбить их, — объяснил Трэверз, в душе вполне соглашаясь с Казаджио. — А если они почувствуют хоть малейшее недоверие, о заключении пакта с ними вообще можно забыть.

— У нас уже заключены соглашения с Песочниками и Пылевики. Там не было подобного риска — по крайней мере такое создавалось впечатление. С Бешеными дело обстоит намного сложнее, хотя из них в самом деле получились бы великолепные космические убийцы. Кроме того вы сами понимаете, что если мы позволим хоть одному двуполому существу выбраться за пределы планеты, их распространение остановить будет уже невозможно. Зачем нам приспичили именно Бешеные? Вы полагаете, что нам необходимо сотрудничество всех троих, а иначе нет никаких шансов заставить кого-либо из них работать на нас за пределами планеты. Мне известна эта теория, и полагаю, что все это глупости. — Его возражения действительно были серьезными, не то что у других. — У нас здесь очень мало сил, и наша безопасность всегда под угрозой. Если мы собираемся отказаться от датчиков только из-за того, что это может обидеть Тарнхельмов, то в этом нет никакого смысла. Если Тарнхельмы явятся сюда, я не смогу гарантировать ничьей безопасности. Не забывайте, ведь они питаются человечинкой.

— Ну, не столь уж часто. — Трэверз опустил голову, тихо вздохнув. — Горо, мне не так-то легко было решиться на это. Если бы этого не потребовал сам Первый Наследник, я бы просто отказался от переговоров. — Это было не совсем верно, так как Трэверз — слишком бюрократ и чересчур дипломат, чтобы решиться действовать вопреки интересам Семейства, какими бы благородными ни были мотивы. — Я предполагал отказаться от этого и хочу, чтобы тебе это тоже было известно. Но не думаю, что было бы мудро мне или кому-нибудь другому на Ошибке Сиггирта сказать Первому Наследнику, что его стратегия ошибочна. Вот только вы хотите попробовать.

— Не я, — ответил Казаджио и положил руку на три энергетических оружия, прикрепленных к ремню. — Если мы решимся на это, я прикажу своим солдатам поставить парализаторы в режим широкого луча. Пусть даже Тарнхельмы останутся невидимыми — от него они не уйдут. Кроме того, они не могут оставаться невидимыми, когда находятся без сознания. Проклятие, даже если они останутся невидимыми слишком долго в бессознательном состоянии, достаточно прибавить энергию луча — и мы сможем поразить хотя бы некоторых. Такой план годится?

— Полагаю, да, — сказал Трэверз, не глядя вперед, на наступающий вечер.

— Пока они будут невидимыми, все, что мы можем предпринять — это самим оставаться невидимыми, — напомнил Казаджио. — Кроме того, они не совсем невидимы. Мы можем использовать суперсветовые сканеры: они могут дать нам какую-то информацию.

— Никаких сканеров, — жестко отрезал Трэверз. — Ничего в этом роде.

Казаджио пожал плечами.

— Думал ли кто-нибудь о том, что огромные невидимые хищники могут выступить против Синдиката? Читал ли кто-нибудь мои доклады? А если читал, то говорил ли о них на совете? Имеют ли они представление, с какой стихией затеяли игру. Неужели они все

совершенно слепы? — Он сделал быстрое движение руками, как будто отмахиваясь от пустого разговора. — А теперь им хочется Бешеных, которыми они просто не смогут управлять. От Песочников и Пылевилов толку действительно немного — почему бы не отправить именно их? Я сообщу вам, когда Тарнхельмы окажутся поблизости. Все мои солдаты будут в полной боевой готовности, если потребуется дать отпор.

— Не говорите об этом таким уверенным голосом, пожалуйста, — попросил Трэверз, надеясь, что ни одна живая душа в Синдикате не поинтересуется принятым решением. — Если Тарнхельмы решат, что мы поступаем с ними бесчестно, мы навсегда лишимся всякой надежды установить контакт в дальнейшем, да и Песочники и Пылевики тоже могут прекратить всякие контакты с нами. А этого высшее руководство нам не простит.

— А кроме того, никто из нас не пожелал бы служить в этой проклятой дыре всю жизнь, так ведь? Или на Мусорных Полях Два. Отлично. Мы будем предельно осторожны, что бы ни случилось. Лучше побеспокойтесь о Тарнхельмах. Что они знают о нас? Скажите мне хотя бы это. Менеджер.

Трэверз отрицательно покачал головой.

— Мне очень жаль... — ответил он.

На расстоянии и в видимом режиме Тарнхельмы напоминали огромные шлемы с рогами, движущиеся в направлении станции. В сумерках они оставались около поверхности, вместо того чтобы расправить свои крылья-вееры и полететь. Самый большой шел впереди, и когда они вышли к периметру станции, Казаджио мог уверенно сказать, что он принадлежит к двойному мужскому полу.

Трэверз и Кройдон надели парадные мундиры с широкими белыми воротничками, по которым можно было определить их звания. Кейр надела сногшибательное платье, блестевшее от драгоценных камней с четырех различных планет. Ее носик поморщился, когда Тарнхельм появился на станции.

— Ненавижу чечевицу, — прошептала она.

— Тихо, — сказал Кройдон, изо всех сил пытаясь не улыбнуться.

Главный Тарнхельм вплыл в помещение и издал несколько неприятных звуков.

— Боги вашего дома защитят вас от гигантских и ужасных пришельцев Извне, — перевел его речь настенный монитор.

— Приветствую также и вас, Сеньор Тарнхельм, сказал Трэверз как можно вежливей. — Просим воспользоваться нашим гостеприимством, мы рады видеть вас у нас в гостях. — Речь была переведена серией булькающих и скрипящих звуков, которые благосклонно были восприняты Тарнхельмом.

— Я Сеньор Тарнхельм, прославленный в десятках сражений и заговоров, — объявил он. — Мы — Бешеные Тарнхельмы, самые совершенные и ужасные представители нашей расы, готовы выслушать ваши предложения, если только это покажется нам не очень скучным.

— Мы приложим все усилия, чтобы этого не случилось, — заверил Трэверз. — И надеемся, что ничем не оскорбим вас во время дискуссии. Но сначала нам бы хотелось предложить вам еду и развлечения. — Он со вздохом хлопнул в ладоши и обернулся, чтобы посмотреть на Харрингтона, который во всех регалиях — от кружевной сорочки до клетчатой юбки — появился в помещении. — Где добыча? Наш гость может устать...

— Я их сейчас подам, — сказал Харрингтон, поклонившись Трэверзу и Тарнхельму.

— Если этот он/он или он/она или... — начал Сеньор Тарнхельм.

— Мы бываем либо он/он, либо она/она, — объяснил Трэверз, прекрасно понимая, насколько эта новость шокирует трехполого Тарнхельма.

— Так значит, это не сказки? — поразился гость. — Это же очень опасно — иметь только два пола. — Остальные его/его компаньоны-Тарнхельмы стали наперебой неразборчиво поддакивать.

— Разумеется, вы абсолютно правы, — сказал Трэверз, чувствуя, что он вот-вот прикажет включить фильтр воздушной очистки, послав к черту требования протокола. Из

предыдущего опыта он знал, что потребуется несколько дней, прежде чем из станции выветрится стойкий запах горелой чечевицы.

— Мы вообще всегда правы. — Снова слышались поддакивания свиты. — Мы благородные Тарнхельмы. Вы пригласили нас, чтобы говорить, — напомнил Сеньор Тарнхельм.

— Да, ради нашей обоюдной пользы, удовлетворения и согласия. Но сначала предлагаю вам утолить голод за только что пойманной добычей. Когда вы... когда вы поужинаете, мы побеседуем. — Он слегка поклонился, надеясь, что Сеньор Тарнхельм уже понял, что означает этот жест.

— Добыча, — произнес Сеньор Бешеный Тарнхельм, и даже транслятор смог передать ощущение затаенной радости, с которым это было сказано. — Замечательно.

Трэверз вздохнул еще раз и приказал Харрингтону подать добычу.

Три или четыре десятка колючих, напоминающих жуков тварей были вброшены в помещение, и Тарнхельмы поднялись в воздух, чтобы наброситься на добычу. Большинство из них исчезло из виду, как только оказались в воздухе, но когда они набросились на добычу, то стали видимы вновь. Двойные ряды зубов на нижней поверхности крыльев вытянулись к вожделенной добыче. Всего в комнате находилось двадцать три Бешеных Тарнхельма.

Примерно через двадцать минут трапеза завершилась, Сеньор Бешеный Тарнхельм величаво подлетел к Трэверзу, на ходу запихивая в себя последние куски лакомства.

— Приятное начало, — сообщил он Трэверзу.

— Рад слышать это от вас, господин Бешеный Тарнхельм, — ответил Трэверз, чувствуя, что первый барьер на пути к взаимопониманию преодолен.

— Вы хотите заключить с нами пакт, как и с меньшими Тарнхельмами, — сказал Сеньор Тарнхельм. — Но не в наших правилах делать то, что делают Песочники или Пылевики. — Он/он отплыл к самому большому окну, где смог раскинуть свои крылья на весь размах.

Трэверз предпочел не возмущаться в ответ, так как Тарнхельм в ширину раза в два превышал его, Трэверза, рост.

— Мы знаем об этом. Но вам также известно, что ваши Тарнхельмы остаются здесь, на этой планете, и вы не... — он хотел было сказать «не можете», но вовремя удержался, — ...не собираетесь покидать ее, чтобы переселиться на другие.

— Это верно, — сказал Сеньор Тарнхельм.

— Мы можем помочь вам в этом и перевезти вас на другие планеты. Собственно говоря, мы заинтересованы в этом и предлагаем вам стать частью наших сил безопасности — в качестве охранников вы, с вашей способностью становиться невидимыми, просто незаменимы.

— Мы не невидимы, — возразил Сеньор Тарнхельм. — Просто у нас очень хороший камуфляж.

— В принципе это одно и то же, — продолжил Трэверз. — Лишь очень немногие из обнаруженных нами существ обладают такой же замечательной способностью. — Он не стал развивать мысль дальше и объяснять, что они либо не обладали разумом вообще, либо имели его в крайне незначительной степени и не могли быть использованы Синдикатом в своих целях.

— Другие не могут делать то, что можем делать мы, — с гордостью заметил Сеньор Тарнхельм.

— Совершенно с вами согласен, — согласился Трэверз еще раз. — Именно поэтому мы и заинтересовались вами, понимаете? Разумеется, что таких талантов мы не обнаружим ни у кого, кроме вас. — Он обратил внимание, как побледнел Кройдон, — и жестом указал на него. — Это мой помощник, мой инспектор. Его зовут Кройдон, — сообщил он, зная, что Тарнхельмы не привыкли пользоваться именами.

Инспектор обнажил зубы в приветственной улыбке и слегка поклонился.

— К вашим услугам, уважаемый Сеньор Тарнхельм.

— Его зовут не так, как вас, — возмущенно сказал Сеньор Тарнхельм.

Трэверз выругался про себя, но решил поступить благоразумно и не развивать эту тему.

— Мы двоюродные братья, — солгал он, крепко сжав руку Кройдона. — Но в нас течет одна и та же кровь. — В некотором смысле их действительно можно было назвать родственниками: оба они произошли из семей англоязычных колонистов.

— Бедняги, — посочувствовал Сеньор Тарнхельм. — Это все оттого, что у вас всего лишь два пола.

— Вне всяких сомнений, вы абсолютно правы, — сказал Трэверз, собираясь вновь вернуться к основной теме разговора. — Мы бы хотели заключить с вами соглашение. Вы, насколько мы понимаем, хотели бы научиться путешествовать за пределами этой планеты. Нам, то есть Синдикату, нужны охранники. Вы умеете маскироваться так, что становитесь абсолютно невидимыми, и эта невидимость распространяется также на то, что находится между вашими крыльями. Собственно говоря, пара Тарнхельмов может обеспечить при необходимости практически абсолютную защиту человеку, закрыв его от посторонних глаз. — Мысль о том, чтобы оказаться окруженным крыльями, заставила Трэверза ощутить приступ тошноты, но он продолжил свою игру.

— Мы создадим для вас космический корабль, если вы согласитесь работать на нас.

— Я Сеньор Тарнхельм, и мое слово закон, — объявил он/он.

— Я, эээ, столь же могуществен, — сказал Трэверз и постарался вздрогнуть не слишком сильно, когда к его руке протянулось крыло старшего Тарнхельма.

Тот явно почувствовал скрытую неприязнь хозяина. Тарнхельм, обнажив длинный ряд клыков вдоль своего лица, слегка провел по кончикам пальцев своим крылом.

— Мы отправим команду из двух Тарнхельмов, чтобы защищать вас посредством нашей великолепной маскировки, а вы в свою очередь предоставите нам возможность передвигаться по территории, которая называется «Галактика». С учетом трудностей, с которыми мы уже сталкивались в прошлом, мы возьмем с собой одного из вас в качестве залога за обещанный корабль.

— Залога! — вспыхнул было Трэверз, уверенный в том, что им будет выбран именно он. Семейство поступало всегда именно так — но теперь, здесь, в забытой и заброшенной глуши, это казалось просто невозможным. — Мне осталось всего три месяца.

— Тогда пусть они передадут нам другого, — сказал Сеньор Тарнхельм, хотя Трэверз прекрасно понимал, что вот это уж точно невозможно.

— Я так не считаю, Сеньор Тарнхельм, — тяжело произнес он.

— Большой будет почетнее, — не обращая внимания на возражение, заметил тот.

Кейр и Кройдон слушали разговор в полном молчании. Лицо Кейр не выдавало никаких эмоций, но Кройдон слегка улыбался.

— Мы сообщим Синдикату, что достигли предварительного взаимопонимания, — сказал Трэверз.

— Конечно, вы можете сделать это, — согласился Сеньор Тарнхельм, и его собственный голос прозвучал, как звук барабанившей о металл дробы.

— Нам потребуется ваш... прикосновение вашего крыла, чтобы засвидетельствовать договоренность, — неуверенно произнес Трэверз, уверенный в том, что уж на этом настаивать он имеет полное право.

— Я так не думаю, — сказал Сеньор Тарнхельм после недолгого размышления. — Возможно, позднее — да, но не сейчас.

— Да, — заметил Трэверз, надеясь что его настойчивость не разрушит достигнутый успех. — Но нам необходимо какое-то свидетельство.

— Вы можете взять себе Восьмого Тарнхельма, — сказал Сеньор Бешеный Тарнхельм.

Такой конфронтации Трэверз предпочел бы избежать.

— Мы не можем сделать это до тех пор, пока не получим какого-либо заверения достигнутой между нами договоренности.

— Восьмого будет вполне достаточно, — сказал Сеньор Тарнхельм. Его голос стал

более громким, в нем слышалось шипение.

— Но он должен остаться на поверхности до тех пор, пока соглашение не будет достигнуто, — сказал Трэверз, чувствуя, что их разговор все больше начинает напоминать нелепый и смешной фарс. — Нам нужно только подтверждение договоренности, а не настоящий Бешеный Тарнхельм.

— Не хотите Восьмого — тогда Пятого, — решил Сеньор.

Трэверзу захотелось сейчас же задушить проклятую тварь. Он откашлялся — кто знает, что могли значить для Тарнхельмов эти звуки? — и попытался продолжить свою игру.

— Мне не хотелось бы обидеть вас вопросом, но наши соглашения были основаны многие столетия назад и за это время нами были заключены многие тысячи соглашений. Я вынужден заверить своего старшего — ээ, первого брата — в том, что заключенное соглашение было и в самом деле должным образом оформлено между нами. Мы будем везде отстаивать наш договор, так, чтобы все согласилось с нами и никто не смог поставить под сомнение заключенный между нами контракт. Прежде чем товары перейдут из рук в руки, прежде чем будут оказаны оговоренные услуги, в соответствии с нашими обычаями — а они составляют самую суть Синдиката — нам нужен документ, который мог бы убедить любого в том, что договор в самом деле был заключен и в том, какова его подлинная ценность. Вы это понимаете? — Он полагал, что Сеньор Бешеный Тарнхельм вообще не поймет, о чем идет речь. — И мне не позволено сделать это каким-либо иным образом. Тогда Синдикат сочтет, что моя миссия закончилась неудачей.

— Мы понимаем, что такое неудача, — сказал Сеньор Бешеный Тарнхельм. — Мы уничтожаем всех неудачников.

Трэверз сделал судорожный глоток.

— Да, — сказал он. — Похоже, вы на это способны.

Переговоры продолжались еще долгие пять часов, пока наконец Бешеный Тарнхельм не согласился оставить отпечаток когтей левого и правого крыльев на документе и не объявил, что он вполне удовлетворен беседой. В последнем Трэверз сомневался теперь даже больше, чем прежде.

Приказ продолжить выполнение миссии, пришедший сразу же вслед за подтверждением соглашения о том, что Бешеному Тарнхельму дозволяется совершить визит в штаб-квартиру Семейства и затем вернуться обратно, на Ошибку Сиггирта, не стал сюрпризом для Трэверза: все выражали симпатии Трэверзу на словах, а три его помощника затребовали — почти одновременно — своей переправки с планеты. Кройдон был одним из них.

— Я, конечно, весьма сожалею, что тебе придется застрять в этой дыре, — сказал он. — Но на твоём месте мог бы оказаться кто угодно. Но ты же не можешь желать, чтобы я тоже застрял здесь навечно. Я знаю, что ты находишься на этой планете очень давно, что тебе давно пора было сменить место службы, но ведь это служба, так ведь? У тебя она одна, у меня другая. Тебе будет проще договориться с ними; если ты оставишь меня здесь еще на год, мне прямая дорога в центр защиты сознания, и надолго, — бестактно добавил он. — Конечно, плохо будет одному из нас лишиться возможности покинуть эту Богом забытую планету, но бороться с этим бесполезно. — Он сделал жест, пытаясь успокоить Трэверза. — И не говори мне о Наследнике, хорошо? Тебе просто не повезло. Однако теперь ты станешь получать двойную зарплату за каждый день, проведенный здесь сверх положенного срока. Конечно, потратить их здесь ты не сможешь, но... Но как бы там ни было, когда все останется позади, ты сможешь повеселиться вволю. Все-таки это лучше, чем ничего.

— Какой мне с них прок, пока я нахожусь здесь, на Ошибке Сиггирта? — тяжело произнес Трэверз и расправил плечи. — С другой стороны, они просто не могут допустить, чтобы я провел здесь больше десяти лет... — одна мысль о десяти годах сделала его речь невнятной, — ...и здесь, это же просто... Господи! Одиннадцать месяцев по двадцать шесть дней — это двести восемьдесят шесть дней в году, да на десять лет. Итого две тысячи восемьсот шестьдесят дней. Почти восемь лет Старой Земли. — Последнюю фразу Трэверз

произнес уже почти шепотом.

— Да, но ведь ты уже старожил на этом аванпосту? — сказал Кройдон почти злобным голосом, хотя его глаза смотрели на Трэверза с сочувствием и пониманием. — Ты здесь знаешь все назубок. Я же не могу управлять всем этим хозяйством, да и никогда не смогу. Ты должен трезво посмотреть на вещи. Не можешь же ты позволить, чтобы один случай разрушил всю твою карьеру.

Это означало, подумал Трэверз, что они оба с Кройдоном знали о том, что очередного повышения по службе он не получил, а значит, не мог подняться намного выше теперешнего своего поста. Он осторожно подобрал нужные слова, чтобы его объяснение показалось убедительным.

— Иных не посылают в подобные места потому, что семейство им не доверяет. А иных — как раз наоборот, посылают, потому что они хорошо делают свою работу. — Правда, в его случае мотивы были иными, однако слова его в самом деле привлекли внимание Кройдона. — Да, я и в самом деле старожил на этой заставе. И это означает, что я могу иметь дело с более странными формами жизни и с более непривычными нам обычаями, чем ты даже можешь себе представить. Так что прежде чем ты представишь себя как человека, знающего обо всем этом больше любого другого, вспомни, что я уже прослужил девять лет на Лимбо. — Его улыбка была более леденящей, чем эта мерзкая планета.

— Ты ненавидишь Тарнхельмов, — убежденно сказал Кройдон. — Но ты же видишь, что я презираю их. И даже больше, чем просто презираю. Они мне противны.

— Любить я их уж точно не люблю, тут ты абсолютно прав, — сказал Трэверз, пронзив собеседника своим коронным стальным взглядом. — Как не любил и проклятых братциклеров, это отродье с Лимбо. — Он замолчал, давая возможность Кройдону переварить эту не очень приятную для него информацию.

Кройдон еще не был убежден, но уже достаточно заинтригован, чтобы дать Трэверзу повод возвратиться должок, пока тот отправлял свои записи.

— Ты мог бы рассказать об этом, — сказал он.

— Зачем? — мягко ответил Трэверз своему помощнику. — Или ты ищешь повод, чтобы остаться здесь?

— На этой станции есть Тарнхельмы, Менеджер, — сказал Горо Казаджио с мрачным удовлетворением. — Я недавно получил доклад.

— Вы видели их? — спросил Трэверз.

— Ха-ха, — пояснил Казаджио. — Вы же сами приказали не включать масс-детекторы. Как же я мог их увидеть?

— А тогда как вы узнали об этом? — вновь поинтересовался Трэверз.

— Я их чувствую. Я могу их ощущать. Трое, а может быть и четверо их постоянно перемещаются по станции. Иногда их можно почувствовать, когда они закрывают собой очищенные воздушные потоки. Это замедляет работу всей системы кондиционирования, но виной тому не она, а Тарнхельмы.

Трэверз почел за благо не демонстрировать излишнюю критичность.

— Почему вы решили, что это и в самом деле Тарнхельмы? Вы всерьез полагаете, что нам угрожает какая-нибудь опасность?

— Если неизвестно, сколько невидимых хищников-людоедов находится в пределах станции, это наверняка связано с определенным риском, — раздраженно ответил Горо. — Что вы ожидаете от этого? Или же вы решили не предпринимать никаких действий в связи со случившимся?

Страшнее этого не могло быть ничего, и хотя выражение его лица не изменилось, мысли Трэверза понеслись с бешеной скоростью. Что, если Горо Казаджио был прав, и теперь на станции появились шпионы-Тарнхельмы? Теперь он не мог предпринять ничего для их поиска, не разрушив установленный с таким трудом контакт. Он пару раз хмыкнул, а затем взглянул на Горо.

— Если ты сможешь прийти ко мне после ужина, мы сможем рассмотреть все

возможные сценарии развития событий, прежде чем я вновь встречу с Тарнхельмами. Тогда же посмотрим, что я могу предпринять в связи со случившимся.

— Опять подождать и посмотреть? — усмехнулся Горо. — Это серьезно?

Трэверз тяжело посмотрел на Горо.

— Не забывай, какие ставки в нашей игре, — сказал он.

— Это единственное, что я делаю, — заявил доведенный до белого каления Горо.

Трэверз не удостоил своим вниманием вспышку гнева у подчиненного.

— Мы почти добились подписания очень важного для нашей безопасности контракта с Тарнхельмами, и теперь впервые безопасность глав семейства может быть обеспечена совершенно по-новому. Тарнхельмы утверждают, что лояльны к нам, а честь — это единственное, что имеет для них неоспоримую ценность. — Он потер ладони. — И я не имею права разрушить это хрупкое взаимопонимание.

— Если вы дадите этим тварям возможность выбраться в космос, то в итоге получите катастрофу галактического масштаба, масштабы которой даже не можете себе вообразить. — Горо поднял вверх кулаки. — Трэверз, здесь в самом деле находятся Тарнхельмы. И не говорите потом, что я не предупреждал вас.

— А если вы ошиблись? — спросил Трэверз. — Если после предпринятого нами поиска их шпионов Тарнхельмы заявят нам, что мы нарушили договор — и они будут абсолютно правы — и объявят нам войну? Как Бешеные Тарнхельмы, они заставят Песчаных и Пылевых присоединиться к ним... — Он сжал губы и не закончил мысль, боясь, что голос может выдать его чувства.

— Вы полный кретин, Трэверз. Будьте благоразумны — сейчас нам срочно нужен отряд вооруженных рыцарей-косанцев, и с кем-нибудь вроде генерала Шенка Роджерса во главе. — Он смерил просторный холл взглядом. — Я посылаю сигнал тревоги о грозящей нам опасности Хеймленду. Под свою ответственность. И сразу предупреждаю вас, что это противоречит вашим приказам.

— Надеюсь, ты не сделаешь этого, — мягко ответил Трэверз. — Казаджио, я прекрасно понимаю, что ты считаешь это своим долгом, но все-таки прошу взвесить все еще раз.

— Но почему? Мы будем откладывать и откладывать до тех пор, пока вообще утратим всякую способность защищаться?

Трэверз содрогнулся, но спокойно ответил ему.

— Послушай, — сказал он. — Я много думал обо всем этом. Я читал твои предшествующие доклады и прекрасно отдаю себе отчет в масштабе угрозы, стоящей перед нами. Но хочу сказать тебе о том, что имеет для меня сейчас первостепенное значение: если ты в самом деле прав, это означает, что Тарнхельмы уже приняли решение напасть на нас. Если Тарнхельмы в самом деле находятся внутри станции, мы еще можем надеяться на то, что они остаются невидимыми и сравнительно безвредными. Но если мы неожиданно примемся разыскивать их, то окажемся по уши в дерьме — вот в этом можешь не сомневаться.

— Тогда почему мы не посылаем за помощью? — спросил совершенно запутавшийся Горо. Глаза его гневно блеснули.

— Потому что я хочу создать впечатление, что мы действуем по стандартной, отработанной методике. Если мы поведем себя так, как будто не произошло никаких чрезвычайных обстоятельств, Тарнхельмы будут удовлетворены. — Конечно, подобные доводы выглядели как блуждание в тумане, и он сам прекрасно понимал это. Но произнес он их с обычной своей страстной убежденностью. Горо Казаджио прищурился и всерьез задумался над словами босса.

— Я собираюсь усилить патрулирование периметра, а также объявить состояние полной готовности во внутренних помещениях. Если хоть что-то, хоть на самую малость, будет выглядеть подозрительно, я должен буду узнать об этом немедленно. — Засунув руки в задние карманы, он внимательно посмотрел на Трэверза.

— Вы выполняете исключительно важную работу в очень сложных условиях, — сказал

Трэверз, надеясь, что Горо не окажется настолько циничен, чтобы закачаться от подобного комплимента.

Горо пожал плечами и, повернувшись, отправился в зону контроля.

Трэверз мысленно поблагодарил его за предупреждение, почувствовав слабое дуновение ветерка возле самого лица. Его руки уперлись во что-то невидимое, но осязаемое, и он остановился как вкопанный.

— Брату не понравился полученный доклад, — сообщил доктор семейства — высокий цветущий мужчина с небольшим, напоминающим клюв носом и волосами столь бледными, что на первый взгляд он казался совершенно лысым. Звали его Хилендер. Он был уже трижды женат.

Трэверз внимательно смотрел на экран, пытаясь оценить свое положение и дать именно тот ответ, которого от него ожидали. Наконец он с серьезным видом коротко кивнул и решился на мягкий, осторожный ответ.

— Да. На станции действительно произошел раскол. Мнения сотрудников разделились, и сейчас нет полного согласия.

Его собеседник был одет в аккуратно подрезанный ХУП промышленного изготовления, который наверняка нельзя было бы купить даже за годовую зарплату Трэверза. Одевание производило тем больший эффект, чем небрежной демонстрировалось.

— Шеф вашей службы безопасности непреклонен в отношении Тарнхельмов. Он сообщил, что предыдущие запреты были устными и не должны были быть подняты сейчас — как и в другое время. — Он оттянул вниз нижнюю губу — жест этот наводил ужас на подчиненных.

— Сам Отец поднял запрет и потребовал, чтобы Тарнхельмы оказались под эгидой Синдиката. Он сказал, что нет никаких оснований придерживаться запрета, в то время как главы иных Семейств предпринимают отчаянные усилия, чтобы сформировать из Тарнхельмов охранное подразделение. Семейство полагает, что для нас разумнее самим взять на службу Тарнхельмов вместо обычной охраны для обеспечения безопасности адмирала Флота, раз уж мы их первыми обнаружили. — Он увидел явное неодобрение на лице Инспектора. — Я говорю абсолютно серьезно. Как я уже говорил, вы поддерживали эту идею в то время, как был установлен запрет, хотя мы рекомендовали соблюдать особую осторожность. — Записи об этом не сохранились, подумал он с облегчением, так что сейчас никто не смог бы сказать, одобрял ли Трэверз идею запрета или же выступал против него.

— Я ознакомился с записями и не намерен толковать эти решения именно таким образом. В моем распоряжении имеются многочисленные доклады о бесполезности Тарнхельмов из-за их склонности к шпионажу, наряду с рекомендациями шире использовать их в наших целях. Очень далеко смотрит вперед этот ваш инспектор. Я полагаю, что у него огромные возможности, если он не окажется излишне амбициозен, чтобы добиться ощутимого успеха. Синдикат может многое сделать с такими, как Кройдон. Теперь ваш начальник охраны тоже что-то задумал. Он ведь не очень-то любит рисковать, верно? Конечно, я уж не говорю о том, что он совершенно не подходит для подобной роли. Он из тех, кто предпочитает самый безопасный путь, и это можно понять, если учесть положение, в котором вы оказались. Основная трудность состоит в том, что он абсолютно уверен в том, что Бешеные Тарнхельмы очень опасны. Он утверждает, что они гораздо более воинственны, чем другие существа, крайне скрытны и имеют свои собственные далеко идущие планы. — Он покачал головой. — Это нас не устраивает.

— Ну нет, конечно же, нет, — сказал Трэверз. Мысли у него сменялись с лихорадочной быстротой. — В самом деле, из трех видов Тарнхельмов Бешеные Тарнхельмы обладают наиболее развитой способностью к мимикрии. У них другая структура поверхн... кожи, и они могут становиться практически абсолютно невидимыми. Человек под защитой такого существа — это лишь пара висящих в воздухе глаз, не более того. Несомненно — это выдающаяся и уникальная способность. — Он содрогнулся при этих словах и не смог скрыть дрожь — скорее он предпочел бы живым оказаться в гробу, чем позволить такой твари

обернуться вокруг него.

— Что? — От пронизательных глаз инспектора не укрылось его отвращение.

Трэверз несколько раз смущенно откашлялся.

— По-видимому, легкий приступ клаустрофобии. У меня это также бывает от поверхностных спящих коконов. И еще — я совершенно не выношу запаха горелой чечевицы.

— Горелой чечевицы? — удивился инспектор. Трэверз с удовлетворением в душе отметил, что его августейший начальник слегка сбит с толку.

— Горелая чечевица, — выразительно пояснил он, решив извлечь максимальную пользу из этого. — Понимаете, они пахнут горелой чечевицей.

Инспектор вздрогнул, что было красноречивей всяких слов.

— И... сильно?

— Да, — прямо ответил Трэверз, собравшись с духом, чтобы отвести закинутый инспектором крючок. — Что, по-вашему, я должен был делать в подобной ситуации? Если Синдикат полагает, что в дальнейшем при необходимости Тарнхельмов можно будет собрать в одном месте вновь, боюсь, это будет несколько затруднительно — особенно если учесть, что мы уже отправили десятки Песочников на Христианин). Там был достигнут определенный прогресс. Именно этот опыт убедил Первого Наследника в полезности Тарнхельмов. Он сказал тогда, что есть разница в том, чтобы окончательно потерять Христианин), и в том, чтобы удержать ее под контролем.

— Мне известно, каковы там ставки, — быстро ответил инспектор. — Кроме того, я пользуюсь более свежей и полной информацией, чем вы. — Он потеревил свой широкий, украшенный дорогими камнями воротничок. — Первый наследник еще не изменил свое мнение о Тарнхельмах. Он сказал, что хочет получить какого-нибудь, чтобы самостоятельно оценить ситуацию.

Больше всего Трэверзу захотелось закричать, объяснить наконец Хилендеру, что вся идея использования Тарнхельмов была идиотской с самого начала, что Тарнхельмы являются самыми опасными и самыми страшными хищниками во всем космическом пространстве Синдиката, что однажды выпустив этого джинна из бутылки, Синдикат уже не сможет чувствовать себя в безопасности. Но из этого следовал логический вывод: первый наследник отчаянный идиот, после чего ему светила прямая дорога на Мусорные Поля Два. Конечно. Ошибка Сиггирта была ужасным местом, как и все объекты четвертого класса, но Мусорные Поля Два относились к классу шесть, а следовательно, были гораздо страшнее Лимбо или Дальнего Поста, относившихся к пятому классу. Ему пришлось призвать на помощь все свое дипломатическое мастерство, чтобы сохранить достоинство.

— Позвольте мне порекомендовать вам, — сказал он с необходимой почтительностью, — чтобы сюда был направлен беспристрастный наблюдатель. Персонал нашей станции уже разделился в оценках, и его мнение могло бы помочь разрядить обстановку.

— Это займет недели три, не меньше, — сказал Хилендер, в корне отвергая саму идею. — Вам надлежит приложить больше усердия, чтобы восстановить единодушие персонала. — Трэверз вновь оказался на крючке.

Он решил предпринять последнюю отчаянную попытку.

— А как насчет серии интервью — которые бы провел кто-нибудь из вашего штаба — со всеми нашими сотрудниками? Это позволило бы вам получить более достоверную картину.

Инспектор Хилендер, был старой лисой и умел обходить подобные штучки.

— Если из вашего доклада будет следовать, что это и в самом деле необходимо, мы так и поступим. В то же время мы продолжим подготовку транспортного корабля для перевозки Тарнхельмов, но задержим его отправку до тех пор, пока не наступит окончательная ясность. Корабли Данегельда не совершат посадки, прежде чем Кризисная ситуация не будет устранена. Нет нужды подвергать их излишней опасности, не так ли? — Он сделал

соответствующий замечанию жест, и сеанс окончился с почти непристойной быстротой.

Трэверз так и остался сидеть в приемной, гадая, не было ли такое окончание сеанса оскорблением, адресованным лично ему. Он не мог отделаться от ощущения, что попался в капкан, несмотря на то, что в душе придерживался прямо противоположной точки зрения. И выхода из этого капкана, похоже, не было.

Через некоторое время его все там же обнаружила Рейган Кейр.

— Пора пить чай, — сказала она и внезапно обнаружила, насколько же он расстроен. — Что случилось, Кин? — Она почти никогда не называла его по имени, и это сразу привлекло его внимание.

— Первый наследник требует другой доклад. О Тарнхельмах. — Он заложил ногу за ногу, подперев щеку рукой. — Я ничего не смог сделать. Целый час я пытался втолковать ему, но все зря. — Свободной рукой он прикрыл лицо. — Никакого результата.

— Ничего, у тебя все получится. Тебе же всегда все удавалось. — Она уселась в кресло напротив него. — Я собиралась пить чай, но... если я могу тебе чем-то помочь...

Он тускло улыбнулся ей в ответ.

— Хотелось бы надеяться, но не могу поверить, что такое возможно. — Внезапно он поднял голову — по комнате прошло незаметное дуновение ветерка. Сквозняк? Или Бешеный Тарнхельм? Неужели Горо был прав? — Я сейчас приду на чай. Попроси Кройдона сделать заказ.

— Конечно, если ты желаешь, — неуверенно ответила она. Поднявшись, она добавила:

— Может встретиться что-то, что окажется мне не под силу; ну ты сам понимаешь, изменить что-нибудь, поднять закрытые регистры, так что мы могли бы... эээ, сохранить это в тайне.

— От Тарнхельмов? — спросил он, понимая, что пытается схватиться за соломинку, но не в силах сдержаться.

— Вполне возможно. Но не только от них. Кто знает, может быть, есть и другой канал утечки информации? — Она улыбнулась настолько осторожно, что это вообще нельзя было назвать улыбкой. — Если им помогает...

Трэверз нахмурился.

— Кто-то помогает? Ты всерьез думаешь, что кто-то из персонала станции может... помогать Тарнхельмам?

Ее лицо внезапно помрачнело.

— Да, ведь все мы так ненавидим их, не так ли?

Через два дня Трэверза срочно вызвал Горо Казаджио и предложил срочно встретиться с ним в спортивном зале, добавив, что им нужно переговорить с глазу на глаз.

— С глазу на глаз? — с сомнением произнес Трэверз. — Здесь?

— Конечно. Я тут нашел кое-что. Точнее не я, а Нугунда. Всего час назад.

— Хорошо.

С чувством внезапной слабости в пояснице Трэверз поднялся и задумался над тем, какой мундир приличествует одеть на подобную встречу — хоть какие-то правила приличия следовало соблюдать даже в столь экстраординарных условиях. Наконец он решительно выбрал из множества одеяний наименее броский рабочий ХУП и нацепил его через голову, даже не позаботившись надеть перед этим белый воротничок. По дороге в спортзал он размышлял, что же могло столь взволновать Горо, что он попросил Трэверза о встрече с глазу на глаз. Кто же все-таки беспокоил его больше: Тарнхельмы или кто-то из собственных коллег?

— Заходите, — произнес Горо, увидев в дверях босса. — Управляющий обещал провести здесь уборку, но я бы хотел, чтобы вы сами тоже взглянули на это. — Одет он был впопыхах и небрежно до необдуманности — даже не позаботился добавить украшения и знаки различия. Взяв Трэверза за руку, он потащил его за собой в дальний угол спортзала, где было свалено в кучу запасное оборудование. — Это за спайкбольной сеткой, — добавил он.

За неряшливо спутанной в моток сетью валялись обглоданные скелеты трех уки и двух хорридов.

— Они были убиты не так давно, — сказал Горо. — Чамбуло обнаружил их во время утренней зарядки и мигом сообщил мне. А я — вам. — Он подошел к остаткам трапезы. — У нас на станции по-прежнему не все в порядке; вам известно, как быстро Тарнхельм может превратить, подобную тварь в кучу обглоданных костей.

— Да, это произошло самое большее вчера, — сказал Трэверз, чувствуя что может не сдержать рвоты. — От каких именно костей так воняет серой?

— От хорридов. — Горо сделал шаг назад и глубоко вздохнул. — Я уже предупреждал вас, Трэверз, что на станцию проникли Тарнхельмы. — Он поднял глаза к потолку. — Может быть, они прямо сейчас парят над нашими головами, а мы не можем даже проверить это — без масс-детекторов.

— Но... — начал было Трэверз.

— ...но это может поставить под угрозу сам договор и все остальное, — прервал его Горо. — Главе Семейства вряд ли понравится, если среди его войск появятся невидимые убийцы. — Он увидел, как тень промелькнула по лицу Трэверза, и недоуменно покачал головой. — Вы все еще не хотите верить в эту чепуху, не так ли? До сих пор думаете, что они будут заниматься лишь охраной и обороной? Трэверз, не будьте же идиотом! — Горо вскочил на ноги и отступил на шаг от шефа, не сводя с него глаз. — Семейство потеряло контроль над тремя богатыми планетами, перешедшими в собственность других семейств с тех пор, как нынешний Глава стал у руля. Это слишком много, чтобы быть простой потерей. Вы же понимаете, что это означает, не так ли?

— Наше семейство никогда не проводило агрессивную политику, — внушительно ответил Трэверз.

— Тарнхельмы нужны лишь в двух целях: чтобы преграждать путь чужим убийцам и убивать самим. Если Тарнхельмы, оставаясь невидимыми, смогут выполнять какую-то работу. Глава Семейства найдет им применение. Но ведь они не могут атаковать, оставаясь невидимыми. Значит, они будут заниматься шпионажем или контрабандой. — Он потер лоб. — А теперь вы знаете, что Тарнхельмы находятся здесь.

— Вы уверены, что эти твари были убиты на станции, а не принесены сюда потом? — спросил Трэверз. Доказать этого он не мог, но ужасный серный запах, исходивший от скелетов, наводил его на размышления.

— Кто мог принести их сюда? — удивился Трэверз. — И зачем? С какой целью?

Трэверз вздохнул и устало кивнул.

— В этом может быть определенный смысл, — уклончиво ответил он. — Ну что же, пусть их уберут. Полагаю, мне придется побеседовать со старшим Бешеным Тарнхельмом.

Для этого требовалось облачиться для выхода на поверхность и подготовить транспорт, чтобы добраться на нем до ближайшего поселения Бешеных Тарнхельмов.

— Скажи Чамбуло, чтобы он подготовил для меня багги и переводчика, а также чтобы один из лучших его людей отправился со мной в качестве водителя. — Ехать туда ему страшно не хотелось. Трэверз мог только мечтать, чтобы впредь ему ни разу не пришлось видеть Тарнхельмов.

— Как скоро? — поинтересовался Горо и обернулся, слышав шаги приближающихся уборщиков. — Вон там. Вы не подойдете туда без противогазов.

Только одного из трех работников эти слова, казалось, позабавили, но когда через несколько минут в зал вошел Кройдон, он залился неудержимым хохотом.

Дорога к поселению Бешеных Тарнхельмов заняла большую часть дня; при этом были уничтожены два полных комплекта шин и один топливный модуль. К тому времени, как они добрались до поселения, у Трэверза болело все тело, он устал настолько, что с трудом смог выбраться из багги и почувствовал, что ему особенно трудно быть с Тарнхельмами вежливым и обходительным.

— Бешеный Семнадцать, — обратился он к первому Тарнхельму, выплывшему, чтобы

поприветствовать его, надеясь, что он не ошибся в обозначениях степени на крыльях.

— Он/он спросил: «Что ты делаешь здесь, несчастный кучка дерьма», — сообщил переводчик Бингхам.

— Мне тоже очень приятно видеть вас, — пробормотал Трэверз, изо всех сил стараясь оставаться тактичным. — Может Сеньор Бешеный Тарнхельм побеседовать со мной?

— «Он/он поедает четвертый завтрак», — перевел Бингхам.

— Я подожду, пока он/он закончит, — сказал Трэверз, довольный, что не получил приглашения присутствовать на трапезе. Это зрелище в его теперешнем состоянии вынести было бы просто невозможно. Он дал знак Бингхаму следовать за ним. — Смотри внимательно, все запоминай, — сказал он ему. — Потом я потребую отчет.

Они трижды обошли поселение, прежде чем Сеньор Бешеный Тарнхельм выбрался из бесформенной груды шлаков, служивших ему хижинкой, и направился к гостям, налету прочищая свои клыки.

— «Для меня большой сюрприз видеть вас здесь», — сказал переводчик, добавив от себя: — Кажется, он/он не очень большой любитель сюрпризов.

— Естественно, — ответил Трэверз. — Сеньор Тарнхельм, — сказал он, надеясь, что в его голосе не будут слышны нотки страха, — скажите мне: находится ли кто-нибудь из ваших Тарнхельмов на моей станции?

— А почему вы хотите это знать? — с легкой обидой ответил тот.

— Из чистого любопытства, — ответил Трэверз, пытаясь сохранять безразличный и беспечный вид. — Вы вполне могли захотеть узнать побольше о нас — мы ведь кажемся вам очень необычными.

— Конечно, там есть несколько, — сказал Сеньор Тарнхельм, явно не устыдившись столь откровенного ответа.

— Можете ли вы сказать мне, сколько именно и... — начал Трэверз, но был сразу же прерван.

— Никто не покажется.

Это была абсолютная правда, и Трэверз решил попытаться еще раз.

— Всего лишь несколько?

— Они находятся там, — сообщил Сеньор, издав недовольный звук, но ничем не показывая своего недовольства.

— Есть, — сказал Трэверз с прямоотой, успокоившей его самого. — Я просто не знал об этом прежде. Я хотел бы удостовериться в том, что они наши гости...

— Они не гости, — последовал ответ. — Они в готовности. — Он/он указал на небо, где начинал собираться ночной грозовой шторм. — Все в готовности.

Слабая надежда, которую питал Трэверз, из-за которой отправился сюда, окончательно покинула его. Он понуро опустил голову, размышляя, как можно дипломатично ответить на столь откровенное заявление.

— Что вы имеете в виду? — спросил Трэверз. Ему была знакома теория, согласно которой Бешеные Тарнхельмы мигрировали, хотя еще никто, несмотря на многочисленные попытки, не смог подтвердить ее или опровергнуть. Он произнес про себя короткую молитву, обращенную к кому-то неведомому, чтобы странное поведение Тарнхельмов означало миграцию и ничего больше.

— В какой готовности? — спросил он.

— К отправлению. — Сеньор Бешеный Тарнхельм сделал известный Трэверзу грубый жест, а затем отдал несколько коротких четких приказов.

— Полагаю, нам нужно уходить. Менеджер Трэверз, — сказал переводчик. Он был не на шутку испуган. — Прямо сейчас.

— Столь бесцеремонно? — спросил Трэверз, мечтая в душе броситься прочь отсюда, не медля ни секунды.

— Да. — Он в мгновение ока влетел в багги и, борясь с нетерпением, ждал, пока Трэверз заберется вовнутрь вслед за ним. — Не выношу этих тварей, — сказал он, как только

двери багги были надежно закрыты. — Ненавижу их.

— Как, собственно, и я, — утомленно произнес Трэверз, бессильно откинув голову. Он взглянул назад и увидел пару дюжин Бешеных Тарнхельмов, парящих как раз над тем местом, где багги находился всего несколько секунд назад. Нахмурившись, он пристально взглянул на них. — Ты не обратил внимания, это были он/она или она/она?

— А я не знаю, в чем разница между ними, — сказал Бингхам. — Что-то связанное с окраской спин, а?

— Да, — подтвердил Трэверз.

— Они могут быть... где-нибудь еще? Возможно, внутри помещений или где-нибудь еще в пределах поселения? — Багги въехал в гористую местность, и машину начало трясти и бросать из стороны в сторону. Они медленно продвигались в направлении долины, на которой располагалась станция.

— Да. — Трэверз понимал, что однажды нужно подчеркнуть свое начальственное положение, хотя и всячески пытался избежать этой задачи.

Некоторое время они ехали молча. Затем Бингхам неожиданно прервал молчание.

— Они уже уходят, не так ли, сэр?

— Да, — вздохнул Трэверз.

— Не знаю, как объяснить вам, насколько это опасно, — неуверенно произнес Трэверз, увидев перед собой на экране огромное лицо Хилендера. — Выпустить Тарнхельмов отсюда.

— Неуправляемых, жестоких убийц — вы это имели в виду? Без заключенных «на крови» договоров? О, я уже имею об этом представление, — произнес Хилендер язвительным голосом. — Не чересчур ли будет поинтересоваться, насколько много их ушло?

— Нет, и не чересчур будет поинтересоваться куда, — сказал Трэверз. — Мне известно, что они ушли на транспортные корабли, а значит, они были в состоянии обойти как наши масс-детекторы, так и другие средства контроля. — Возможно, правда, была и другая альтернатива, однако он не смог заставить себя произнести ее вслух.

— А что, если это сделал кто-то из персонала станции? — спросил Хилендер. — Или это не приходило вам в голову?

Трэверз на это ответил не сразу.

— Нет, не приходило. Я думал о Синдикате и о самих Тарнхельмах. Я думал о возможных конкурентах, которых мы не смогли обнаружить. Я думал о всех до последнего людях, поскольку они тоже члены семейства. Мне не хочется думать о том, что любой член другого семейства может оказаться таким недалёковидным, чтобы спустить Тарнхельмов с цепи, поставив под угрозу весь Синдикат. Вот почему мне не хотелось думать о том, что это сделал кто-то из персонала станции. — Он прямо взглянул в свирепые смотрящие на него глаза. — Мне хотелось думать, что мы немного лучше, чем остальные. Тогда моя оплошность не была бы столь непоправима. Они уравнили бы друг друга. — Он поднялся с кресла и пошел прочь от экрана, не заботясь о том, насколько невежливо его поведение.

Ошарашенный Хилендер долго ничего не мог сказать в ответ.

— Напряжение оказалось слишком сильным для вас, — произнес он наконец, сокрушенно покачивая головой.

— Да, вероятнее всего, это было слишком, — согласился Трэверз. — Эта планета, эта станция — всего чересчур. — Он выглянул в окно и увидел на небе мрачные тучи, среди которых сверкали молнии. Помолчав некоторое время, он добавил:

— Вы знаете, они все-таки отбрасывают тень. Я имею в виду Тарнхельмов. Их самих не видно, но они отбрасывают тень. Не забывайте об этом.

— Трэверз? — Голос Хилендера теперь совершенно не страшил его, и он вернулся к экрану. — Что вы делаете?

— Готовлюсь к вечеринке. Мы отправляем отряд за Кройдоном. Он однажды признался мне, что пошел бы на все, лишь бы выбраться отсюда. И похоже, он тогда не шутил. — Он подошел и встал прямо перед Хилендером. — Предупредите Главу Семейства, что у него возникла проблема, решение которой потребует уймы его личного времени.

Теперь Хилендер смотрел на него с явной обеспокоенностью.

— Послушайте меня, Трэверз. Вы провели на этой станции очень много времени и великолепно изучили Тарнхельмов. По-видимому, лучше будет, если вы немедленно отправитесь сюда и...

— Я думаю иначе, — сказал Трэверз, чувствуя абсолютное спокойствие. «Ну и ну, — подумал он, — я либо впервые по-настоящему здоров, либо впервые по-настоящему свихнулся — впервые за всю мою жизнь». — Вы использовали меня долгие десятилетия, но теперь это время прошло. — Он вздохнул. — Сейчас я оденусь для почетного чая, поздравлю моего изменщика-инспектора, затем хорошо поужинаю, а затем — отправлюсь на полночную прогулку.

— Вы шутите, — запротестовал Хилендер; его лицо приобрело фиолетовый оттенок, и выцветшие волосы стали легко различимы. — Вы просто не можете сделать это. Вам не позволено делать это.

— Могу. Моя жизнь прошла среди Тарнхельмов. А теперь вы можете сделать то, что считаете нужным. — Он сделал последний прощальный жест — впервые он получился у него грациозным и изящным — и выключил приемный экран.

ИНТЕРЛЮДИЯ

В короткий период затишья между капитуляцией Халии и титанической космической битвой, ознаменовавшей собой начало подлинной схватки Альянса с Синдикатом, обе стороны лихорадочно готовились к войне. Как обычно, стратегическое командование Флота ожидало самого худшего. Синдикат Семейств уже долгие годы тайно изучал возможности противника, и теперь Альянсу предстояло всецело положиться на боевую мощь Флота.

Тайные агенты Синдиката занимались в это время саботажем и развернули диверсионную деятельность на верфях Флота. Тысячи граждан Альянса были схвачены по подозрению в шпионаже и вредительстве. Как показало следствие, большинство арестованных и в самом деле работали на противника. Контрразведчики приходили в ужас, понимая, насколько плохо Альянс защищен от инфильтрации. В то же время значительные силы были брошены на разведку местонахождения планет Синдиката.

Среди множества героических подвигов, совершенных в этот период, следует особо отметить оборону Передовой Заставы ДЗ487 — небольшой базы, имевшей несчастье находиться на давно проторенном пути лазутчиков Синдиката. Легенда о трехдневной обороне заставы от превосходящих сил противника стала излюбленной темой ежедневных передач всех станций «Омни». Четверо погибших пограничников за проявленный в бою героизм были посмертно награждены Галактической Спиралью — высшим орденом Флота.

Никто не имел права приказать личному составу заставы пойти на верную смерть; в конечном счете решение жить или умереть может принять только сам человек. Только настоящий человек выберет подвиг — и смерть.

Как и в каждой войне, разные люди принимали разные решения.

Пол Андерсон. КИНЕТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

Только потом мы узнали, что это был обманный маневр. Командование сил Синдиката полагало, что отвлечет адмирала Дуэйна, заставит его сконцентрировать все внимание на Цели, а дорога к Халии останется без охраны. В хрониках Флота сохранились описания действий, разрушивших этот гамбит. Но хроники молчат о том, как нам — всем тем, кто находился на Цели, — пришлось отбивать первую атаку Синдиката. Наши силы были невелики, силы нападающих — тоже. Это короткое сражение запомнилось только потому, что отступавшие синдики в критический момент присоединились к своим основным силам и чуть не вырвали у нас победу.

Какой бы ни была битва — решающим сражением главных сил или случайной стычкой

двух отрядов, — раны болят так же и павшие уходят в тот же могильный мрак... Миновала непосредственная угроза, и мы занялись обычными делами, прежде всего наведением порядка. Я находился на нашем флагмане, легком крейсере «Аубург». Его защитные поля и истребители сработали великолепно, предохранив корабль от повреждений. Другим судам повезло меньше, оставшихся в живых офицеров пришлось распределить по вспомогательным подразделениям. Я же получил приказ отправиться на борт фрегата передовой разведки.

Из пилотской кабины фрегата не было видно никаких следов войны: на таком расстоянии и солнце казалось всего лишь яркой бело-голубой точкой — самой яркой на звездном небосводе. Впервые меня окружали тишина и неземной покой.

Тишину нарушил интерком.

— Зарегистрирован крупный металлический объект, — сообщил он, указав координаты и вектор скорости. — Предположительно — секция одного из нападавших кораблей.

Мое сердце бешено заколотилось.

— Сближение, — приказал я. — Попытаться установить связь. Приготовиться к обороне. В случае внезапной атаки немедленно ответить ракетным залпом. — Закрытые и самогерметизирующиеся отсеки могли содержать уцелевший экипаж с полным запасом личного оружия.

— Есть вопрос, сэр, — послышалось с другого боевого поста. — Говорит лейтенант Холланд. — Не могли бы мы сначала позаботиться о своих? Эти сволочи могли бы и подождать.

Ответ я произнес ледяным тоном:

— Идея неплохая. Но может статься, это фрагмент корабля Флота. Кроме того, позволю вам напомнить, что дело вверенного мне фрегата — разведка. Для спасательных работ есть другие подразделения. Мы и так слишком мало знаем о противнике, в основном только из показаний разоблаченных шпионов. Наш объект — те, кто еще может продолжать сопротивление. Мы возьмем их живьем, если удастся, и доставим на «Аубург» для допросов. — Я помолчал. — Вы не обязаны миндальничать с ними.

— Понял, сэр, — последовал ответ.

Я прекрасно знал, что поразил Холланда, а возможно, и остальных не столько инструкциями, сколько их тоном. Я нисколько не стеснялся своей бешеной ненависти к врагам. И это одобрялось не всеми. Господствовало мнение, что синдики все-таки люди, а не какие-нибудь хорьки. Командующий Фуджикава утверждал даже, что они стали нашими врагами случайно — из-за своего непостоянства, преувеличенной деликатности и идейных заблуждений.

Но к черту это жалкое блеяние!

Включив двигатели, мы осторожно тронулись навстречу объекту. Вскоре наши связисты установили с ним контакт. Это и в самом деле был отсек крейсера, разрушенного нашим огнем. Внутри находились двадцать пять человек команды и несколько трупов. Их капитан приказал подчиненным сложить оружие. Он неплохо знал наш язык, хотя понять его самого было трудно из-за чудовищного акцента. Но крайнее истощение и отчаяние одинаково вняты на всех языках.

Ну что же, неплохо, подумал я. Это может дать нам определенное преимущество.

— Вы многочисленнее нас, — сообщил я. — Поэтому не советую нарушать условия капитуляции. При малейшем подозрении мы вас уничтожим.

— Клянусь вам, что мы совершенно беспомощны.

— Тем не менее хорошенько запомните мои слова. Ожидайте дальнейших приказаний. — Я прервал связь, оставив его в раздумьях о смысле моей интонации.

Объект висел прямо перед нами — огромный искривленный кусок металла, тускло поблескивающий в слабом свете звезд. Участки его поверхности, где слой брони вскипел во время боя, оставались совершенно черными. Пространство вокруг уцелевшего фрагмента было усеяно искореженными и расплавленными обломками. Никаких признаков оружия

заметно не было. По моему телу прошла дрожь радостного ожидания — во фрагменте я узнал очертания главного командного отсека. Наши инженеры найдут здесь немало интересного! Разумеется, отсек был изрядно поврежден. На места пробоев указывали огромные капли герметизатора. Снаряды, изрешетившие корпус, привели к гибели части личного состава. Если оставшиеся в живых не пройдут курса противорадиационной терапии, вскоре и они присоединятся к убитым.

Конечно, мне становилось паршиво при одной мысли о том, что наши люди вынуждены медленно умирать в исковерканных обломках своих кораблей, пока я тащу свору синдигов к ближайшему лазарету. Но что делать: у каждого своя работа. А то, что нам удастся узнать с помощью пленных, в дальнейшем сэкономит гораздо больше наших жизней и поможет уничтожить гораздо больше врагов.

Тем временем наша шлюпка приблизилась к объекту. Двое инженеров соединили шлюзовые камеры обоих кораблей большой трубой. На нашем конце образовавшегося коридора в полной готовности ждал отряд десантников, вооруженных огнестрельным оружием и дубинками. Каждого входившего синдика хватали, связывали ему руки за спиной и быстро заталкивали внутрь шлюпки. После того как процедура завершилась, трое хорошо вооруженных солдат в бронежилетах отправились на осмотр трофея.

Никакого подвоха я не ожидал. Наши пленники больше всего напоминали наспех собранных роботов с пустыми глазами и заторможенными движениями. Лица их покрывала корка ссохшейся крови. Некоторые не реагировали на команды — я решил, было, что они не понимают языка. Но один старый вояка объяснил мне, что они полностью оглохли.

— Разрыв барабанных перепонки, — уточнил он. Позднее я узнал, что от этого извещения самого молодого парня из нашего отряда вырвало прямо в шлем скафандра.

Последний пленник оказался представительным, высоким, седовласым и очень надменным. Несмотря ни на что, он умудрялся высоко держать голову. Поверх стандартного боевого костюма на нем был роскошный мундир. Я заметил вице-адмиральские знаки различия, а также тройную нашивку. Нам попалась жирная рыбка!

— Оставьте его руки свободными! — приказал я солдатам. — Его звание требует достойного обращения.

— Если не ошибаюсь, капитан-лейтенант... — презрительно улыбнулся он.

— Мак-Клеллан, — подсказал ему я. — Согласно Военному Кодексу, вы можете вести себя соответственно своему высокому положению. — Я дал понять, кто здесь главный.

— А мои люди?

— Их возьмут под стражу, как того требуют меры безопасности, однако никаким унижениям и истязаниям подвергать не будут. Мы ведем себя цивилизованно. — Я повернулся к своему помощнику. — Займитесь трофеем, мистер Шинавасан. Когда осмотрите все, точно определите орбиту и доложите капитану Юаню. Затем, если я не вернусь, отправляйтесь прямо на «Аубург». Я буду в своем кабинете вместе с адмиралом Годольфином.

Мой ординарец шел за нами, держа пистолет у бедра — лишняя предосторожность: после того, что вынес наш пленный, я и сам справился бы с ним без труда. Однако тот шагал на удивление прямо и твердо.

— Вам знакомы эмблемы Семейств, — заметил он.

Я кивнул, бросив взгляд на гордо красующийся на его груди герб Годольфинов.

— Знать такие вещи — моя работа, — пояснил я.

— Уже начинаете допрос? Вы обязаны дать мне отдых, не говоря уж о возможности умыться и сменить одежду. — В его словах не было ни тени жалобы или просьбы — только совершенно необъяснимое презрение.

— На шлюпке особых удобств нет. Сейчас мы доберемся до корабля, где вам и вашим людям будет оказана медицинская помощь. Вы можете связно говорить, вот я и стараюсь использовать любую возможность.

— Я не обязан сообщать вам ничего, кроме своего имени, звания и личного номера.

— Не волнуйтесь. В мои намерения не входит принуждать вас. (Кроме вполне понятного желания побольнее задеть вас за живое). — Я изобразил радушную улыбку. — Вы не против слегка подкрепиться и поговорить? — Роль благородного и великодушного победителя удавалась мне вполне. — Вот мы и пришли.

В небольшой пустой комнате мы уселись за стол друг напротив друга и обменялись взглядами. Вскоре Ольсен принес кофе благословенного аромата и сэндвичи.

— У нас есть и кое-что покрепче, — невзначай заметил я.

— Нет, благодарю, — покачал головой Годольфин.

— Почему? Вам станет намного лучше.

В его слабом от истощения голосе послышались стальные нотки:

— Я не знаю, что *еще* будет в таблетках.

Я не смог сдержать гнева:

— У нас на борту нет психотропных препаратов. Я же сказал вам уже, что Флот придерживается цивилизованных канонов ведения войны. Неужели до синдиков это так плохо доходит?!

Бледное лицо пленника внезапно порозовело.

— Это оскорбление, — сказал он, — изобличает ваши намерения. Вам следует быть сдержаннее.

Становилось ясно, что мягкое обращение не даст мне ничего. Ну что же, придется стать более жестким и хорошенько встряхнуть его, чтобы привести в чувство.

— Честно говоря, вы заслуживаете худшего. Мы думали, что халиане — настоящие монстры, а они оказались только когтями на лапе Синдиката.

Мой удар попал в цель, однако у него хватило мужества игриво ответить:

— Но кто-то же должен был держать первую линию обороны, пока мы сами готовились к войне. Ваш Альянс думал с ходу проглотить нас. Не вышло, у нас своя собственная организация. Мы продолжим дело наших предков.

— Если только ваше сообщество окажется способным к существованию.

— Я же сказал вам, что халиане...

Он верил в свою правоту, но мои слова тяжело обрушились на него:

— Мне известно, что означают ваши нашивки. Вы участвовали в сражении у так называемого Нового Сириуса. В нашей системе обозначений этот сектор — тридцать семь. Мне нужно еще что-нибудь добавить?

Он непонимающе прищурился.

— Аджета — 37, — продолжил я. — Или, по принятой во Флоте классификации, усовершенствованная звездная база Дзета в секторе 37. И одна обитаемая планета, Вердея. Это произошло десять лет назад, а война длится уже двадцать пять. Надо добавить еще что-то, чтобы освежить вашу память?

Он снова непонимающе тряхнул седой головой:

— Мне это ни о чем не говорит. Я не понимаю, о какой именно из ваших баз идет речь. Мы используем совершенно иную систему обозначений. И кроме того, в этом районе я служу всего три года.

— Да подождите, вы слышали, что я сказал, или нет? Наверное, нет. — Выпив залпом свой кофе, я подумал о пользе изрядной дозы бренди и уже хотел было позвонить, но потом решил немного подождать. — Ну что же, тогда я поведаю вам всю историю.

Рассказывая, я не сводил с него тяжелого взгляда.

— Возможно, вы помните, что двадцать пять лет назад в этом секторе царили мир и спокойствие. Война с халианами шла своим чередом вдалеке отсюда — по крайней мере так полагал Флот. И вдруг хорьки нанесли удар с совершенно неожиданных позиций. К счастью, на этом направлении была предусмотрительно размещена база Флота; ее содержание обходилось нам недорого, так как располагалась она на планете земного типа Вердее, обращавшейся вокруг звезды G — типа Аджеты. Так же она называлась на языках всех основных наций. На Вердее обитала раса аборигенов — красивых, дружелюбных и склонных

к творчеству людей. У них имелась промышленность, использовавшая энергию ископаемого топлива; искусные механизмы. Они только входили в период индустриального роста, и природа планеты еще совершенно не пострадала от промышленных отходов. Население Вердеи охотно кооперировалось с Флотом, приобретая знания и технику в обмен на сырье, рабочую силу, осуществляло взаимовыгодную торговлю с человечеством. Мы, как нетрудно догадаться, запретили переселение на Вердею, ведь она не была нашей собственностью. Но личный состав гарнизона и их семьи основали на планете небольшое поселение, ставшее для них домом.

Мы только начинали развивать сотрудничество, как появились халиане. Флот не делал Секрета из самого факта войны — хранить в тайне все было бы попросту невозможно. Но никто не предполагал, что противник нанесет удар в районе, максимально отдаленном от области военных действий. Не забывайте, тогда мы еще очень мало знали о халианах. Господствовало мнение, что мы воюем скорее с пиратами, чем с империалистами. Они попадались на нашем пути случайно, совершенно бессистемно и, как правило, небольшими силами. Инцидент с Вердеей вынудил нас по-новому посмотреть на противника.

Во Флоте существовали пограничные части, однако их сил было недостаточно, чтобы противостоять рейдовым группам. Если бы налет удался, бандиты попросту уничтожили бы заставу со всем личным составом. Оставшиеся в живых пограничники вынуждены были дожидаться подкрепления и только после этого отправили разведотряды к соседним звездам. Разведка обнаружила на планете в десяти световых годах базу, с которой, по всей видимости, и нанесли удар разбойники. Было совершенно очевидно, что база основана недавно — уже после того, как мы установили контакты с Вердеей, однако ее оборудование оказалось на удивление основательным. Командующий Флотом проявил благоразумную предусмотрительность и распорядился провести беглое изучение базы, прежде чем Флот до основания разрушил ее. Сейчас мы понимаем, как поторопились тогда, но, с другой стороны, кто бы мог предположить, на пороге какой гигантской бойни стоит разумный мир.

Мы отправили на Аджету усиленный корпус и прочесали весь район. В следующие пятнадцать лет ничего существенного не происходило — разумеется, я имею в виду Вердею. Как вам известно, в других секторах война стремительно разрасталась. Наша колония на планете процветала. Аборигены освоили производство дополнительных материалов для нужд войны — они были охвачены радостными предвкушениями. Выросло целое поколение, усвоившее новые знания. Молодежь связывала свои надежды с большой Вселенной. Наш анклав на Вердее мечтал о счастливой жизни по окончании войны. Все шло хорошо.

Но в один прекрасный день...

Экипажу патрульного корабля повезло. Пятнадцать лет безмятежного спокойствия не притупили бдительности гарнизона Вердеи. Приемная станция обнаружила аномалию — идентифицировала слабый сигнал среди естественных шумов и помех космического фона.

Со скоростью, близкой к световой, источник излучения направлялся в сторону Аджеты — он должен был пройти в непосредственной близости от звезды на расстоянии меньше двух миллионов километров. Факт этот не представлял никакой угрозы, но вызывал определенный научный интерес — как, например, мог образоваться такой объект? К счастью, шкипер судна оказался осторожным человеком. Он прервал рейс и отправился с докладом прямо на Вердею. Для детального изучения странного объекта начальство отрядило большой корабль, снабженный всем необходимым.

«Удача не во всем сопутствует нам», — думал контр-адмирал Саймон Берлинг. Дредноут «Целестия» уже преодолел почти тридцать миллиардов километров, выйдя за пределы кометного облака; но по-прежнему ничего не было видно.

Обзорные экраны в главном центре управления — в корабельной рубке — окружили Берлинга мириадами звезд. Аджета сильно выделялась среди остальных, но тоже была лишь яркой бриллиантовой точкой на окраине одного из молочно-белых галактических рукавов.

Наступила полная тишина, такая полная, что биение пульса в висках казалось контр-адмиралу раздражающей помехой. Медленно, словно через силу, Берлинг перебрисил

расположенный перед ним рычажок сканера. Область обнаружения значительно увеличилась.

Сначала он разглядел что-то очень яркое, сплошное свечение. Нечто, находившееся в пятнадцати мегакилометрах, ползло от созвездия к созвездию. Увеличение возросло, и оптика превратила изображение в пятнышко неясных очертаний, но сквозь легкий туман окружающего сияния капитан разглядел овальный предмет примерно шестидесяти метров в поперечнике, с разогретым добела носом и угольно-черной кормой, где располагались непонятные трубы, окна и кабели.

«Его масса покоя составляет около миллиона тонн. — Мозг капитана несколько раз прокрутил оценочные данные, полученные от технической службы. — Полная масса с учетом скорости примерно в три раза больше...»

— Да, — произнес капитан в гробовой тишине, — это, без сомнения, искусственный объект. Снаряд.

Объект выполз за пределы экрана, однако капитан не стал включать слежение. Он перевел взгляд в противоположном направлении. Вдали, на Сучке, ярко вспыхнула красная точка.

— Это запуск, — хрипло произнес он. — Где еще?

В памяти всплыли значения расстояний до карликового солнца и окружающих его планет. Еще младшим офицером Берлинг несколько раз бывал на Сучке. Он помнил, как поразила людей полная безжизненность этой планеты: слабые ветры гуляли между горными грядами и песчаными отмелями, поверхность была усеяна множеством кратеров самых различных размеров. Среди них притаились три искусственного происхождения. Он помнил день, когда корабли Флота впервые прибыли туда, обнаружили и уничтожили покинутую базу халиан. Он помнил гигантский огненный цветок, на время затмивший мрачноватый свет местного солнца.

«Наши предки поступили очень мудро, дав звезде именно такое название. Окажись мы здесь с еще нерастратченным боекомплектom, тогда, вполне возможно...»

Но теперь уже поздно... Слишком поздно.

Берлинг отвернулся от экрана; его лицо покрывали глубокие морщины, но в фигуре еще чувствовалась неукротимая медвежья мощь.

— Нет никаких сомнений, чьих это лап дело, — произнес он. — После того как атака халиан была отражена, недобитые хорьки вернулись на Сучку. Они знали, что не смогут удержать планету, но все-таки тайно проникли на нее и оставались там, пока к нам не прибыло подкрепление. Тогда-то они и запустили эту автоматическую систему.

К капитану подошел Мэтью Мак-Клеллан, его старший помощник. Лицо старпома превратилось в маску боли, кулаки судорожно сжались.

— Как могло произойти такое, сэр? — с мукой в голосе вымолвил он.

— Простое, но эффективное инженерное решение, — ответил Берлинг. Техники недавно проинформировали его о свежих находках и идеях. — Поставили на астероид реактор, который преобразовал большую часть массы астероида в энергию. Внутри установили сенсоры и системы управления, защитив их от радиации. В первые годы полета, когда ускорение было небольшим, провели коррекцию траектории. Ускорение возрастает с потерей массы и к концу полета станет максимальным. Расчеты полагают его среднее значение равным одной десятой «g». Следовательно, объект летит с ускорением уже не один десяток лет. В конце, когда двигатель исчерпает все запасы рабочего вещества, объект будет перемещаться со скоростью, почти равной скорости света. Ему осталось лететь еще примерно пять лет. — Он вздохнул. — Замечательное оружие. Достаточно сделать всего один выстрел. После удара Флот быстро выяснит, что же именно произошло, и больше уже никогда не попадется на подобный трюк. Каких-то неведомых халианских гениев явно посетило вдохновение, вот и реализовали идею на практике. Сомневаюсь, чтобы кто-то из этих хорьков оставался в живых сейчас и мог бы насладиться зрелищем свершившегося отмщения.

Мак-Клеллан яростно покачал головой, как конь, осаждаемый слепнями.

— Сэр, я никогда не поверю, что халиане способны на это. Их мозги устроены совсем иначе. Да и уровень техники отстает. Даже Флоту, чтобы запустить подобную торпеду, пришлось бы собрать лучшие инженерные мозги со всего Альянса. И разве может отдельная эскадрилья планировать свои действия на столько лет вперед.

— Я сам не ожидал ничего подобного, — согласился Берлинг. И добавил суровым голосом: — И тем не менее эта штука движется у нас на глазах.

Мак-Клеллан разжал кулаки и в знак протеста воздел кверху руки.

— Сэр, *никто* не способен запустить ракету столь точно — на расстояние в десять световых лет!

— А они смогли, — прогремел Берлинг. — Навигация здесь даже еще более удивительна, чем сам по себе полет; однако мы же видим, что эта техническая проблема решена. Вы и в самом деле очень хорошо знаете этот район — все окрестные звезды, различия в плотности газа и пыли, все остальное. Но даже с максимально полной информацией ваш бортовой компьютер не сможет сделать правильные коррекции курса даже при таком ускорении, пока не приведет снаряд к цели... — У него к горлу подкатил комок. — Очевидно, халиане побывали здесь и досконально разведали этот район еще до того, как здесь оказались мы. Это, конечно, совсем не похоже на них, но факт налицо. Мы провели сверхточные измерения и вычисления и теперь знаем наверное: меньше чем через сутки эта штукавина врежется в Вердею.

В ослепительно-белом свете снежная вершина священной горы казалась парящей в небесах. Под ней рябили кроны лесных деревьев с золотисто-зелеными листьями, перемежающимися тенистой темнотой прогалин. Ветер был полон лесных ароматов, в укромных долинах журчала чистая родниковая вода ручьев. Сюда спускался на водопой зверь с высокими ветвистыми рогами. Его не пугало присутствие пары, недвижно сидящей среди полевых цветов — аборигена и человека. Эти двое настолько сдружились, что первый научил второго священной тайне тройного пути, благодаря которому дух может слиться с красотой безраздельно.

— Где? — простонал Мак-Клеллан.

Берлинг неопределенно повел плечами.

— Где-то в северном полушарии, откуда видна Сучка. Точнее место падения мы пока не можем определить. Но это и не столь важно. В любом случае последствия будут аналогичны столкновению с большим астероидом. Катастрофы такого типа обычно приводят к смене геологических периодов. Огромные цунами, землетрясения, вспышки вулканической активности, пожары, тучи вулканического пепла, штормы, многолетняя зима, наконец... На Земле последний раз такое случилось в эпоху динозавров. — Он произнес это ровным скучным голосом, пытаясь хоть так сдержать готовые выплеснуться наружу рыдания.

— Вердеане...

— Возможно, они сохранятся как биологический вид. Если кто-то и уцелеет, то считанные единицы. Затем их постигнет ужасный голод. Не останется сельского хозяйства, будет разрушена цивилизация. И наша база тоже не сможет помочь аборигенам. Все сооружения и имущество станции погибнут при катастрофе. Мы, конечно, успеем эвакуироваться, но вряд ли когда-нибудь вернемся обратно. Условия на планете еще долго будут слишком тяжелыми, и затраты на эксплуатацию станции станут неоправданно велики.

— О Господи! И все это завтра!

— Снаряд движется так быстро, что почти догоняет свой собственный свет, — невелик по размерам... Все продумано: вердеане смогут увидеть его только за считанные минуты до катастрофы.

Вероятно, ночь. В фиолетовой дымке при свете звезд, которые не смогла затмить поднявшаяся над горизонтом луна, залив Исатха кажется залитым жидким серебром. Светила преобразили пышное оперение вердеан, превратив дневную лазурь в таинственное внутреннее сияние. Изредка попадаются люди, такие же умиротворенные и спокойные.

Откуда-то льется тихое журчание флейт. Обнаженные корни деревьев покрывает фосфоресцирующий лишайник. Вдалеке на вершине холма виднеются освещенные окна поселения Флота, ставшие теперь нераздельной частью этого мирного пейзажа.

И вдруг — внезапная вспышка в небе.

— Система глобальной защиты, — почти извиняющимся голосом проговорил Мак-Клеллан.

— Вам известно не хуже, чем мне, — ответил Берлинг, — у нас нет никаких средств, чтобы остановить тело, обладающее таким огромным моментом силы. Вспомните, какая у него масса и скорость!

— Но, сэр, мы на флагманском корабле, у него огромная огневая мощь. А у этого снаряда наверняка нет ни защитных экранов, ни вооружения. Неужели мы не можем испарить его?

— Эта мысль первой приходит в голову каждому, а не только вам. Если бы мы были подготовлены, как, вероятно, будем в дальнейшем — тогда, очевидно, мы могли бы питать какие-то надежды. Но прямо сейчас мы ведь движемся в гиперпространстве, выйдем из него далеко впереди цели, а времени изменить траекторию у нас уже не остается. Заградительный огонь также отпадает — боеголовки не взорвутся. Когда объект летит с такой скоростью, столкновение с ним уничтожит взрыватель еще до того, как он успеет выполнить свою задачу. В лучшем случае нам удастся произвести детонацию в непосредственной близости от цели, но тогда почти вся его энергия рассеется в пространстве, а объект просто пролетит через образовавшееся при взрыве облако, совершенно не отклонившись от курса. — Берлинг нахмурился. — Инженерный отдел рассмотрел несколько идей, но пока решение не найдено. Над проблемой продолжают работать. Можно лишь надеяться, что им удастся придумать что-нибудь эффективное.

— Когда станет совсем поздно.

— Хватит хныкать! — Мак-Клеллан сделал судорожный глоток. — П-простите, сэр. У меня на Вердее осталась семья.

«Ты уже почти вдовец; твои дети выросли и уйдут насовсем».

Берлинг тихо вздохнул.

— Мне все известно. Поймите меня правильно — я в таком же положении. Но не забывайте — у наших есть хорошие шансы выжить. Непосредственное воздействие столкновения вряд ли существенно повлияет на их район, а Флот организует эвакуацию еще до того, как разразится экологическая катастрофа.

— Остается только молить Бога об этом, не так ли?

— Молитесь! Если это чем-то вам поможет. Тогда упомяните и аборигенов.

Оба мужчины замолчали.

На заднем плане находились атомная электростанция и полуавтоматическая фабрика. В небольших лавочках продавались удивительно изысканные ручные поделки. В парке ветер разносил мелодии поющих воздушных змеев. Две мамы следили за детьми, играющими под цветущим деревом.

— Мне кажется, — сказала Джейн, — что когда они вырастут и расцветут, то будут мечтать о таком и делать такое, что мы не можем и вообразить.

Селена молча слушала подругу, а потом добавила на своем удивительном журчащем языке:

— Надеюсь, мы все-таки пойдем их. Разве новая жизнь началась не при нас?

— Вниманию капитана, — внезапно послышалось из интеркома. — Технический доклад.

— Опечатайте свою сеть. — Берлинг подошел к терминалу и сел в кресло перед ним. Мак-Клеллан продолжал стоять.

На экране появилось обветренное лицо капитана Пикавея.

— У нас есть некоторые оценки для вас, сэр.

— Да? — резко произнес Берлинг, хотя смятение, которое он тщетно пытался скрыть,

слишком явно бросалось в глаза. — Слушаю!

— Нет никаких шансов, сэр. — Пикавей облизнул кончиком языка пересохшие губы. — Оружие не поможет. Мы одно время полагали, что нас выручат лазеры, но расчеты показывают, что они смогут за оставшееся время лишь частично расплавить объект; но расплавленные материалы все равно не покинут тело снаряда, а вновь застынут на его поверхности. Поставить на его пути массивные тела — все наши корабли, например, один за другим — тоже будет совершенно бесполезно. Снаряд пройдет сквозь них, как... нож сквозь масло. Если бы у нас в запасе было достаточно времени, чтобы разместить на пути снаряда действительно большое тело... например, крупный астероид — тогда да, задача была бы решена. Но времени нет. Все, что смогла придумать моя команда, — это... желает ли капитан выслушать полный текст доклада?

— Еще бы. — Голос Берлинга вновь стал ровным и тяжелым. — Вы и ваши компьютеры знаете свое дело. Как насчет необычной тактики, которую я предлагал?

Пикавей шумно вздохнул.

— Так точно, сэр. Она сработает. Если мы успеем, — он посмотрел на часы, — ...если успеем все сделать за девяносто минут, считая с этого момента. Но для этого нужна... полная масса нашего корабля. Со шлюпками и всем прочим. И еще скорость в момент контакта не менее чем тридцать километров в секунду.

— И абсолютная точность, — добавил Берлинг. — Вы разработали план полета?

Пикавей коротко кивнул. Берлинг поглядел прямо ему в глаза.

— Это точная цифра? Мы не можем ошибиться из-за погрешностей в расчетах?

Лицо Пикавея окаменело.

— Сэр, мы служим на Флоте! — ответил он.

— И все вы готовы пойти на это?

— Так точно, сэр! — На лице Пикавея появилась ужасная улыбка. — Не могу сказать, что мы особенно счастливы, но все понимаем необходимость.

— Отлично. Пришлите мне данные на экран, распечатку и программу полета. Немедленно.

— Могу я объяснить экипажу причину?

— В этом нет необходимости.

— Не уверен. Мне кажется, я обязан.

— Мы можем спорить об этом все девяносто минут. Действуйте!

— Есть, сэр! — Изображение Пикавея исчезло. На экране замелькали слова, диаграммы, бесчисленные колонки цифр, а из щели под монитором выползла полоска бумаги. Берлинг с минуту изучал ее, затем склонился над интеркомом.

— Капитан — Навигационному отделу, — произнес он. — Срочно. Мы переходим в полный автоматический режим на ближайшие час-два. Подтверждение.

— Так точно, полный автоматический, сэр.

— Переключитесь и ожидайте дальнейших распоряжений.

— Сэр!!! — послышался перепуганный тенорок за спиной Берлинга.

— Внимание! — разнеслось по всем закоулкам корабля. — Внимание! Приготовиться к ускорению перед гиперпространственным маневром. По местам! Всем свободным от несения вахтенной службы занять места в кубриках!

Из коридора донесся топот множества ног — экипаж бросился к своим приборам и механизмам. По корпусу корабля прошла пронизывающая дрожь, извещающая о том, что включились главные двигатели. Внутри корабля возникли невидимые и неосязаемые поля, призванные уменьшить воздействие ускорения на аппаратуру и живые организмы. «Целестия» ринулась вперед.

На борту ощущалось легкое напряжение: экипаж не понимал, что происходит. Распоряжения «по боевым постам» не поступало, значит, это не боевая тревога или что-то в том же роде. Команде оставалось только вслепую гадать, что задумал Старикан на сей раз. Неужели возвращаемся на базу? За исключением технического отдела, все получили только

смутную и неопределенную информацию о готовящейся миссии. Простор для всевозможных домыслов был полный.

Внезапный вопль:

— Ты хочешь таранить его, да?!

Берлинг развернулся в кресле и увидел перед собой стеклянные от ужаса глаза старпома.

— Что еще? — спросил он.

— Но это же сумасшествие! Мы все погибнем!!!

— Да, — поднялся Берлинг с кресла. — Весьма сожалею, но другого выбора у нас нет. Это произойдет мгновенно, никто ничего не почувствует.

Мак-Клеллан уставился на капитана, по телу его пробежала дрожь, рот приоткрылся.

Прежде чем он успел произнести хоть что-то, Берлинг продолжил:

— Мы наберем необходимую скорость, затем войдем в подпространство, догоним снаряд, вновь вернемся в трехмерное пространство в расчетной точке и столкнемся с объектом с почти равной скоростью, но с большой составляющей, нормальной к его траектории. Соответствующая компонента момента, которую мы сможем передать снаряду, будет составлять только несколько десятимиллионных от его собственной, но этого будет вполне достаточно, чтобы непоправимо сбить его с курса. Правда, едва-едва: снаряд пройдет на минимальном расстоянии от Вердеи, примерно в одном планетном диаметре. Но это лишь в том случае, если мы будем действовать, не медля ни секунды. Угловое отклонение будет столь малым, что потребуются не менее одного светового дня, чтобы накопилось безопасное линейное отклонение от курса.

— Безопасное?!! — только и смог выдавить из себя Мак-Клеллан.

Берлинг положил руку на плечо помощника.

— Мужчина умирает для того, чтобы остальные могли жить. — В его голосе не было никакой теплоты или доверительности; слова были сказаны чисто механически.

— Но вы же говорили, что все вернутся на базу...

— Я хотел сказать: «возможно». Кроме того, завтра Флот вполне может потерять и саму базу.

Мак-Клеллан застыл на месте. Его речь была суровой, но спокойной и ровной:

— Крайняя цена. И ведь не было ни одного враждебного акта целых пятнадцать лет.

Берлинг кивнул в ответ:

— Я часто удивлялся, почему они не попробуют вышвырнуть нас оттуда.

— И с нашей стороны тоже никаких действий, кроме разве что обычных патрулей и обычного военного производства. Разумна ли подобная жертва? Дредноут, способный вести бой в одиночку, с запасами боеприпасов, топлива и расходных материалов на многие годы, опытная и слаженная команда, которую заменить будет просто нечем... Что подумает Высшее Командование?

— К сожалению, — сказал Берлинг, — у нас нет времени на консультации с Адмиралтейством.

— Но хотя бы с собственной командой? — вспыхнул Мак-Клеллан. — Вы приговорили всех к смерти, даже не позаботившись сообщить им об этом.

— Я полагаю, что это никому не поможет лучше выполнить свой долг.

— Или боитесь, что они не захотят последовать за вами?

— На корабле я командир, мистер.

Мак-Клеллан застыл на фоне звездного неба. Корабль звенел все громче и сильнее.

— Я полагаю, что экипаж имеет такое право, — сказал он после паузы, длившейся несколько ударов сердца.

— Возможно, — согласился Берлинг. — Я задам вопрос после совещания.

— Право — право не выполнять незаконный приказ.

— Мы не имеем права допустить катастрофу. Снаряд нужно остановить во что бы то ни стало.

— Если командир корабля очевидно некомпетентен или сошел с ума, подчиненные обязаны заменить его. — Мак-Клеллан мгновенно развернулся на каблуках и оказался на другом конце рубки.

— Стой! — закричал Берлинг.

Мак-Клеллан обернулся. Слезы, хлынувшие у него из глаз, заблестели на изможденных щеках.

— Сэр, это — преступление, — запинаясь, проговорил он. — Я должен. Пусть трибунал рассудит нас.

— Стой! — повторил Берлинг. — Это приказ.

Мак-Клеллан потянулся к двери.

Берлинг одним прыжком подскочил к нему, крепко сжал его руку и развернул помощника к себе лицом.

— Боишься за свою жизнь?

— Да. А вы разве нет? За Фрэнси, Томми, Алису, но больше всего я боюсь за корабль. Я уверен, что нельзя жертвовать ТАКИМ Кораблем. Вы понимаете, сколько он значит... для Флота, для всего Альянса, наконец... Пожалуйста, сэр, остановитесь.

Мощная рука Вердикта дрогнула, и Мак-Клеллан зашатался. Берлинг освободил его руку и произнес громовым голосом:

— Ты останешься здесь, рядом со мной! Или я должен вызвать охрану?

Мак-Клеллан сунул руку в карман. Выдернув из него складной нож, он рывком высвободил лезвие. Широкий стальной клинок недобро сверкнул.

— Не посмеете! — с вызовом сказал он. — Я уйду. До тех пор, пока вы не сотрете навигационную программу. — По мере того как корабль все больше и больше отклонялся от курса, звезды перемещались из одного конца обзорного экрана в другой. — Нет? — произнес он. — Ну что же, мои друзья-офицеры помогут вам. — Он глянул на нож, покачал головой и вновь двинулся к двери. — Надеюсь, они не захотят крайностей. Прощайте! Я был счастлив служить под вашим командованием — вплоть до этого момента.

Дверь открылась, и старпом шагнул вперед.

Берлинг разогнулся, словно сжатая пружина. Его левая рука обхватила шею Мак-Клеллана и крепко сомкнулась в замок, а правая железной хваткой сжала запястье руки, державшей оружие.

Из рта Мак-Клеллана струйкой потекла кровь; он выронил нож. Берлинг ослабил захват, и Мак-Клеллан в агонии повалился на пол. Берлинг склонился над ним, положил ладонь на грудь и прижался губами к его губам. Сердце помощника перестало биться, и он растянулся с открытыми глазами и ртом.

Берлинг поднялся на ноги. Ссутулившись и беспомощно опустив руки, он смотрел вниз.

— Мне очень жаль, — с трудом проговорил он. — Я не хотел этого. Хотя... чуть раньше, чуть позже — какая разница? — Он оттащил тело в рубку, жестом приказал двери закрыться и опустился в кресло.

— Капитан — Техническому отделу, — произнес он в интерком. — Закрытая связь.

На экране появилось лицо Пикавея.

— Похоже, мы с вами неплохо управляем кораблем, — сказал Берлинг. — Подготовьте пучок на Вердею. Прежде чем мы уйдем в подпространство, я обязан поставить их в известность о случившемся и о принятом нами решении.

— С-слушаюсь, сэр.

— Когда вы подготовите канал для меня, отключитесь от него сами. Мне необходимо передать всю информацию, всю до последних деталей. Кто знает, что еще может им пригодиться? Некоторые детали должны остаться конфиденциальными.

— Даже от нас, сэр?

— Да. Но если ваши товарищи захотят передать мне краткие сообщения — для своих семей или еще кому-нибудь, — я включу их в сообщение.

— Спасибо, — сухо улыбнулся Пикавей. — Сделаем. *Morituri te salutamus*.²
— Как ваши ребята восприняли все это? — спросил Берлинг.
— Нормально, — ответил Пикавей. — Мы сидим у себя, в лаборатории, говорим, думаем, молимся...

Берлинг улыбнулся кончиками губ.

— Отлично. Надеюсь, мне можно будет присоединиться к вашей компании.

— Сэр, — неожиданно произнес Пикавей, — мне кажется, что остальные должны знать о принятом решении. Они заслуживают этого.

— Я подумаю, — заверил его Берлинг. — Возможно, вы правы. Я сообщу об этом позднее. — Когда отступать будет поздно, — подумал он.

Пикавей понял командира.

— Спасибо, сэр, — сказал он. — И... еще одно...

— Говори, сынок.

— Для нас было бы... вы бы нас очень поддержали, если бы произнесли несколько слов.

Берлинг тяжело вздохнул.

— Я ведь не оратор... Ну ладно, пусть даже это повредит нам, дайте мне большой экран.

Пикавей выполнил необходимые процедуры, и Берлинг увидел комнату, заполненную аппаратурой. И лица. В основном очень молодые. Он глубоко вздохнул.

— Джентльмены, — произнес он, смягчая свой обычный ледяной голос, — нам вскоре придется погибнуть, но я не знаю смерти достойней. Я горжусь вашим мужеством и верностью долгу. Точно так же будет гордиться и Флот, когда узнает о случившемся. Планета не забудет вашего подвига тысячи и миллионы лет, поскольку... Да нет, черт побери, это все отвлеченные разговоры, плюньте на это... Лучше я объясню так: это мы пришли на Вердею. Именно из-за нас над ней нависла угроза. Ради чести Флота мы должны принять на себя всю ответственность за безопасность планеты.

— Спасибо.

— Устанавливая мой контакт с Флотом, мистер Пикавей, подберите несколько нужных слов, чтобы я включил их в свое послание, и свяжитесь со мной.

— Есть, сэр.

Экран погас. Берлинг опустился в кресло, обдумывая свое выступление. «Целестию» поглотил мрак гиперпространства.

— ...в один прекрасный день по счастливой случайности наше судно зарегистрировало ракетный запуск с одной из звезд — через пятнадцать лет после того нападения, — продолжил я. — Сравнительно небольшое твердое тело несло почти со скоростью света и было направлено на цель с исключительно высокой точностью. Его столкновение с Вердеей должно было выделить такое количество энергии, как при падении большого астероида. Наши ученые провели детальное компьютерное моделирование и доказали, что последствия были бы схожими: нарушение климата, массовая гибель флоры и фауны, а также местного населения и наверняка гибель цивилизации. Нет никаких сомнений, что конструкторы этого снаряда рассчитывали именно на такой эффект.

Рассказанное мною не пробудило вашу память?

Годольфин неопределенно потянулся.

— Нет, — сказал он. — Нет, меня никогда не информировали об этом.

Ну что же, предположил я, Вердею мало кто знал, а Флот не, собиравшись оповещать об инциденте весь мир. Кроме того, эта история произошла в тот момент, когда внимание всего Альянса было приковано к битве при Эбо...

— И что же? — прошептал Годольфин.

² Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

— Наш дредноут пожертвовал собой, протаранил объект и заставил его отклониться от курса.

— Это настоящий подвиг.

— На борту корабля находился и мой отец.

— В таком случае у вас поистине благородные предки, и вы можете гордиться историей своего семейства.

Как разведчик я досконально изучил последние сообщения Берлинга. Флот никогда не публиковал их полностью — только тщательно отобранные места — необходимо было принимать в расчет интересы безопасности. Я отважился отправить в Адмиралтейство некоторые соображения по поводу кончины моего отца. День Освобождения стал на Вердее священным праздником, и это все больше сближает нас с аборигенами и ежегодно поставляет Флоту сотни новобранцев. Я не посягнул на посмертную славу отца и все же почувствовал, что хоть немного выполнил свой долг перед памятью экипажа «Целестии».

— Вы же сами прекрасно понимаете обстоятельства, — продолжил Годольфин. — Шла война с Халией.

— Так и мы полагали до недавнего времени. Халиане — кто же еще? Но все-таки оставалось слишком много неясного. Хорьки и в самом деле безжалостны, но разве способны планировать свои действия так надолго? И разве есть у них столь совершенная техника? Конечно, в принципе возможно и такое. Но теперь первоначальная версия рассыпалась в прах. Халиане неспособны на геноцид в отличие от людей. Синдикатов. Аджета имела несчастье находиться как раз возле границы их космического пространства. Разведка Флота установила, что за спиной халиан всю войну стоял Синдикат. Именно вы организовали тот рейд, а когда он закончился провалом, разработали и осуществили этот адский план.

— Клянусь, я и слышать не слышал...

Теперь я скупю, по слогам произносил хлесткие слова:

— Не вы — пусть. Но ваше правительство. Такому могли бы позавидовать Чингисхан, Тамерлан, Сталин, Мао, Эль Бруджо — нет, в человеческой истории никогда не было ничего подобного. А общественное мнение?

Годольфин смог сохранить самообладание. Он выпрямился в кресле.

— Вы обвиняете наших лидеров, — негромко и спокойно произнес он.

— Или ваших непосредственных предшественников. И вы не сможете откреститься от них.

— Флот постоянно использовал против нас оружие огромной разрушительной силы.

— Но никогда — против планет, на которых существовали местные формы жизни.

— Насколько мне известно, да. Мне близка и понятна ваша позиция. Вы позволите мне взглянуть на рассказанное вами со своей точки зрения и сообщить вам информацию, которой я располагаю?

— Посмотрим, — сказал я. — У вас есть шанс искупить свою вину.

Годольфин глубоко вздохнул.

— Я многое расскажу вам, капитан Мак-Клеллан, — заявил он. — Мне неплохо известны политическая ситуация в Синдикате и наша практическая этика. Кроме того, я близко знаком с высшими офицерами, высокопоставленными гражданскими деятелями, а также с информацией — в том числе и секретной. Даю вам слово чести, что ничего подобного рассказанному вами никогда даже не рассматривалось всерьез. — Он помолчал. — Много лет назад мне попалось на глаза теоретическое исследование об околосветовом кинетическом оружии, однако заключение было отрицательным — из-за огромной стоимости. А также по этическим соображениям.

— Но один раз Синдикат пошел на такие расходы, — парировал я, но Годольфин был тверд как камень.

— В экстраординарной ситуации мы, возможно, пошли бы на это. Но повторяю — такой приказ командование не отдавало. Рейд был, тут сомневаться не приходится. Это

война. Мы провели хирургический удар, который, к несчастью, оказался неудачным. Но никакого геноцида не планировалось, заявляю вам об этом со всей уверенностью. Возможно, это было делом рук нескольких фанатично настроенных офицеров, которые намеренно не поставили в известность Высшее Командование, зная, что оно запретит проведение подобной акции. Выполнив задуманное, они благополучно ушли в отставку... Можете ли вы поручиться, что Флот или Альянс не пытался создать нечто подобное? Или даже использовать на практике?

Я промолчал в ответ.

— Такое иногда случается, — добавил он. — Война есть война.

Мы оба замолчали, задумавшись. Каждый о своем.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья X

Когда мятеж сопровождается насилием, всякое лицо, подпадающее под действие данного Акта, присоединившееся к мятежу, подлежит смертной казни или другому наказанию, предусмотренному ниже. Если мятеж сопровождается изменой, виновный подлежит смерти или другому наказанию, предусмотренному ниже. Если субъект действовал по трусости или малодушию — подлежит каторжным работам или другому наказанию, предусмотренному ниже. Если он действовал по неведению — подлежит увольнению со службы с формулировкой «с позором» или другому наказанию, предусмотренному ниже.

В последний год халианской войны промышленность не успевала заменять погибшие корабли новыми. В первую очередь не хватало транспортных судов. Доверху набитые трофеями и почти что невооруженные, транспорты не могли противостоять даже малочисленному противнику. Их потери становились еще более существенными, если учесть, что на всех верфях Альянса строились только боевые корабли. До захвата Цели и прекращения вражеских набегов Альянс лишился почти четверти своих транспортных средств. Большие потери понесли судовладельцы и страховые компании. Не хватало пилотов.

Когда же война переместилась с далекой периферии Альянса в ту область галактики, где доминировали халиане, возникла проблема тылового обеспечения огромной армады, действовавшей в неделях пути от ближайшей базы. Мобилизация гражданских торговых кораблей и их экипажей тоже не спасла положение. Система коммерческого грузооборота внутри Альянса была бы нарушена, пострадала бы и производственная кооперация, что очень скоро отразилось бы и на самом Флоте. В итоге Флоту выделили лишь очень небольшое число кораблей, и вопрос о каждом решался отдельно. Военным достались никуда не годные суда. Эту ржавую рухлядь командор Мейер успешно использовал против халианского подкрепления в битве при Цели.

Ответственность за положение на транспорте Адмиралтейство возложило на корпус тылового обеспечения. Начальник корпуса предпринял множество попыток поправить ситуацию. В частности, на индустриально отсталых и аграрных планетах был налажен выпуск огромных корпусов, а дальнейшее укомплектование кораблей производили обычные верфи. Новоиспеченные предприятия с энтузиазмом включились в соревнование за производство самого большого судна. Каждый завод старался переплюнуть остальные. И вскоре появились суда длиной более километра. Лучшее электронное оборудование и двигательные системы предназначались для боевых кораблей, в результате возникло множество сырых экспериментальных разработок, проходивших испытания уже в реальных боевых условиях. Некоторые оказались очень эффективными; зачастую подобный эффект не

предполагался даже конструкторами.

Скотт Макмиллан, Кэтрин Курц. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

Подлетая к причальной палубе гигантского транспортного корабля, капитан Тэлли чувствовал себя как никогда отвратительно. После двадцати лет активной — да еще какой активной! — службы его с должности командира знаменитого боевого крейсера перевели на большой, но третьеразрядный транспортный корабль, капитан которого глупейшим образом погиб. Сейчас, когда Флот готовился к решающей битве с Синдикатом, Тэлли надеялся принять под командование настоящий боевой корабль. А вместо него получил вот эту мерзкую посудину — и все потому, что проклятое ничтожество взяло и шагнуло в открытый люк...

И хуже того — невыносимое оскорбление! — ему умудрились всучить одну лишь вегетарианскую пищу, хотя наверняка знали, чем это может грозить нежному и чувствительному кишечнику Тэлли. Оставалось ждать только вулканического извержения.

Так и получилось.

Тэлли с ужасом чувствовал, как в стиснутом брючным ремнем объеме постепенно, но неукротимо повышалось внутреннее давление. Другие офицеры гордились рубцами и шрамами на теле; у Тэлли же была одна, но специфическая гордость — громко ворчащий кишечник, позволявший есть только специально приготовленную мягкую пищу и мгновенно взрывающийся при одном намеке на любую другую. Особенно на овощи. Он мог только слабо надеяться, что этот факт не станет всеобщим достоянием, до тех пор, пока они не пристыкуются, или останется незамеченным в обстановке всеобщего смятения. Этого, увы, не случилось. Клапан выпустил пар, и лишь высокое звание и безупречная репутация капитана удержали острые языки членов команды.

Попасть после боевого крейсера на вшивую баржу было еще полбеды. Но из-за вечного армейского бардака и штабной неразберихи пожитки капитана заслали на противоположный конец планетной системы. В единственном бауле, оказавшемся при нем, лежал сменный комплект парадной формы, которую он привык надевать всякий раз, покидая судно. Здесь же находился старинный клинок, его фамильное достояние, история которого уходила в непроглядную тьму древности.

Избегая любопытных взоров команды, Тэлли быстро скользнул взглядом по клинку. Меч носил далекий предок капитана, вышагивавший по палубе своего четырехмачтовика в 1804 году, когда охотился за пиратами вдоль всего африканского побережья Средиземноморья. Он был легендарной личностью, настоящим сорвиголовой. Этот однорукий моряк взял на abordаж пиратское судно и в поединке именно этим мечом отсек голову вражескому капитану.

По крайней мере так гласила старинная семейная легенда. Согласно ей, клинок передавался из поколения в поколение, от отцов к детям, когда они получали свой офицерский патент.

Кишечник вновь дал о себе знать, на этот раз гораздо сильнее, чем прежде. Тэлли был на последнем издыхании и стиснув зубы молил Бога, чтобы неминуемое произошло уже после того, как он покинет рубку. На этот раз его мольба была услышана, стыковка произошла без сучка и задоринки, и Тэлли смог ретироваться, не издавая при этом посторонних звуков.

Нового капитана встречали без фанфар. Его приветствовала миловидная женщина:

— Добро пожаловать, капитан Тэлли! Я Эдна Пурвис, ваш начальник медотдела. — Доктор Пурвис приветливо протянула руку. — Как только ваша медкарта была доставлена к нам, я ее внимательно изучила. У вас, эээ, избыточный уровень метана. — Она достала небольшой пузырек. — Это вам — просто так, на всякий случай. Если возникнет некоторое неудобство.

— Спасибо, — проворчал Тэлли, недоверчиво поглядывая на этикетку. — Как много,

насколько часто принимать и как быстро начинает действовать?

— Судя по вашему голосу, я бы посоветовала принять три пилюли прямо сейчас и затем по одной каждые час-два. — Пурвис доверительно улыбнулась. — Не скажу, что это полностью излечит вас, но чувствовать себя вы станете намного уютнее.

Тэлли высыпал на ладонь три крошечные голубые пилюли и тут же залпом проглотил их. Лекарство оказалось совершенно безвкусным, и сухая оболочка растворилась почти мгновенно. Капитана настолько поразило немедленное избавление от невыносимых болей, что он даже не поинтересовался, каким это образом врач на забытой Богом старой посудине имеет такие чудодейственные лекарства, а лучшие терапевты в Порту — нет. Он пробормотал слова благодарности и переложил свой чемоданчик в левую руку.

— Отведите меня в мой кабинет, доктор Пурвис, и сообщите всем, что я прошу офицеров собраться в кают-компанию через... через...

— ...через тридцать минут. Так точно, сэр. Пойдемте.

По дороге в кабинет Тэлли заметил большую столовую, комнаты отдыха для членов экипажа, капитанскую рубку и «Медвежий Уголок» — офицерскую кают-компанию. Показав новому капитану его апартаменты, Пурвис отправилась к ждавшим ее офицерам.

— Ну что, парни, заполучили мы настоящего победителя. — Пурвис сделала глоток кофе. — Он так и кипит желанием навести здесь порядок. Конец бардаку. Прощай, веселые деньки!

— Неужели настоящий солдафон? — Старший помощник Хантли вопросительно взглянул из-под взъерошенной копны белых волос. В огромных стеклах его очков отразился неестественный свет натриевых ламп переборки.

— Ага.

— Неужели инвентаризация? — потрясенно пробормотал ответственный за грузы офицер.

— Гам у него спросишь. — Пурвис решительно опустила на стол чашку. — Он хочет видеть всех через полчаса.

— Что, и галерного каторжника³ тоже? — спросил кто-то.

— Конечно; почему бы и нет? Все равно он рано или поздно наткнется на Тельму. — Пурвис поднялась с кресла и потянулась. — Через полчаса буду. Надо горло промочить.

Тэлли еще не совсем пришел в себя, когда выбрался из душа. Но лекарство, судя по всему, действовало. Он оглянулся в поисках полотенца и, не найдя его, досуха вытерся собственной рубашкой. Затем он вышел из ванной комнаты и принялся рыться в шкафчиках и тумбочках.

В них капитан обнаружил несколько комплектов нижнего белья, а также некоторые личные вещи предыдущего командира... как же его звали? Ему попалась на глаза именная бирка, на которой значилось «Ивановф». Полотенец нигде не было. «Ну что же, — подумал Тэлли, одеваясь, — видно, они еще не вернулись из прачечной».

Когда капитан Тэлли вошел в «Медвежий Уголок», в кают-компании почти не оставалось свободных мест. Помощник Хантли, слышав шаги, бравым голосом скомандовал «смирно!». Офицеры оторвали зады от кресел и замерли в напряженных позах, имеющих самое косвенное отношение к отданной команде; Тэлли произнес «вольно», и все грузно рухнуло вниз.

Тэлли огляделся вокруг с нарастающим чувством омерзения. Он привык командовать боевым крейсером — три сотни членов экипажа и пятьдесят — шестьдесят офицеров — гордость Флота, сливки Альянса; по крайней мере так они сами о себе думают. Теперь же Тэлли видел вокруг двадцать пять офицеров, и ни один из них — ни один! — и близко не напоминал боевого командира. Об уважительном отношении друг к другу здесь, очевидно, и

³ «Галерные каторжники» — офицеры административно-хозяйственной части, работающие на камбузе (жаргон офицеров Флота).

не слыхивали. Все внутри капитана сжалось, и он вновь ощутил рези в животе.

Выбор был небольшой: либо сразу проявить твердость, либо продемонстрировать дружелюбие. Хотя и через силу, Тэлли решил не осложнять отношения с самого начала.

— Экипаж выглядит так, словно собирается в панике бежать с корабля. Да и вы похожи на повстречавших «Летучий Голландец». Так вот, леди и джентльмены, должен объявить вам, что мы корабль покидать не собираемся. Даю десять минут, чтобы вы вернулись сюда хоть немного похожими на офицеров Флота. ВНИИИ...АНИЕ! — Тэлли повернулся к Хантли. — Пусть приведут себя в порядок.

Не успел старший помощник исполнить приказ, как вся компания в смятении шарахнулась назад: в дверях «Медвежьего Уголка» появилась исполинская женщина. Сквозь слишком тесный для нее проем великанша пыталась протиснуться внутрь. С выпученными глазами капитан застыл на месте, не в силах произнести ни слова. Сто девяносто сантиметров и не меньше центнера сплошной женственности приблизились к нему и замерли в почтительном ожидании. Из ее нагрудного кармана, сильно выдававшегося вперед благодаря поразительным формам, торчал сочный стебель брюссельской капусты — чудо-женщина, несомненно, имела самое непосредственное отношение к кухне. Тэлли с детства ненавидел брюссельскую капусту.

— Что?!

Но капитану не дали закончить фразу. Доктор Пурвис поднялась с кресла.

— Сэр, это офицер административно-хозяйственной части корабля Тельма Рюэль.

«Галерный каторжник» отсалютовала.

Тэлли побледнел, и вентиляторы принялись с удвоенной энергией снижать внезапно возросший в помещении уровень загазованности.

Второе собрание в «Медвежьем Уголке» прошло более гладко. Тэлли обратил внимание на образцовую подтянутость старшего помощника и с удовольствием отметил, что поступил абсолютно правильно, избрав для себя роль «славного парня». Речь Хантли звучала более собранно, а у Пурвис хватило ума занять гигантскую Тельму различными неотложными делами. Ответственный за грузы лихорадочно готовился к полной инвентаризации, и через несколько минут новый капитан уже начал обход корабля. Беспокоили его лишь две вещи: во-первых, он забыл попросить полотенце; и, во-вторых, тягостное ощущение, что эту Тельму Рюэль ему случалось видеть и прежде.

Помощник Хантли с документацией в руках явился к капитану, прервав размышления Тэлли на тему великанши и предыдущей встречи с ней. Нацепив фуражку, капитан отправился в инспекционный поход по кораблю FCTV 621 — J. Когда Телли, предшествуемый помощником, спустился в отсек жилых помещений, между обоими офицерами завязалась непринужденная беседа.

— Скажите мне, Хантли, — поинтересовался Тэлли, — как давно вы служите на Флоте?

— Около двух лет, сэр. Меня призвали в самом конце войны с халианами, но принять участие в боевых действиях мне уже не довелось. — Хантли вздохнул, и командир не смог определить, искренне помощник жалеет об этом или просто кокетничает.

— И все время служите на 621 — J?

— На чем, сэр? А, понял. Нет, меня перевели на Вегомат примерно год назад.

Тэлли остановился и внимательно посмотрел на помощника.

— Что вы называете «Вегоматом»?

— Но, сэр, — щеки Хантли слегка порозовели, — вся команда так его называет.

— Хантли, ПОЧЕМУ этот корабль называют «Вегоматом»? — грозно переспросил Тэлли. По болезненному выражению лица офицера он понял, что тот не совсем уверен, правильно ли поступил, используя в разговоре с капитаном неофициальное название корабля.

— Потому, сэр, — голос помощника слегка понизился, и он отвел глаза в сторону, — что судно использует вегоматный движитель.

Тэлли инстинктивно ослабил ремень на одну дырочку: давление газов в нижней части тела опасно повысилось.

— Мистер Хантли, — произнес он, — я служу во Флоте уже два десятка лет, но ни разу за все это время не слышал ни о каком «вегоматном двигателе». Так что я хочу сейчас сделать две вещи (давление в желудке по-прежнему возрастало): во-первых, проглотить вот эту маленькую пилюлю и, во-вторых, попросить вас рассказать мне о нем. Вы не против?

Хантли сделал непроизвольный судорожный глоток, когда командир принимал голубую пилюлю.

— Сэр, я плохо представляю себе весь процесс. Полагаю, что вам лучше было бы побеседовать об этом с лейтенантом Берманн. Она знает все о вего... простите, об этом устройстве.

Боль на нижних палубах туловища Тэлли достигла критических значений, и ему пришлось крепко сжать зубы, чтобы сохранить самообладание.

— Отлично, — произнес он не совсем обычным голосом. — Хочу взглянуть на эту леди.

Офицер-бортмеханик Нэнси Берманн служила на FCTV 621 — J с тех пор, как этот корабль был введен в строй в самый разгар халианской кампании.

— Это очень просто, сэр. В ходе последней войны мы потеряли много оборудования. Кораблей обеспечения хронически не хватало, как и всего остального. Проблема состояла не столько в их строительстве, сколько в оснащении необходимыми узлами и оборудованием. О, простите. — Она взглянула на экран терминала и пробежала пальцами по клавишам. — В общем, у меня есть один дальний родственник, дядя, который служит в тыловом обеспечении. Может, вы слышали о нем: адмирал Абрахам Мейер? Нет? Ну так вот, он понимал, что основная задержка с вводом в строй новых кораблей снабжения состояла в катастрофической нехватке светлых голов для систем управления и навигации. Командиры же, способные управлять такими огромными кораблями, в первую очередь требовались боевым частям Флота. Ммм-да, здесь нужно еще раз... — Она вновь на несколько секунд повернулась к клавиатуре. — Ну так вот. Шесть лет тому назад дядюшка Эйб... эээ, простите, командор Мейер занялся поисками новых источников искусственного интеллекта для использования в грузовых кораблях Флота. И представьте себе, ему это удалось. Нет, не зря мой прадедушка Исаак Мейер, адмирал Красного, определил его в офицерское училище тыловой службы! Командор Мейер объединил гидропонную методику с жидкостными компьютерами — и надо же! Ему это удалось; был создан органический думающий резервуар. — Лейтенант Берманн сияющим взглядом посмотрела на своего командира.

— Простите, если покажусь несколько тупоголовым, но я не совсем понял, — начал Тэлли. — Он что, превратил какое-то растение в своеобразный компьютер, который управляет кораблем?

— Ну да. — Лейтенант Берманн улыбнулась, как мать, чей малыш с трудом учится правильно выговаривать слова. — Пойдемте, я покажу вам, как все это работает.

По служебному коридору они спустились в самое сердце корабля. Лейтенант Берманн провела через охраняемую дверь в слабо освещенную комнату с низким сводчатым потолком. В центре комнаты, почти на все три десятка метров ее ширины, простирался освещенный бассейн, на поверхности которого плавали островки растений. От Тэлли не ускользнуло, что вокруг бассейна лежали несколько полотенец. Затем его внимание привлекло содержимое самого бассейна — десять тонн зелени, плававшей в прозрачном питательном растворе. Пузырящаяся масса оказалась конгломератом десятков различных растений, большинство которых показалось капитану знакомыми. Зеленая икебана тянулась почти во всю длину пятидесятиметрового трюма.

Тэлли присвистнул:

— Вот это да... И как это все работает?

— На самом деле, — пояснила лейтенант Берманн, — все очень просто. Повсюду на корабле расположены маленькие контейнеры, наполненные особым гидропонным

раствором. Все они соединены с этим бассейном оптоволоконными кабелями. Вот откуда мерцающий свет из глубины. В каждом контейнере выращиваются растения, взятые от доноров из бассейна. Это так называемые растения-спутники; их задача состоит в передаче информации растениям-донорам сюда, в бассейн.

— Подождите, — запротестовал Хантли, — растения не могут общаться.

— Еще как могут, но другим, более фундаментальным образом, чем люди. Предположим, вы взяли отросток от вон того вьюнка. Если вы перенесете его в другую комнату и нагреете, он отреагирует на это определенным образом. Если теперь вы при помощи оптоволоконка соедините его с донором (а это очень тонкая работа), донор отреагирует совершенно так же. — Она улыбнулась Хантли, он ответил обескураженной робкой улыбкой.

— Теперь вам нужно лишь контролировать поверхностное натяжение в бассейне, чтобы узнать, что каждое растение, эээ, думает, а затем ввести информацию в компьютер. А уж он сам определит, какие меры нужно принять.

— Есть вопрос, — вставил Тэлли. — Все эти растения постоянно что-то передают туда-сюда; каким образом компьютер определяет, что же именно произошло?

— Очень просто. Растения абсолютно нечувствительны ко всем сигналам, кроме исходящих от их собственных спутников. Все это очень напоминает устройство нашей нервной системы, передающей информацию мозгу, разве что в этом случае мы имеем дело скорее с органическим, чем с биологическим входным устройством. — Она говорила вдохновенно, забыв о полной некомпетентности слушателя.

— Но разве оно может думать? — стоял на своем Хантли. На роль благодарного слушателя он явно не годился.

— Нет. Но компьютер собирает воедино полученную от растений информацию и вырабатывает логичное решение. Так что весь процесс очень напоминает мышление, но человеческий мозг не нужен.

— Ну что же, допустим, что и так, — предположил Тэлли. — Наверняка все это обойдется гораздо дешевле, чем обычный искусственный мозг Флота. Почему же тогда эти вегоматы не запустят в серию?

Берманн с явным удовольствием выслушала вопрос капитана: вот еще один повод похвастаться своим драгоценным семейством.

— Первоначально было построено шесть таких кораблей; три уничтожены противником, два впоследствии оснащены «настоящим» мозгом, а вот этот используется как полетная лаборатория, на которой доводятся и совершенствуются методики, разработанные моим дядюшкой.

Перед тем как расстаться с новым капитаном, лейтенанту Берманн удалось уговорить старшего помощника помочь ей вечером с некоторыми гидропонными исследованиями. С некоторых пор Нэнси не уставала удивляться, как это она прежде не замечала Хантли...

Тем временем Тэлли получил у ответственного за грузы копии инвентаризационных описей и спустился в свою кабину, чтобы спокойно проглядеть их. Оказавшись в комнате, он с размаху зашвырнул фуражку на стол, сбросил обувь и с описью в руке рухнул на койку. Просмотрев несколько страниц, капитан почувствовал, как внезапно потяжелели его веки, и на пороге сна с радостью отметил, что впервые за несколько недель не ощущает того, что доктор Пурвис назвала «некоторым неудобством».

В Академии Флота был выпускной вечер. Кадет Андрей Стюарт Тэлли вместе с сотнями других курсантов практически уже получил свой патент. Пять лет он пахал как каторжник ради этого самого момента...

Каторжник... Вдруг среди блаженного сна возникла обширная Тельма Рюэль и направилась к Тэлли, чтобы приколоть значок, но вместо этого сжала его в объятиях и поволокла в кусты... Он пытался бороться, но чувствовал, что сопротивление бесполезно...

Вздвогнув, Тэлли проснулся. Знакомая резь в желудке не давала спать; кроме того, он вспомнил, что главный интендант Тельма Рюэль, известная также под кличкой «каторжник»,

была его давно забытым юношеским увлечением. Он проглотил голубой презент доктора Пурвис. Боль отпустила, но тягостное ощущение на сердце не проходило.

Лежа в кровати, капитан трезво и критически оценил свое положение. Ему поручено командовать транспортом, управляемым плавучим винегретом. На судне царит настоящий бардак, хуже которого ему видеть не доводилось, а пищу тут готовит сумасшедшая Валькирия, когда-то бывшая его любовницей. Пока что светлые впечатления в избытке давали только чудодейственные голубые пилюли.

В дверь постучали. Тэлли не успел подняться, как в каюту заглянула женщина:

— Простите, сэр, но старпом велел передать, что вам надо срочно подняться на капитанский мостик.

О Боже, подумал Тэлли. Что у них там еще стряслось?

Впихнув ноги в ботинки и схватив со стола фуражку, Тэлли бросился на мостик. С первого взгляда стало понятно: команда корабля близка к панике. Произошло что-то действительно серьезное. Младший лейтенант Саймон Руни подбежал к командиру, на ходу отдавая честь.

— Дежурный связист докладывает, сэр. Срочная шифровка из штаба флотилии.

Тэлли четко возвратил приветствие и пробежал глазами протянутый листок бумаги:

ШТАБ ФЛОТИЛИИ
КОМАНДИРУ FCTV 621 — J
СРОЧНАЯ
ПО ПОЛУЧЕНИИ ВАМ НАДЛЕЖИТ НАПРАВИТЬСЯ В СЕКТОР 87 —
WW — 1350
ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ 18:25:00 ИСТИННОГО.
СТЕПЕНЬ ОТКАЗА ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ БОЕВОГО ПРИКАЗА 3.
ПОДТВЕРДИТЬ ПОЛУЧЕНИЕ.
КАПИТАН РОБЕРТ РАЙТ

Тэлли много раз доводилось получать подобные приказы, когда он командовал крейсером — но обычно с более высокой степенью отказа от выполнения предыдущего боевого задания. Первая степень требовала немедленного выхода из боя. Шифр два позволял бросить поврежденные или терпящие бедствие суда, в то время как шифр три давал право завершить текущие ремонтно-восстановительные работы, прежде чем отправиться в указанный район.

Все ясно. В войне с Синдикатом произошло нечто существенное, и на помощь вызываются все корабли, находящиеся в халианском секторе. Столь низкий шифр, очевидно, связан с проведением флотилией обманного маневра — вероятно, с фланговым обходом группировки Синдиката. Риска тут немного, как и во всякой стратегической оборонной инициативе, — лишь бы не напороться на «Звездолом», один из сверхтяжелых боевых кораблей противника.

Ясно, что даже самый опытный боевой командир Синдиката без колебаний отступит, как только обзорные экраны покажут неожиданно появившуюся армаду, наполовину состоящую из транспортных гигантов. Даже эта Вегоштуковина по размерам превышает любой, самый большой дредноут. Правда, на ней нет никакого вооружения, но вряд ли это известно противнику.

Капитан повернулся к Руни.

— Подтвердите получение приказа и наше немедленное отправление. — Проследив глазами, как младший лейтенант сломя голову ринулся выполнять поручение, Тэлли отдал еще один приказ: — Разыщите мистера Хантли и передайте, что он должен немедленно явиться в мою каюту.

Хантли мокрой рукой нащупал в многочисленных складках спецодежды тихо звенящий бипер и нажал красную кнопку. Звонок затих.

— Старший лейтенант Хантли слушает.

Маленький экран осветился, и старпом увидел розовощекое лицо молодого связиста.

— Капитан ждет вас в каюте. Срочно.

— Понял. Конец связи.

Бросив бипер на кучу одежды, Хантли выбрался из бассейна.

Коридоры и переходы корабля оказались необычно безлюдными; Хантли заглянул по дороге в столовую и кают-компанию, но и там никого не было. Сделав вывод, что вся команда на боевых постах, старпом поспешил к командире.

— Заходите, — послышался голос Тэлли, когда он осторожно постучал в дверь.

Хантли вошел и отдал честь. Тэлли кивнул, пригласив помощника Присесть.

— Ситуация такова, мистер Хантли. Мы получили приказ присоединиться к основным силам Флота на левом фланге группировки Синдиката.

Хантли побледнел.

— Я хочу, чтобы вы пресекали любую возможность паники среди членов команды. Успокойте их. Они никогда не видели реальный бой, и со всей определенностью могу сказать, что никто и глазом не успеет моргнуть, как все уже кончится.

Хантли уныло произнес «так точно».

— Отлично, — заключил Тэлли. — А теперь — на мостик.

Расположившись в командирском кресле, Тэлли включил экраны системы наблюдений. И сразу увидел светящуюся точку в кильватере 621 — го. Он нажал кнопку интеркома и потребовал сообщить, как давно эта штуковина висит на хвосте.

На ангарной палубе доктор Пурвис осмотрела основной челнок и убедилась, что он без труда сможет взять на борт всю команду. Однако запихнуть их сюда будет не так-то просто, особенно Тэлли. Но, с другой стороны, если капитан не покинет корабль вместе с остальными, он все равно столкнется лицом к лицу с рейдовой группой Синдиката, а уж это не ее забота. Ее задача — посадить экипаж в челнок, отойти подальше от корабля и позволить рейдовой группе проникнуть внутрь. А если кто-то вздумает сопротивляться, синдики сами с ним разберутся.

Тэлли, расположившемуся на капитанском мостике, все происходящее очень не нравилось. Как выяснилось, светящаяся точка следовала за ними уже девять дней, с тех пор как при «аварии» погиб его предшественник. История с дураком, выпавшим в открытый люк, предстала в новом свете. Не нужно быть экспертом, чтобы предположить неладное. Капитан приготовился было сделать объявление для всей команды, когда первый взрыв потряс корпус, а через мгновение еще одна ударная волна эхом пронеслась по кораблю. И тогда начался крошечный ад.

Пользуясь замешательством, вызванным взрывами, доктор Пурвис смогла включить аварийную сигнализацию, что означало приказ экипажу покинуть терпящий бедствие корабль. Через минуту на ангарной палубе толпилась почти вся команда. Каждый рвался первым попасть на борт спасательного челнока. Мужчины и женщины толкали друг друга, сбивали с ног, вопили и перли напролом. Капитана Тэлли смело обезумевшей толпой, метавшейся в поисках спасения, ему едва удалось избежать гибели под ногами озверевших офицеров.

Тэлли был разгневан, как никогда. Докладов о повреждениях не поступало. Беглый внешний обзор корабля не выявил никаких признаков катастрофы. Кто посмел без приказа включить аварийную сигнализацию?! Но требовать ответа было не у кого: судя по всему, жизнь кипела теперь только у трапа челнока.

Покинув мостик, взбешенный капитан бросился к ангарной палубе. В приемной корабельного госпиталя он лицом к лицу столкнулся с Пурвис, быстро швырявшей свои вещи в объемистую черную сумку.

— Скорее! — прокричала она. — Можете опоздать! И задержите челнок, чтобы я успела! Пожалуйста!

— Успокойтесь. Никуда они не улетят, — сказал Тэлли, подошел к женщине и ободряюще положил руку на плечо.

— Да-да, конечно, — отозвалась Пурвис и неожиданно вонзила невесть откуда взявшийся шприц прямо в грудь капитану.

Тэлли успел только тихо охнуть: в глазах внезапно потемнело, и накренившийся пол с размаху упал на него. Перешагнув через содрогающееся в конвульсиях тело, Пурвис бросилась к запасному выходу из госпитального комплекса. Побоище на ангарной палубе шло к концу: на ходу сворачивая друг другу челюсти, последние из двух сотен членов экипажа забирались в челнок.

Из шлюзовой камеры Пурвис в отчаянии наблюдала, как люк челнока захлопнулся и боковая стена палубы медленно отъехала в сторону. Дюзы двигателей ориентации изрыгнули пламя, и аппарат безмолвно двинулся в открытый космос.

В двух милях от корабля терпеливо ждал рейдер Синдиката. Капитан рейдера видел, как крошечный челнок включил маршевые двигатели и с ускорением начал удаляться. Когда он скрылся из виду, капитан нажал клавишу на переборке: разнесся сигнал «приготовиться к abordажу». Восемь наемников запрыгнули в тесную кабинку капсулы, которая должна была доставить их к покинутому транспорту. Палуба накренилась, и электромагнитная катапульта выбросила пиратов...

В носовой части «рогатки» имелись маломощные двигатели ориентации и один достаточно мощный, позволявший вернуться обратно на рейдер, если что-то пойдет не так. Обычно в этом двигателе не возникало необходимости. Как только добыча оказывалась совершенно незащищенной, рейдер пристыковывался к ее ангарной палубе, и захваченное судно переправлялось тому Семейству Синдиката, на которое работали наемники. За многие столетия тактика пиратов практически не изменилась — только техника стала сложнее.

...Курсант Тэлли боролся не на жизнь, а на смерть, отчаянно пытаясь избежать страстных объятий огромной Тельмы Рюэль. Она душила его, требуя от партнера невозможного, особенно если учесть положение, в котором он находился. Он старался оттолкнуть ее, но безуспешно — ее громадная туша исполинской тенью маячила сверху, а влажные розовые губы тяжело впивались в несчастного кадета. Где-то вдалеке слышались голоса...

— Выживет? — Голос принадлежал старшему помощнику.

— Конечно, черт возьми! Я все время делаю ему искусственное дыхание, и он уже начал дышать самостоятельно...

Офицер Рюэль оторвалась от распростертого на полу капитана Тэлли, энергичным выдохом прочистила легкие и вновь принялась ритмично массировать его грудную клетку.

Кошмар рассеялся, плавно перейдя в реальность, и Тэлли слабо застонал. Когда неясные очертания склонившихся над ним обрели резкость, капитан увидел, что Тельма готова вновь приступить к методу «рот в рот». Собрав все силы, Тэлли на сей раз сумел избежать губ великанши. Закашлявшись, он принял сидячее положение и осмотрелся. Кроме Тельмы Рюэль, в комнате были Хантли и Берманн.

— Где Пурвис? — первым делом прохрипел Тэлли.

— По-видимому, на челноке, — предположила Берманн.

— Вряд ли, — произнес Хантли. — Я следил за посадкой с башни управления, но в толпе ее не видел. Я как раз искал всех вас, когда улетел челнок.

Тэлли попытался было подняться, но члены не слушались его; тогда Тельма мощным рывком поставила капитана на ноги и прислонила к стене, поддерживая в вертикальном положении огромными ручищами. Капитан покачал головой, пытаясь избавиться не столько от последствий инъекции, сколько от подозрительно сладкого воспоминания о поцелуях Тельмы Рюэль.

— Ну что же, слушайте мою команду. Сейчас мы будем делать вот что...

Шлюзовая камера находилась над ангарной палубой. С этой господствующей высоты Пурвис прекрасно видела, как влетевшая на палубу «рогатка» заскользила над ней, включив на полную мощность носовые тормозные двигатели. Брошенные по обе стороны ракетные якоря глубоко проникли в толщу металла и намертво засели в нем. Капсула полетела вперед,

разматывая за собой карбоновые якорные цепи. Она врезалась в противоположную стену и застыла на месте.

Сначала в камере царила полная тишина. Первым подал голос пилот-халианин, хвост которого подергивался от досады и раздражения.

— Ненавижу короткие посадочные полосы, — громко объявил он.

— Не ты один, — сказал кто-то, и из кабины послышалось довольное гиканье.

— Хватит трепаться, всем надеть шлемы! — Это был голос коренастого и очень мускулистого человека, все тело которого покрывали многочисленные шрамы, один глаз попросту отсутствовал, а расплавленные повреждения «кожи» свидетельствовали о том, что лицо представляло собой протез из стандартного армейского пластика. После его слов в кабине воцарилось молчание — командиру не смел перечить никто.

— Ну-ка, Гик, отопри эту проклятую дверь!

Молодой талмуд, сидевший напротив командира, повернулся и при помощи ручного рычага открыл дверцу «рогатки». Осторожно, держа карабин наготове, он выбрался на палубу. Вакуум мигом очистил от последних молекул воздуха ангарный отсек, и ледяной холод через тонкий скафандр тут же проник до самых костей талмуда. Прикрепившись карабином к корпусу капсулы, пират осторожно двинулся к аварийной панели управления, расположенной в стене как раз напротив Пурвис.

— Эллис, — глухо прозвучал голос талмуда в наушниках главара, — я у панели. Че теперь делать?

Единственный глаз Эллиса вспыхнул.

— Смотри, Гик, делай все, как я говорил. Во-первых, открой панель; во-вторых, потяни большой синий рычаг; в-третьих, твою мать, шевелись, скотина! Пристрелю!

Гик открыл панель и потянул за рычаг. Створки ангара плотно сомкнулись, и в отсек стал поступать воздух. Когда давление поднялось, пират подбежал к «рогатке», стащил с себя шлем, и каскад золотых капелек обрушился вниз с его головы.

— Все в порядке.

Остальные пираты облегченно освободились от шлемов, и Эллис приказал им выбраться наружу.

Из шлюзовой камеры Пурвис насчитала семерых. Разбившись на группы, они отправились на обследование палубы. От одной мысли о том, что пираты сделают с ней, если случайно обнаружат, Пурвис передернуло. Лучше всего было бы спрятаться где-нибудь в трюме и не высовывать носа, пока трофей не прибудет в Синдикат и представители Семейства смогут подтвердить ее личность.

Подхватив черную сумку, Пурвис бросилась в грузовой отсек. По дороге она чуть не столкнулась с Берманн и Рюэль, лишь в последний момент успев отпрыгнуть и остаться незамеченной. Пурвис подумала, не следует ли предупредить их о пиратах, но решила, что чем меньше людей будут знать о ее присутствии на судне, тем лучше. Запрыгнув в кабину грузового лифта, она нажала кнопку склада номер 17. И когда прозрачная кабина тронулась, распласталась на полу.

Дверцы лифта распахнулись. Не поднимаясь с пола, Пурвис осторожно высунула голову наружу и осмотрелась. В сотне метров впереди она увидела как раз то, что искала — штабеля переносных полевых туалетов.

«Ну что же, — подумала она, — не зря десантники ценят в этой жизни лишь три вещи: удобную обувь, холодное пиво и теплый сортир».

Порывшись в сумке, Пурвис достала скальпель и вскрыла замок кабинки. Забравшись внутрь, она положила сумку на полку и вдруг заметила островок растущих у одной из переборок фиалок.

Неведомая сила повлекла ее к цветам, словно маленькую девочку. Оглядевшись на всякий случай, она сорвала несколько цветков и взяла их с собой в укрытие. Забравшись внутрь, Пурвис заперла дверь, убедившись, что она и ее цветы надежно скрыты от посторонних глаз.

На капитанском мостике Тэлли заканчивал вводить в центральный компьютер серию команд, пломбирующих все выходы и входы и запечатывающих двери — обычная процедура для покинутого корабля. Кроме того, это существенно замедлит продвижение пиратов и даст команде шанс расправиться с ними поодиночке. Затем Тэлли взял клинок и покинул капитанский мостик. Путь его лежал на ангарную палубу.

В главном коридоре Хантли аккуратно разбирал пол. Закончив работу, он отошел и удовлетворенно осмотрелся: восемь метров металлической сетки теперь обнажились, а покрывавшие ее листы резины стопками лежали у стен. Пройти по коридору теперь отважился бы не всякий. Чтобы довершить картину, Хантли бросил посреди развороченного коридора большой гаечный ключ.

А на нижней палубе «каторжница» соорудила настоящую западню из мороженой брюссельской капусты и сублимированных яиц, по пути щедро поливая пол камбуза густым растительным маслом.

А Нэнси Берманн сидела тем временем в своем кабинете за компьютерным терминалом, что-то внушая маленькому гидропонному растению-спутнику. Теперь управление внутренней системой телевизионного наблюдения перешло к клумбе, плавающей в тенистом пруду в самом центре Вегомата.

Эллис полулежал, прислонившись к переборке, и лениво пожевывал стебелек, наблюдая, как двое наемников пыхтели, пытаясь взломать запертую дверь. После долгих усилий дверь поддалась. За ней открылся ведущий на противоположную сторону коридор.

Пираты двинулись вперед, и по дороге Эллис методично проверял каждую дверь. Они были заперты. Все до единой. Эллис смутно догадывался, что здесь что-то не так. После недолгого замешательства он принял решение пробиваться вперед, к капитанскому мостику.

Двумя палубами ниже Эллиса талмуд и человек по имени Бариш прокладывали дорогу от взлетной палубы в направлении кают. Периодически пираты застревали у запертых дверей, взламывали их и в конце концов оказались у неглубокой ниши в стене, где располагался гидропонный резервуар с необыкновенно сочным клевером. Бариш замер на месте.

— Эй, Гик! На твоей планете такое попадается?

— Не-а, — скорчил гримасу талмуд. — А че это? Куст какой-то? — Меню талмудов не отличалось разнообразием: мясо, мясо и ничего, кроме мяса. Запивали его огромным количеством густого пива, приготовленного из животного жира.

Бариш сорвал цветок.

— Гляди, нужно ободрать все лепестки, а потом можно жевать. Он сладкий. На, попробуй.

Пока Бариш шумно чавкал, камера внутреннего наблюдения оцифровала его увеличенное изображение и передала в банк данных центрального компьютера. Плавающее в пруду растение-донор излучило волну дикой боли, смешанной с ужасом. Эта волна была зарегистрирована компьютером по легчайшей ряби на поверхностной пленке жидкости в бассейне и записана в тот же самый банк данных, где уже хранилось изображение жующего Бариша.

В нескольких метрах ниже по коридору слышалось лязганье замка. Пираты прокрались вперед, проверяя каждую попадающуюся на пути дверную ручку. Наконец одна из створок поддалась.

Пригнувшись, Гик врезал по двери ногой; Бариш, выставив перед собой карабин, прикрывал талмуда. Ничего опасного: маленькая кладовка, в которой хранились принадлежности для уборки помещений. В одной из стен — глубокий лаз в полметра шириной. Гик с любопытством подошел к нему.

Бариш осторожно приблизился и заглянул внутрь. Отверстие наклонно шло вниз. Поразмыслив немного, Бариш решительно вытащил небольшой фонарик. Он осветил им в глубь тоннеля, но, насколько хватало света, ничего особенного обнаружить не удалось.

Возможно, ход ведет в какую-нибудь другую шахту, пришло в голову Баришу. Держа

карабин перед собой, он полез внутрь.

Небольшое растение-спутник в гидропонном контейнере у другого конца мусоропровода зарегистрировало появление дополнительной нагрузки на ленточном конвейере. Изданный им импульс был воспринят центральным компьютером как сигнал о том, что в мусоропровод опустили очередную порцию отходов, и Вегомат автоматически включил конвейер. Мусор полетел к ножам-измельчителям и прессу в кормовой части корабля.

Бариш попытался развернуться, но мусоропровод оказался слишком узким для этого. Ползти задом наперед не имело никакого смысла — транспортер в любом случае двигался намного быстрее. Пират попытался затормозить конвейер, изо всех сил вдавив ладони в стенки, но только содрал кожу.

Впереди уже были видны поблескивающие диски ножей быстро приближающегося измельчителя. В отчаянии Бариш начал беспорядочно палить в него из карабина.

Ствол винтовки коснулся ножей мельницы и выскочил из окровавленных рук несчастного. Машина попыталась перемолоть оружие, но безуспешно. Погнувшийся ствол заклинил ножи, и лента конвейера остановилась.

Бариш был готов уже заплакать от счастья. Но неожиданно раздался хруст, машина заработала вновь, и конвейерная лента опять поползла вперед. Ужасный крик Бариша растворился в плеске фонтаном брызнувшей крови.

Заслышав эхо предсмертного крика, Гик выпустил в темноту мусоропровода всю обойму, а затем выскочил в коридор, чтобы перезарядить карабин, но новый магазин выпал из его трясущихся рук. Когда талмуду удалось наконец справиться с этой несложной процедурой, дыхание стало более ровным.

Из трубочек, заменяющих талмудам волосы, потекла тягучая вязкая жидкость. Золотистая слизь пропитала плечи и скафандр. Гик встал, потрянул головой и двинулся вниз по коридору, проверяя все попадающиеся на пути двери. Из-под одной из них выбивалась полоска света. Гик осторожно нажал ручку, и дверь беззвучно отворилась.

Перед ним была раздевалка со множеством шкафчиков, несколькими вешалками и душевыми кабинками у противоположной стены. Гик поднял валявшееся полотенце и попробовал обтереть руки и карабин; полотенце немедленно пропиталось слизью. Бросив бесполезную тряпку, он зашел в одну из душевых. Выставив желаемую температуру и давление, пустил воду и встал под душ.

Копна мха в углу комнаты почувствовала присутствие живого существа. Видеокамера подтвердила, что это один из захватчиков. Растения в пруду стали выписывать ритмичные фигуры Лиссажу, компьютер зарегистрировал и идентифицировал появившуюся зыбь, после чего заблокировал вентили стока и запер замок кабинки. Прошло почти две минуты, прежде чем Гик обнаружил поднимающуюся воду — она уже доходила до колен. Тщетно попытавшись перекрыть краны, он попробовал выломать дверь или разбить прозрачный материал стенок и снова потерпел неудачу. Температура воды поднялась. Гика охватила паника, с головы полилась маслянистая янтарная жидкость. Он хотел закричать, но поднимающаяся вода поглотила все звуки.

Хаан и Ирбетта были слишком прагматичны, чтобы беспокоиться о каких-то замках. Кованый сапог справится с любой дверью, только пользы в этом никакой: вокруг лишь пассажирские кубрики — в них ехали на передовую офицеры Флота во время последней войны. Уже год, как война закончилась, и кубрики пустовали.

Но когда два гектона завернули за угол, их взорам открылось сказочное сокровище. Серебряный контейнер на стене был до краев заполнен зеленой массой великолепной сочной мяты — самого сильного наркотика, какой только знали гектоны. На их родной планете такого количества мяты хватило бы, чтобы обеспечить безбедную жизнь всех потомков на пять-шесть поколений вперед. А уж им-то двоим до самой смерти не придется беспокоиться о куске хлеба!

Швырнув карабины на пол, они бросились пригоршнями вырывать мяту и набивать ею

свои вещмешки, периодически отправляя в рот и с сумасшедшей скоростью разжевывая целые пучки. Вскоре наркотик подействовал, и лихорадочная активность спала. Блаженно улыбающиеся гектоны нетвердой походкой направились к ближайшей двери. Ирбетта начал зачем-то срывать с себя одежду, а Хаан толкнул дверь — и она распахнулась.

...Этот шлюзовой люк не использовался с тех самых пор, как опустели пассажирские кубрики, однако на сей раз компьютер по совету буйной растительности пруда решил сделать исключение и отключил блокировки системы безопасности. Хаана и Ирбетту вместе с их бесценным трофеем поглотил бездонный космос.

Прошло уже сорок минут, а последняя группа пиратов продвинулась едва ли на сто метров по коридору. Главарь уже кипел от злости, его глаз горел, как уголек адской жаровни.

— Проклятие! — рычал Эллис. — Да что ж это такое! Так не должно быть. Это же не первый наш рейд... сколько их было: пятнадцать? двадцать? И разве хоть раз встречалось такое? Нет. И я знаю, почему. Потому что это не корабль, а ловушка. Пошли, надо сматываться.

Они подошли к люку в первой переборке, и Эллис уже успел нырнуть в него, как идущие вслед за ним пираты почувствовали электрический разряд.

Сначала они ощутили лишь слабое покалывание, но сила тока быстро нарастала, покалывание мгновенно стало страшной болью. Пираты закричали, не в силах тронуться с места. Ток рос, и его жертвы начали медленно обугливаться прямо под остекленевшим взглядом Эллиса. Главарь почувствовал приступ рвоты, но никак не мог отвести взгляд от почерневших трупов. Затем Эллис отшвырнул оружие и кинулся к «рогатке», но, едва выскочив на ангарную палубу, бросился на пол и отполз за ближайшее укрытие. Над неподвижным телом пилота-халианина стояли двое. Обугленный хвост хорька колом торчал вверх...

Тэлли коснулся трупа кончиком клинка.

— Ну-ка Расскажи мне еще раз, что случилось, — недоверчиво произнес он.

— Дело было так, — начал Хантли. — Я пробирался вдоль стены ангара — хотел проникнуть в их капсулу, как вдруг выскакивает эта кошка драная, садится перед самым носом и начинает опорожняться. — Хантли с трудом сдерживал смех. — Вдруг неизвестно откуда вспышка, треск — и тут же запахло паленой кошатиной. Наверное, закоротил что-нибудь.

Тэлли задумчиво кивнул:

— Да, наверное. Ну да ладно. Тащи буксир, надо попробовать развернуть это корыто.

Эллис тихо приподнялся и скользнул в люк. Оказавшись на противоположной стороне, он бросился к лифтам. Теперь путь его лежал в грузовой трюм.

Судя по индикатору, кабина лифта находилась на уровне четырнадцатой грузовой палубы. Эллиса вела смутная догадка, и, когда пришел лифт, он приказал кабине спуститься на четырнадцать уровней вниз. По пути Эллис вытащил из голенища широкий нож, который всегда носил с собой. Кабина остановилась, пират затаился в углу с ножом наготове.

За дверью открывался пустой коридор грузового трюма. Если здесь кто-то и был, спрятаться он мог где угодно. Надо найти самые надежные укрытия — такие, где агент Синдиката мог спокойно пересидеть налет и дожждаться прибытия на место. Эллис спросил себя, куда бы он сам забрался в минуту опасности.

Пират осторожно двинулся по узкому проходу между штабелями аккуратно уложенного груза. Дважды он чутко замирал, но в трюме царила абсолютная тишина.

Пройдя еще немного, он неожиданно обнаружил под ногами что-то скользкое. Небольшие лужицы гидропонного раствора прерывистой линией пересекали коридор. Следы вели от корзины с фиалками, висевшей на переборке. Эллис запустил руку в корзину — в самом деле мокро. Пират развернулся и пошел по следам.

Наткнувшись на груз походных армейских туалетов, Эллис моментально оценил надежность такого укрытия. Здесь след терялся. Остановившись прямо перед убежищем Пурвис, пират с минуту раздумывал, затем приблизился и тихонько постучал. Он даже не

услышал, а скорее понял, что внутри кто-то есть.

— Можно выходить, — медовым голосом прошептал он. — Все уже позади.

Пурвис никак не могла решиться и продолжала сидеть затаив дыхание.

— Давай, выходи, — вновь позвал сладкий голос. — Все уже в порядке.

Пурвис сделала легкий выдох. Голос явно не принадлежал ни капитану, ни оставшимся на корабле членам экипажа. Значит, это кто-то с рейдера. А судя по доброжелательному тону, он из Синдиката. В любом случае этот человек уже обнаружил ее, и если бы он решил взломать каabinку силой, преимущество было бы явно не на ее стороне. Отведя за спину руку с крепко сжатым скальпелем, Пурвис щелкнула замком.

Дверь немного приоткрылась. В щели показалось настороженное женское лицо.

— Тише! Не открывай! Сюда идут...

Пурвис инстинктивно распахнула дверь перед сообщником.

— Заходи, быстрее!..

Повторного приглашения Эллису не потребовалось. Не успела Пурвис и моргнуть, как пират вскочил в каabinку, одной рукой зажал женщине рот, а другой с размаху всадил нож ей в живот.

С широко раскрытыми от изумления глазами доктор Эдна Пурвис рухнула на пол. Кулаки сжались в предсмертной судороге, потом ладони безвольно обмякли, растерзанный букетик фиалок застыл между пальцами. Скрытый телевизионный монитор сфокусировался на мертвых цветах.

Эллис захлопнул дверь. Глядя на безжизненное тело Пурвис и размышляя над своими дальнейшими действиями, он не услышал комариного зуда двигателей портального крана, остановившегося прямо над каabinкой.

Два гидравлических манипулятора, управляемые центральным компьютером корабля, бесшумно опустились вниз, подняли каabinку полевого туалета и повезли к противоположному борту. Эллис почувствовал, что убежище неожиданно пришло в движение, и налег на дверь, но она была крепко сжата пальцами подъемного устройства.

Наконец галъюн завис в точно рассчитанной позиции — в пяти метрах от ствола автоматического плазмомета Гатлинга (APR). Плазмомет остался в трюме как напоминание о днях халианской войны, когда скорострельные орудия устанавливали в трюмах транспортов как последнее средство защиты. Сейчас створки в наружном корпусе позади каabinки раскрылись, запертый в ловушке Эллис почувствовал, как стремительно падает давление.

В этот миг плазмомет открыл огонь.

Звук его стрельбы в разреженной атмосфере напоминал треск рвущейся парусины. Трехсекундная очередь измелчила в порошок отхожее место со всем содержимым. Наконец-то удача улыбнулась Эллису: первый же заряд как дар свыше прошел сквозь его череп — всего в нескольких сантиметрах от давно потерянного глаза. Осознать везение он уже не успел.

В это время на ангарной палубе Хантли пытался развернуть капсулу «рогатки» носовой частью к воротам ангара.

— Отлично, — сказал Тэлли. — Теперь ступай на мостик и открой ворота. А я посмотрю, как эта штуковина летает.

Хантли удалился быстрыми шагами, и вскоре створки ворот распахнулись. С капитанского мостика старший помощник увидел, как включились двигатели ориентации капсулы и «рогатка» с Тэлли в кабине благополучно вылетела из дверей.

Пилот синдикатовского рейдера наблюдал, как капсула приблизилась и не без труда влетела в посадочный ангар, а мгновением позже послышался глухой удар — капсула врезалась в заднюю стенку ангара. Пилот занялся обычными предполетными проверками и не обратил внимания на человека, приблизившегося к нему сзади... пока не почувствовал на шее холодную сталь клинка.

Он скосил глаза, но властный голос удержал его от опрометчивых поступков:

— Не вздумай валять дурака! Загони-ка лучше рейдер в мой грузовик. И постарайся, —

добавил Тэлли, — сделать это как можно аккуратнее.

Когда двери закрылись и палуба наполнилась воздухом, Хантли приветствовал капитана у люка захваченного рейдера. Пленный пилот выбрался первым и замер, дожидаясь появления Тэлли. Тот не заставил себя ждать.

Как только его подошвы коснулись палубы, капитан приказал пилоту лечь лицом вниз и крепко связал его руки нейлоновым тросом. Затем вновь поставил на ноги и подвел к Хантли.

— Запри-ка этого в одной из кают. Хочу пообщаться с ним до того, как его заграбастает разведка.

Часом позже Тэлли обнаружил останки большинства пиратов. Теперь мнение капитана о Вегомате и его странной системе управления в корне переменялось.

Внизу, на камбузе, Тельма Рюэль наливала лейтенанту Берманн кофе, когда капитан Тэлли приблизился к дверям, ведущим во владения великанши. Створки легко распахнулись перед ним, и заботливо выстроенный Тельмой капкан сработал. Она попыталась предупредить своего давнего друга, но не успела. И несколько центнеров оттаявшей брюссельской капусты и сырых яиц устремились на беспечную жертву.

Тэлли рухнул как подкошенный, проскользил по хорошо намаасленному полу камбуза и остановился у самых ног «каторжницы». Все произошло, как в тумане, и капитан провалился в смутный сон из своего кадетского прошлого.

В сознание он не приходил почти целый день, и когда открыл глаза, то первым делом увидел «каторжницу», держащую в руке ложку супа. Там плавало что-то зеленое и белое.

— Съешьте, — подбодрила его Тельма. — Овощи вам полезны.

И капитан не нашелся что возразить.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья XII

Если лицо, не подпадающее под действие данного Акта, но находящееся на борту корабля, пытается подстрекать к нарушению воинского долга лицо, подпадающее под действие данного Акта, — то вследствие своего преступления оно считается лицом, подпадающим под действие данного Акта, и карается смертью либо несет одно из наказаний, предусмотренных ниже.

Статья VIII

Всякое лицо, подпадающее под действие данного Акта, в случае, если вступит в несанкционированный контакт с представителями вражеской стороны, не преследуя при этом каких-либо изменнических целей, карается увольнением со службы с лишением всех званий и почестей либо несет одно из наказаний, предусмотренных ниже.

Несколько месяцев адмирал Дуэйн по прозвищу Динамит с ужасом ждал этого момента. И вот началось. Один из разведчиков передал по тахионной линии связи: вражеский флот в полном составе совершил пространственный скачок и теперь всего в сутках крейсерского полета от системы Халия — Цель.

Депеша поставила Дуэйна перед необходимостью принимать решение.

Адмирал смотрел в темный провал экрана. Халия и Цель были на нем крохотными точками. Между ними — два-три дюйма пустого пространства. Лишь две планеты на многие сотни световых лет вокруг. Одна из них — объект атаки Синдиката. Но они расположены так близко друг от друга, что невозможно определить, какая... Вплоть до того момента, как неприятельские корабли выскочат из четвертого измерения.

Обе планеты образовывали важнейший плацдарм для наступления Альянса внутрь

территории Семейств. На планете Цель располагался второй по величине космопорт Флота. Ремонтные доки порта способны были принять сотню судов одновременно, а сооружения для перегонки и хранения топлива мощностью превосходили аналогичные на Регуле — 4. Командование Синдиката, конечно, не могло не знать этого.

От Цели до Халии было шесть часов полетного времени. Население Халии составляло полмиллиарда хорьков, бывших союзников Синдиката, теперь же преданных друзей Альянса. (Впрочем, у Дуэйна было свое особое мнение по поводу халиан, несколько расходящееся с мнением высшего командного состава). На Халии находилось десять заводов-автоматов по производству смертоносного малогабаритного оружия. Богатейшие природные ресурсы и многочисленные рабочие руки Халии делали ее не менее ценным объектом, чем малонаселенная Цель...

Космическая битва подчас напоминает игру в кости. Победа в ней приходит к тому, кто сумеет выбросить больше очков. По данным разведки, флот Синдиката был не малочисленной сил Альянса. (Информация, стоившая преждевременно посевшему генералу множества бессонных ночей). Разделить Флот и надежно защитить обе планеты было попросту невозможно. Из-за малого расстояния между Халией и Целью нельзя и определить, куда направлено острие атаки противника. Слишком, слишком близко — но и слишком далеко, чтобы корабли успели быстро передислоцироваться. Шесть часов полетного времени! Редкая космическая битва длится больше двух часов.

У адмирала оставалось чуть менее полусуток, чтобы принять решение. И почти никакой информации, чтобы сделать это правильно. Оставалось угадывать. Угадаешь верно — будет битва и победа. Ошибешься — и к тому времени, как подспеют твои корабли, от планеты останутся лишь тлеющие угольки.

Вглядываясь в бездонную глубину экрана, Дуэйн молил небеса о чуде. Мучительно хотелось верить, что Бог видит его, что он сжалится и прямо на экране, как на стене Вавилонской во время Валтасарова пира, напишет необходимые магические слова. Адмиралу даже почудилось, будто он видит эти слова, но они ему не помогли. Мелькнуло что-то вроде: «Мене, о люди, защищайте планету Цель, а может, и Халию!»⁴ Оба варианта казались правильными и одновременно губительно неверными. Дуэйн горел желанием действовать и никак не мог решиться сделать первый шаг...

Три часа спустя, когда адмирал по-прежнему взирал на экран, ответ был получен. Но даровал его отнюдь не ангел Божий...

Дженни Вуртс. БЕЗ ПОЩАДЫ

Мощный лазерный луч пробил защитное поле «Килдэйра». Двигатели быстрой ориентации мгновенно смело взрывом. Раскаленные газы резко отбросили корабль в сторону, а поврежденная система стабилизации не смогла смягчить рывок.

Капитана третьего ранга Дженсена швырнуло боком на пульт связи. Морщась от пронизывающей боли в сломанных ребрах и визгливых проклятий рулевого, командир «Килдэйра» поборол приступ головокружения и постарался принять позу, которая больше соответствовала бы его званию и должности.

— Повреждения? — просипел Дженсен, осознавая, что нормально дышать сможет теперь не скоро.

Молодой лейтенант, надежно пристегнутый к креслу по ту сторону горы беспорядочно разбросанной электронной аппаратуры, несколько оправился от потрясения и доложил:

— Кормовые двигатели ориентации по левой стороне полностью разрушены. Сенсор экрана заднего вида выжжен начисто. Корпус вроде бы цел, но наверняка это будет ясно

⁴ Надпись, возникшая на стене во время Валтасарова пира, гласила: «Мене, мене, текел, упарсин», где «мене» означает «исчислил Бог царство твое и положил конец ему» (Дан. 5, 18–28).

только после доклада бортинженера.

Так вот почему кружится голова. Дело не в боли, а в невесомости. «Килдэйр» после взрыва стал кувыркаться, четвертая часть системы ориентации испарилась, и судно попросту не может войти в режим полноценной искусственной гравитации. Почти потерявший собственную ориентировку в пространстве, Дженсен оттолкнулся от какого-то выступа на палубе и сумел-таки попасть в командирское кресло.

— Выяснить, насколько стабильно состояние корпуса, — выдавил Дженсен. Бросив строгий взгляд на другой пост V-образного капитанского мостика, где вахтенный пилот все еще продолжал браниться, он добавил: — Надо скорее... взять эту калошу... под контроль.

Рулевой, сынок какого-то адмирала, был далеко не столь блестящ, как многочисленные нашивки на рукавах его комбинезона. Если бы квалификацию давали за умение работать языком — другое дело. Руки же у него были медленны и неуклюжи. А сейчас вдобавок они еще и дрожали.

Как только пальцы пилота коснулись пульта управления, корабль начал резкое вращение. Это было настолько же мучительно для израненного тела Дженсена, насколько ненужно для стабилизации корабля. Предыдущий пилот с виду был отъявленным сукиным сыном, однако то был летун милостью Божьей. А этот... «Килдэйр» извернулся, завалился на один борт, задрожал — и наконец принял некое подобие стабильного положения.

К этому моменту молодой лейтенант настолько пришел в себя, что смог задать риторический вопрос:

— Черт подери, капитан, а кто это мог здесь в нас пальнуть?

Дженсену некогда было отвечать — он слушал доклад связистки Беккет, одного из наиболее компетентных офицеров на судне. Беккет была женщиной средних лет, потрепанной жизнью и начисто лишенной инстинкта материнства. Внешность ее оставляла желать много лучшего: залезанные волосы цвета сырого песка, густые брови и лошадиные передние зубы. Но вместо того, чтобы сокрушаться, Беккет яростно набрасывалась на любую работу. Вот и сейчас она уже успела собрать полную информацию о состоянии инженерных систем корабля.

— Орудия и расчет в порядке, сэр; бортинженер говорит, что и рулевая система, по-видимому, цела. Дак проверяет стабилизатор перегрузки, но говорит, что тот вряд ли потянет.

Из всего услышанного Дженсен заключил, что лазер поцарапал их ощутимо, ну а если мощность луча пробилла защиту «Килдэйра», значит, судно, с которого стреляли, было немаленьким. Хорошо хоть уцелела система главного привода, подумал капитан Дженсен. Скользя глазами по серым плитам пола, капитан вперил воспаленный взгляд в сопляка-лейтенанта. Лейтенант с подчеркнуто серьезным видом вглядывался в показания своего пульта — этакий пухленький отличник с веснушками на лице и розовыми ушами, торчащими между непослушных прядей платиновых волос. Почувствовав взгляд командира, лейтенант вздрогнул, поднял глаза и стал рассматривать обломки двигателей, плывущие на главном экране.

— Я, кажется, просил вас уточнить, насколько стабильно состояние корпуса! — рявкнул Дженсен, и лицо его исказилось гримасой — не только от боли.

Боже мой, чем он командует — яхтой, игрушкой какого-то богача, наскоро переделанной для нужд Флота перед лицом вражеской угрозы! Вооружение годится для легкого разведчика и не способно отразить серьезное нападение. А КЕМ ему приходится командовать — кучкой неумех и новобранцев! Неудивительно, что адмирал Дуэйн усрал их подальше от возможных районов боевых действий. Кому же взбрело в голову стрелять по «Килдэйру»? Ведь корабль был всего лишь наблюдателем, его направили сюда на всякий случай — вдруг битва в секторе Халии на самом деле окажется отвлекающим маневром противника...

— Беккет, — спохватился Дженсен. — Просканируйте — кто они такие?

Офицер связи кивнула своей лошадиной головой. Некрасивое лицо стало просто

пугающим, когда на нем заиграли отсветы индикаторов. Обычную операцию было сейчас не так просто выполнить — из-за сожженных кормовых сенсоров система идентификации наполовину ослепла.

На капитанском мостике «Мэрители» — мощной пиратской шхуны, казавшейся с виду потрепанным торговым кораблем, — стоял бородатый человек с грубо-выразительными чертами лица. Он лениво обернулся к помощнику, колдовавшему над одним из пультов, и осведомился:

— Ну что, нашли они нас наконец?

Старший помощник Гибсен, худощавый и элегантный, как старинная рапира, приподнял бровь и пробежал пальцами по клавишам окружавших его приборов.

— Нет, мой капитан, — усмехнулся он. — У них за пультом управления «чайник», молодой и сопливый.

Макензи не ответил. Только уголок рта приподнялся, и на лице седеющего тридцатипятилетнего капитана появилась кривая, едкая усмешка. Покрытая шрамами ладонь перестала скрести заросли волос под расстегнутым воротом комбинезона. Хрипловатым басом Макензи распорядился:

— Хватит кокетничать. Покажись-ка им.

«Отхватить флотовскому кораблю кусок задницы — ничего себе кокетство!» — подумал Гибсен, скользнув пальцами по глянцевой панели управления, и «Мэрители», качнувшись, плавно изменила позицию.

Только что экран слежения был пуст. Но в следующую секунду все его пространство занял корабль.

Беккет вскочила с кресла и, отшатнувшись от экрана, хрипло завизжала:

— Провалиться бы тебе к дьявольской матери! Капитан, нас долбанул в корму **ТОРГОВЫЙ** корабль!

— Что?! — Дженсен рванулся, чтобы встать, и тут же со стоном опустился в кресло. Вопль боли еще долго отражался эхом от переборок... Вдруг капитан похолодел: существовало лишь одно «торговое» судно, которое можно встретить неподалеку от места крупного сражения, — «Мэрители» под командой пиратского капитана Макензи Джеймса.

— Определить регистрационный номер! — приказал Дженсен. — Если нет номера, сканируйте по внешним признакам.

Когда овладевшая собой Беккет выдала на экран требуемую информацию, Дженсен произнес лишь одно слово: «Мэрители». Команда еще никогда не слышала такой ненависти в голосе капитана...

Меж тем беседа на тускло освещенном капитанском мостике «Мэрители» продолжалась.

— Мак, — сказал старпом Гибсен, злобно сощутив карие глазки, — по-моему, они не собираются вести себя как паиньки. Их левая оружейная башня разворачивается в нашу сторону.

— Не люблю, когда меня разглядывают в упор, — процедил Джеймс. — Подбрось-ка им какой-нибудь маневрик — пусть погоняются.

Тонкие губы Гибсена растянулись в довольной улыбке, на оскаленных зубах сверкнул красный отсвет сигнальных лампочек пульта:

— Хочешь поводить их за нос? О'кей!

Мгновение — и ловкие пальцы старшего помощника набрали на панели управления сложнейшую программу. Если бы это видел пилот «Килдэйра», он наверняка счел бы Гибсена колдуном, если не самим дьяволом.

Беккет решительно стояла на своем: «Мэрители» — большой старый грузовик! Доказательства звучали убедительно, но последнее из них застряло у нее в горле, когда «Мэрители» на экране совершила такой маневр, от которого, согласно данным сканера, эта груда металлолома должна была развалиться на части. Водворив на место отвисшую челюсть, Беккет заявила:

— Это обломки. Мы наблюдаем на экране полет обломков.

Дженсен с удовольствием прожег бы связистку яростным взглядом, он хотел круто повернуться, но сломанные ребра опять помешали. Боль волной прошла по телу. В результате тон приказа получился неожиданно спокойным.

— Садимся им на хвост, — скомандовал он пилоту. — И подзаряжаем двигатель. Если они вздумают выскочить в четвертое измерение, пойдем следом. Пусть сожжем систему, но не отстанем.

— На кой черт они нам сдались, капитан?! — снова вмешалась Беккет. — У нас свое задание, мы держим позицию и не можем ее оставить.

Дженсен не выдержал. Резким движением ноги он развернул кресло и с леденящим душу спокойствием осведомился:

— Намерены обсуждать приказ командира?

Его лицо побелело от гнева и в этот момент напоминало гипсовую маску — ничего живого, кроме буравящего взгляда в упор.

Скуластая физиономия Беккет налилась кровью:

— Я намерена обсудить необдуманное решение.

Несмотря на волнение, связистка не забыла нажать на переключатель, чтобы ее слова оказались занесенными в регистрационный журнал судна.

Пухленький лейтенантик внимательно наблюдал за стычкой.

«Если дело дойдет до трибунала, этот любознательный щенок может и напакостить», — мелькнуло в голове у Дженсена.

— Выполняйте приказ, Сарычев, — рявкнул он. — Преследуем «Мэрیتی».

Через несколько секунд судно Макензи Джеймса вошло в четвертое измерение. «Килдэйр» последовал за ним.

— Ключули, — удовлетворенно констатировал Гибсен, когда миновали неизбежные сбои в восприятии пространства-времени и непроглядная тьма антиизмерения залегла на всех экранах корабля.

— Твой капитан сглотнул наживку.

Макензи Джеймс выслушал эту информацию со своим обычным непроницаемым видом. Но потом откинулся на спинку кресла и осклабился с видом пресыщенного хищника.

Он с удовольствием хрустнул изуродованными пальцами и проговорил:

— А ты ожидал другого? После того, что мы устроили ему на станции Калис?..

Гибсен также устало отвалился на спинку кресла и задумчиво опустил веки с длинными изогнутыми ресницами. Он не стал высказывать вслух своей мысли: чем больше дразнишь человека, одержимого навязчивой идеей, тем опаснее он становится. Ясно и так: ненависть Дженсена к Макензи Джеймсу граничила уже с безумием.

Офицер связи Беккет ударила себя по колену увесистым кулаком и мрачно пробасила:

— Вы психически нездоровый человек и представляете опасность для всей команды.

Дженсен выслушал тираду не моргнув глазом и как можно более внятно произнес:

— Еще одна попытка рассуждать подобным образом — и вы разжалованы.

Спокойствие Дженсена делало его неуязвимым. Беккет оглянулась на двух других офицеров, притихших за своими консолями, и принялась набирать поправки на пульте... Секунду спустя мелодичный звон возвестил о выходе из четвертого измерения.

— Скачок прерван, — пробормотал пилот.

Все присутствующие склонились над своими пультами.

Через несколько секунд бортинженер сообщил о перебоях в питании главной трансмиссии.

— Утечка топлива. Отчего — определить невозможно. Но о следующем пространственном скачке и речи быть не может.

Даже Дженсен не удержался и издал шумный вздох. И тут же Беккет сообщила новость похуже: увлекшись погоней за «Мэрیتی», они очутились перед наступающей армадой.

— Чьи корабли? — осипшим голосом спросил Дженсен.

Лейтенант быстро провел опознавательную операцию и с неожиданной твердостью

доложил:

— Синдикат, сэр. Проекции курсовых векторов направлены в сторону Халии...

Он набрал в легкие воздуха, чтобы сообщить данные о составе флота и количестве кораблей, но Дженсен перебил:

— Где «Мэрити»?

— Сэр? — На этот раз голос лейтенанта дрогнул. Он был еще слишком молод и неопытен, чтобы вступать в дискуссии со старшими по званию. — Н-но ведь мы должны срочно сообщить Командованию Флота. Защита Халии важнее одного пиратского судна, не так ли?

— Присутствие здесь Мак Джеймса ясно говорит о его связи с неприятелем, — терпеливо разъяснил Дженсен. — Быстро найдите мне «Мэрити»! Забыли об утечке топлива? Это значит, что мы беззащитны и пираты могут взять нас голыми руками. ВОТ ЧТО СЕЙЧАС ВАЖНЕЕ ВСЕГО!

Беккет со злостью ткнула пальцами в свой пульт. Экран замигал, и на нем возникло непомерно увеличенное изображение потертого ржавого борта с едва различимым номером. Цифры, обозначающие дату схода судна со стапелей, давно стерлись.

— Она у нас под боком, — с издевкой прокомментировала Беккет. — Как раз там, где у нас ни одной пушки. И двигатели ориентации накрылись, так что не развернешься. Думаете, не повезло? Нет, просто их капитан не дурак. Это ловушка, и мы в нее аккуратно угодили.

Она не умолчала и о том, что и так было очевидно — «Килдэйр» уже давно находился в пределах действия пеленгаторов наступающих кораблей Синдиката. И хотя судно было плодом поспешной конверсии, его вооружение лучше всяких документов выдавало принадлежность к Флоту. Через несколько минут, а возможно, и секунд по «Килдэйру» и семерке пилотирующих его астронавтов начнут палить.

Но не успели они осмыслить эту перспективу, как включилась закодированная линия связи, и в динамиках загредел голос, от которого по телу Дженсена пробежали мурашки:

— Капитан, вот что я скажу. Если ты и твоя команда хотите остаться в живых, у вас есть только один вариант...

Этот хриплый тембр Дженсен узнал бы среди сотен других — он принадлежал Макензи Джеймсу.

— ...И я вам настоятельно рекомендую сдать корабль немедленно и без дополнительных условий.

На скулах Дженсена заиграли желваки. Ему показалось, что время остановилось. Капитанская рубка и все находящиеся в ней предстали перед ним, словно на снимке искусного фотографа: серые стены, пробегающие по ним разноцветные всполохи, диковинная игра света и тени на окаменевших лицах команды. Каждое лицо хранило свое выражение: на физиономии пилота застыло удивление, Беккет презрительно поджала губы и выпятила свою лошадиную челюсть еще дальше вперед; однако зеленый лейтенант был Дженсену омерзительнее всех — в его глазах затаился неудержимый страх, мольба и безграничная вера в способность командира сотворить чудо.

Боль от сломанных ребер снова прокатилась по всему телу Дженсена, перемешавшись с животной ненавистью, от которой сворачивало кишки... Он облизнул побелевшие губы.

— Не слышу ответа, — сказал Макензи Джеймс. — Надо бы поторопиться с решением, парень.

— Черт... тебя... раздери... — процедил Дженсен. Но прежде он отключил канал связи, и Мак Джеймс не слышал его слов.

Беккет молчала. Лейтенант был близок к панике: его святое чувство обожания командира рушилось на глазах. Только пилот нашел в себе силы заговорить:

— Мне кажется, пират блефует. У него ведь тоже никакой защиты, а синдикатовский флот — вот он, рядом.

«Это даже не наивно, а просто глупо», — со злостью подумал Дженсен. Макензи никогда не прятался по углам. И если он здесь, значит, продал секреты Флота Синдикату.

Его «Мэрیتی» явно не собирались трогать. К тому же пират занят полезным делом — захватывает скоростное судно неприятеля. Сгорая от жажды мести, Дженсен принял единственно возможное решение:

— Я готов сдать судно «Килдэйр» и всю его команду капитану «Мэрیتی». Без дополнительных условий.

Муки унижения не помешали Дженсену услышать сдавленные всхлипывания лейтенанта и почувствовать на себе испепеляюще-презрительный взгляд офицера связи Беккет.

Когда дело доходило до демонтажа систем управления, руки Гибсена обретали прямо-таки обезьянью ловкость. Его тонкие ловкие пальцы запросто доставали до самых укромных штекерных гнезд, и процедура, вызывавшая у любого другого техника поток проклятий, не доставляла ему никаких хлопот.

Гибсен посвистывал, целиком погруженный в свои мысли.

Этот звук приводил Дженсена в бешенство. Но был и другой звук, который просто сводил его с ума. Звук спокойного, задумчивого голоса Мак Джеймса, Тот стоял над коммуникационным пультом и отдавал корректирующие команды.

Для бывшего капитана «Килдэйра» не имело значения, что несколько секунд назад пират по собственной воле послал коммуникационную торпеду с вестью о наступлении Синдиката на Халию. Не имело значения и то, что адмирал Дуэйн вовремя получит торпеду, защищенную личным кодом Дженсена, и успеет правильно расположить силы Флота и спасти Халию.

Его мысли были сосредоточены на другом.

Макензи — преступник. Значит, он послал торпеду, исходя из своих шкурнических побуждений. Просто ему нужно сохранить Халию со всеми этими продажными хорьками, иначе пострадает его бизнес — контрабанда оружия. Незаконная торговля оружием занимала почетное третье место в списке преступлений Макензи — после выдачи государственных и военных секретов.

Дженсен с ненавистью смотрел на макушку врага, выступающую над громоздким контрольным экраном. Кроме этого взгляда, ничто не выдавало состояния бывшего капитана. Крепко привязанный к собственному креслу, Дженсен словно окаменел. Он больше не слышал озлобленных стонов стянутой веревками Беккет, которая лежала в углу рядом с лейтенантом и пилотом. Дженсен затаился, словно змея перед броском.

Гибсен тихо осведомился о чем-то у своего командира.

— Дальше — орудийные башни, — ответил Мак Джеймс. — Еще нам понадобятся регулятор двигателя и куб памяти. Но систему жизнеобеспечения не трогай.

Черная с проседью шевелюра исчезла за экраном. Мак-Джеймс переключил пульт на другую линию связи. Громкие переговоры пилотов корабля Синдиката заглушили остальные распоряжения Макензи. Дженсен оскалился и заскрипел зубами. Гибсен выглянул из-за аппаратуры и осведомил о чем-то на неизвестном Дженсену языке. Макензи Джеймс ответил на том же тарабарском наречии и от души расхохотался.

В наступившей затем тишине Гибсен и пиратский капитан продолжали уверенно и бесстрастно потрошить аппаратуру «Килдэйра». Какие муки терпел в этот момент Дженсен! Гораздо страшнее пронизывающей боли в ребрах было унижение. Он сидел в своем кресле, изувеченный, беспомощный, связанный по рукам и ногам, и не мог даже шевельнуться, чтобы повернуть кресло в другую сторону. Кто-то оставил включенным большой экран, и Дженсену ничего не оставалось, как наблюдать за неприятельскими дредноутами, молчаливо и величественно, как на параде, проплывающими мимо «Килдэйра», в сторону Халии. Некоторые из этих тяжеленных чудищ мигали габаритными огнями, приветствуя «Мэрیتی».

Почерневший от злобы Дженсен отчаянно рванулся. Ремешки впились ему в запястья, едва не перерезав вены. В его мозгу, один за другим, рождались все более изощренные способы убить проклятого Макензи Джеймса.

Наконец шествие неприятельских судов завершилось, и экран вновь заполнила чернота

космоса. Прошло несколько часов. Конечности Дженсена занемели, мочевой пузырь готов был разорваться. Ломило плечи, резало запястья, а слух давно перестал реагировать на грохот и шипение из трюмной части «Килдэйра», откуда пираты переправляли награбленное добро на борт «Мэрیتی». Дженсен слышал только один звук: несоразмерно легкие шаги Мак Джеймса.

Шаги приближались. У входа на капитанский, мостик пират остановился и крикнул помощнику и пилоту:

— Возвращайтесь на «Мэрیتی» и начинайте зарядку двигателей. Я думаю, синдики как раз сейчас подходят к Халии. К тому моменту, как они обнаружат, какой теплый прием приготовил им адмирал Дуэйн, я хотел бы находиться подальше от этой системы.

Гибсен ответил что-то саркастически-веселое и побежал вниз.

Макензи размеренным шагом обогнул переборку и подошел к Дженсену. Остановившись напротив, пират впери в пленного бесстрастно-внимательный взгляд сытого зверя. Впервые за много часов его руки спокойно висели вдоль тела. Выгоревший потертый комбинезон плотно обтягивал плечи; манжеты были расстегнуты и подвернуты на жилистых запястьях... Дженсен был единственным из команды «Килдэйра», кому не заткнули рот кляпом, но он не решился заговорить первым.

— Вот что, парень, — проговорил Мак Джеймс. — Я отправил Дуэйну сигнальную торпеду под твоим кодом. Твои командиры могут простить сдачу судна, если у тебя хватит выдержки и фантазии составить для них правдивый рассказ.

Дженсен, не отрываясь, смотрел на ненавистного капитана. Сейчас его не волновала даже собственная карьера — об этом можно будет подумать позже. Только один вопрос пылал у него в мозгу:

— Почему ты послал эту торпеду? Ведь ты не из тех, кто делает такие одолжения по доброте душевной.

— А что, по-твоему, кто-нибудь еще мог отправить торпеду при полном попустительстве синдикатовских кораблей?

Ответ не удовлетворил Дженсена, но он промолчал. Мак Джеймс, один за другим, с хрустом размял пальцы и позволил себе частичную откровенность:

— Мне не хотелось, чтобы Халию стерли в порошок.

— Иначе вся твоя контрабанда оружием полетела бы к чертям собачьим, да?! — яростно чеканя каждое слово, осведомился Дженсен.

Самый грозный пират на многие тысячи световых лет вокруг небрежно пожал плечами.

— У тебя редкое качество, парень. Мыслишь, как счетная машинка — логично и прямолинейно.

Дженсен понял, что дальнейших комплиментов ждать бесполезно. Неуловимый, неуязвимый и вызывающе самоуверенный Макензи Джеймс развернулся на каблуках и пружинистым шагом направился к выходу. Несколько секунд спустя все на том же проклятом экране появилась отчаливающая «Мэрیتی». Но пиратский капитан оставил еще несколько слов на прощание. Единственный коммуникационный канал зазвучал бесстрастным голосом Макензи Джеймса:

— У вас на борту нет двигателя, нет топлива, навигационной аппаратуры тоже нет. Но в кормовом отсеке мы оставили одну сигнальную торпеду. Гибсен не стал ее ломать, она вам пригодится, — через несколько часов битва в районе Халии поутихнет, отправьте торпеду и вас отсюда выудят... Да, кстати, ваш бортинженер — Дак, кажется? Он в спасательной капсуле. Инженер послал моего помощника куда подальше, Гибсен разозлился и запер его. Воздух в капсуле остался, но все-таки не держите там парня слишком долго...

Первым сумел освободиться от пут Кейл, один из стрелков. Долговязый, изможденный матрос в грязном, помятом комбинезоне ввалился в рубку и бросился резать ремни, притягивавшие Дженсена к креслу. После нескольких часов вынужденного молчания Кейл говорил без остановки:

— Не могу найти Дака. Дьяволов пират или увез его с собой, или убил, или еще что-

нибудь с ним сделал — в общем, инженера нигде нет. Господи, что они сделали с кораблем! Вы сами сейчас увидите — распотрошили полностью, ничего не осталось, клянусь. Только дырявый движок, но с него все равно никакого толку...

— Кейл, — остановил его Дженсен, едва ворочая языком — каждая его клетка, казалось, занемела от тугих пут и судорог ярости. — Потрудитесь замолчать и освободите своих товарищей.

Кейл поспешил исполнить приказание капитана. В первую очередь он избавил Беккет от кляпа. Что, с точки зрения Дженсена, было большой ошибкой — этой особе стоило бы заткнуть рот покрепче.

— Рассчитываете выйти сухим из воды, капитан? — ехидно осведомилась она, откашлявшись и смачно сплюнув густую слюну. — Не выйдет! Думаете получить повышение за эту торпеду? Да я лично позабочусь о том, чтобы вас отдали под трибунал. Вы сдали судно Флота вонючему пирату. Он его разграбил, вы и не пытались сопротивляться, а теперь, надеетесь еще и в герои выйти. Как бы не так!

Дженсен с подчеркнутым недоумением посмотрел на Беккет, проигнорировал многозначительные взгляды лейтенанта и стрелка и проговорил с бархатистым спокойствием:

— Займитесь исполнением своих обязанностей. Я пойду за Даком.

И капитан с достоинством направился к выходу. Стоило ему скрыться за переборкой — и подчиненные загудели, как растревоженный улей, но капитану некогда было подслушивать. Со всей прытью, какую позволяла травма, он бросился к лестнице, ведущей в трюмное отделение. Вот теперь все его мысли были о том, как спасти карьеру. Дженсен не ожидал, что проблема Беккет окажется столь серьезной. Чертова бесполоая сучка! Вот почему в свои годы она так и не дослужилась до приличного звания — наверняка каждый из предыдущих командиров ненавидел Беккет лютой ненавистью. А ей ведь наплевать — протокольная душонка!

Осыпая проклятиями связистку, Дженсен понимал, что она — только часть проблемы. Даже если остальные члены команды в один голос подтвердят липовые показания капитана, как быть с сопляком-лейтенантом и пилотом, у которого руки растут не из того места? О чем они уговорились между собой?

Возле отсека рулевого узла Дженсен едва не врезался во второго матроса из стрелкового подразделения.

— Роджер, команда собралась в рубке, на мостике, — сообщил капитан, стараясь не застонать, от боли. — Поднимитесь к ним и ждите моего возвращения.

— Есть, сэр! — кивнул Роджер. На его пороссячьей физиономии не отразилось ни интереса, ни удивления. Кейл часто говорил, что этот боров оживает только у себя в башенке, когда в поле зрения появляется какая-нибудь цель. Но сейчас его тупое лицо показалось Дженсену милее всех остальных.

Он прошел еще несколько шагов и свернул вправо по коридору, постепенно сужающемуся в тесную трубу. Осветительные панели были выключены, и постепенное погружение из серого полумрака в темноту было неприятно. «Килдэйр» переделывался слишком спешно, никаких эстетических излишеств — интерьер, как в море. Дженсен остановился, нащупав входную панель, и отстукал пальцами код. Панель с шипением отошла в сторону.

И Дженсен увидел сигнальную торпеду. Она лежала на пусковой тележке, мерцая дежурными огнями и желто-черной фосфорической раскраской. Макензи Джеймс не соврал.

Дженсен попытался сдвинуть торпеду с Места и, охнув, опустил ее. Подступился к капсуле другим, здоровым боком и понял, что попусту тратит время. Поломанные ребра властно требовали сохранять вертикальное положение.

Наконец ему удалось столкнуть торпеду. Осторожно дыша и с досадой ощущая, как на глаза наворачиваются слезы, Дженсен дюймовыми шажками двинулся обратно. Ему предстояло пересечь главный холл. И если кто-то из его команды вздумает отлучиться из

рубки — все пропало.

Коридор, как оказалось, был полностью освещен. Это усложнило положение еще больше. Дженсен медленно шел сквозь залитое светом пространство, чувствуя себя, словно под прицелом десятка лазерных пистолетов. Руки дрожали, ладони оставляли на полосатом корпусе торпеды влажные отпечатки. И все-таки он остался незамеченным. Последним отчаянным усилием Дженсен втолкнул тележку с торпедой в аварийный отсек и следом упал сам.

Замок спасательной капсулы отворился с сочным хрустом. Затхлый воздух с шипением вырвался наружу. Не в силах сдержать стон, Дженсен согнулся в три погибели и на коленях вполз внутрь. Ударом локтя включил подсветку и в дальнем углу капсулы увидел что-то, напоминающее бесформенную грудку старого тряпья. Дженсен прополз вперед. Сомнений не оставалось — это действительно был Дак, связанный, с заткнутым ртом, да еще свернутый ремнями в тугой шар. Инженера била мелкая дрожь, костяшки пальцев, торчащие из-под ремней, кровоточили, на колене, локте и прыщавой щеке зияли раны.

Когда связанный увидел капитана, его большие глаза от изумления едва не вылезли из орбит. Он пробурчал что-то — судя по всему, ругательство — и забился, тщетно слясь порвать путы. Помня, что вход в аварийный отсек не закрывается, Дженсен выразительно поднес палец к губам.

— Неприятель на борту, — прошептал он, склонившись к уху инженера и освобождая его от ремней. — Мы здорово влипли.

Дак встряхнул руками и презрительно покосился на капитана. Когда тот вынул кляп, инженер мрачно пробурчал:

— Нечего пудрить мозги.

Дженсен приоткрыл какой-то глубоко спрятанный клапан и часть ненависти к Макензи Джеймсу перелилась в его голос:

— Команда расстреляна. Без пощады.

Дак мгновенно заткнулся. Прележав под замком в капсуле, он, к счастью, понятия не имел, что происходило на самом деле. Бортинженер с ужасом взирал на Дженсена, а тот продолжал вдохновенно лгать:

— Они оставили только меня. Надеются выудить коды и секретную информацию... — Он сделал паузу и выразительно посмотрел на свои запястья и ладони, стесанные грубыми ремнями. — Я кое-что рассказал им — только чтобы усыпить бдительность. Пираты решили, что я им не опасен, и связали слабовато. Вот я и выбрался.

Он испытующе посмотрел в глаза бортинженеру.

— Мы должны взорвать судно, — выдавил он, делая вид, будто не сразу решился доверить Даку свой план. — Вместе с пиратами. Иначе они используют мои коды против Флота и угонят «Килдэйр».

Юное лицо Дака приняло озабоченное выражение.

— Это очень опасно, — заметил инженер, и его пальцы задрожали сильнее. — Из-за пробоины состояние судна и так нестабильно. Если пропустить хотя бы слабый поток, дисбаланс станет критическим за несколько минут, а может, и секунд. Но... Если пойдет реакция, ее уже не остановишь. «Килдэйр» наверняка взорвется.

— Предпочитаешь умереть от рук пиратов?

Дак закусил губу и пожал плечами.

— Я предпочел бы остаться в живых, честно говоря. Но ведь выбора у нас нет...

Дженсен откинулся к стене. Он даже не сумел как следует скрыть овладевшего им облегчения.

— Я обязательно отмечу вас в своем докладе — за героизм, проявленное при исполнении долга.

— Моя мама будет рада, — с грустью проговорил Дак, — если, конечно, нам удастся выбраться отсюда живыми.

Дженсен кивнул. «Надо показать, как мне больно», — подумал он и скорчил ужасную

гримасу.

— Мне удалось привезти сюда сигнальную торпеду, — просипел он. — Когда ты запустишь двигатель, возвращайся. Выведем капсулу с выключенными двигателями. Если все будет нормально, нас отнесет достаточно далеко, и пираты не заметят. А потом запустим торпеду с сигналом «SOS».

В самый решающий момент по детскому личику Дака вновь пробежала тень нерешительности.

— Боюсь выходить, — признался он. — Их чертов старпом дерется, как сволочь.

Сдержав тяжкий вздох, Дженсен резко изменил тон:

— Я надеюсь, мне не надо напоминать вам о необходимости оставаться незамеченным?

— Не сомневайтесь, я буду осторожен, — сухо сказал Дак. Стиснув зубы и пригнувшись, он выскользнул из капсулы.

Подождав, когда инженер отойдет подальше. Дженсен быстро стал набирать на панели управления стартовую программу. Макензи Джеймс оставил все системы включенными, за что Дженсен был ему чрезвычайно признателен. Он вовсе не собирался отчаливать с выключенным двигателем. Наоборот, врубит его на полные обороты и с безопасного расстояния полюбуется, как его команда взлетит на воздух.

«Без пощады», — подумал он, и его пальцы слегка дрогнули. Самую малость. Возможно, когда-нибудь к нему явятся призраки прыщавого лейтенанта и этой суки Беккет, а следом и всех остальных. Но все-это пустяки по сравнению с трибуналом и погибшей карьерой!

Жаль, конечно, что пришлось обмануть Дака. Мальчик был талантливым инженером...

В тесном кабинете Разведслужбы высокий худошавый офицер зачитывал протокол показаний Дженсена. Они были предельно ясными: пираты обстреляли и захватили «Килдэйр», команда расстреляна без пощады, а командиру сохранили жизнь в надежде получить ценные сведения. Затем пиратское судно начало буксировку «Килдэйра» для сдачи его Синдикату. Но капитан второго ранга Дженсен сумел устроить побег с помощью спасательной капсулы, напоследок взорвав свой корабль. После этого капитан второго ранга Дженсен послал сигнальную торпеду адмиралу Дуэйну, сообщив о направлении атаки Синдиката. Через сорок восемь часов после битвы за Халию он был найден в спасательной капсуле в тяжелом состоянии с переломами нескольких ребер.

Скрипнуло кресло в углу — небольшого роста пухлый человечек уселся поудобнее.

— Парень врет, — спокойно сказал он. — Мак Джеймс убивает только в случае крайней необходимости.

Молчание его долговязого коллеги означало согласие. Он собрал листы протокола в аккуратную стопку и положил на стол.

— Защитные коды на торпедо действительно были дженсеновские, — проговорил толстяк. — Но Мак Джеймс добавил к ним свой персональный шифр. Я со всей ответственностью заявляю: Макензи жив и здоров, а капитан второго ранга Дженсен взорвал свой корабль, чтобы уничтожить доказательства против себя.

— То, что Макензи жив, дело понятное. Но документам на присвоение Дженсену звания капитана первого ранга уже дан ход. Их можно остановить, только если деконспирировать Мака. Когда приходится воевать с таким грозным противником, как Синдикат, не стоит разбрасываться героями. Людям нужно поднимать моральный дух, вот пусть Дженсен этим и займется... А Мак — слишком ценный агент, чтобы жертвовать им ради привлечения убийцы к уголовной ответственности.

— Значит, закрываем дело, — заключил толстяк.

— Не совсем, — жестко произнес высокий. — Занесите дело Дженсена в банк данных. Когда-нибудь мы к нему вернемся.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья IX

Каждый субъект, подпадающий под действие данного Акта, покинувший пост, или заснувший во время вахты, или небрежно выполняющий возложенные на него обязанности, подлежит увольнению со службы с формулировкой «с позором» или одному из наказаний, предусмотренных ниже.

Дредноуты — повелители космоса. Огромные, практически неуязвимые, несущие на борту мощнейшее оружие и пятитысячный экипаж, они по праву гордятся ролью ферзя в космической битве. Подобные суда фантастически дороги: на постройку и оснащение одного нужно пять лет. Подсчитано, что для снабжения любого из десяти дредноутов Флота необходимы ресурсы, превышающие валовой планетарный продукт каждой третьей планеты Альянса.

План Синдиката был предельно прост: за шесть часов до предстоящей атаки флотилия семейства Флейш нанесет отвлекающий удар по планете Цель. Неприятель рассчитывал, что адмирал Дуэйн отведет Флот на защиту Цели, а тем временем основные силы Синдиката атакуют Халию.

Если же уловка не пройдет, дредноут и корабли сопровождения семейства Флейш уничтожат малочисленных защитников Цели и немедленно присоединятся к основным силам, атакуя Флот с неожиданной стороны.

Таким образом, как бы ни развивались события, преимущество в любом случае будет на стороне Синдиката.

Но планы зачастую расходятся с действительностью. Так получилось и на этот раз.

Майк Резник. ПЕШКИ

Экипаж десантного катера состоял из трех человек.

Командир был старше и опытнее всех: в следующем месяце ему исполнялось двадцать три. Недавно он начал отращивать усы — для солидности. Но темный пушок на верхней губе не сделал командира взрослее: теперь его мальчишеское лицо казалось попросту чумазым. Дома его ждала девушка — верная подруга детства; и в свободное от службы время он только и делал, что писал ей письма. Еще он любил бейсбол, знал, что его мать готовит вкуснее всех на свете, и по окончании войны намеревался работать на ферме отца.

Пилот любил командира, хотя в душе посмеивался над его наивностью. Сам он готовился к долгой войне, и, судя по всему, ожидания его оправдывались. С багажом воспоминаний у него было не густо, хотя пилот давно уже почитал себя циником и не особенно надеялся на Дуэйна. Да в общем-то он ни на кого не надеялся, предпочитая рассчитывать на себя. Пилотом он был первоклассным и хорошо знал об этом. В свободное время он изучал боевую тактику в ожидании того дня, когда станет командиром собственного экипажа, да играл по радио в шахматы со служащими на других кораблях друзьями.

Инженер говорил мало, а думать старался еще меньше. В детстве ему пришлось постоянно убегать от халиан, захватывающих планету за планетой. Это оставило глубокий отпечаток в его психике. Флот мог бороться с Синдикатом или с кем-то еще. Но инженер знал, КТО его истинный враг.

Десантный катер находился недалеко от цели и не менял своего местоположения уже два часа — с того момента, как началась первая атака. На катер поступил приказ:

«УДЕРЖИВАТЬ ПОЗИЦИЮ».

— Какая, к черту, позиция?! — пробормотал пилот. — Болтаемся в двадцати тысячах миль от поверхности, как цветок в проруби.

— Помолчи. — Командир выслушал сообщение, поступившее из вживленного в ухо

передатчика. Нахмурился. — Показались корабли Синдиката.

— А ты ждал кого-то еще? — Голос пилота сочился сарказмом.

— Попытайся засечь их на экране.

Экран ожил, все трое притянулись к нему.

— Семь крейсеров, — закончил подсчет командир. — Невелика сила.

— Е-два — Е-четыре, — прокомментировал пилот. — Игра только началась.

— И все-таки хотелось бы знать, где остальные, — произнес командир.

— Наверное, направились к Халии, — предположил инженер. — Я-то считаю, что Флот должен отступить, и пусть хорьки защищаются сами.

— Может, и так, — согласился командир. — Мы не удержим обе планеты. И если уж отдавать Синдикату одну, пусть это будет Халия.

— Не хотелось бы портить вам настроение, — вмешался пилот, — но в игру вступил ферзь.

— О чем ты? — спросил инженер.

— К крейсерам присоединился дредноут.

— Это отвлекающий маневр, — уверенно заявил инженер.

— Очень на это надеюсь. — Командир всматривался в обзорный экран. — Как-то не хочется атаковать дредноут на десантном катере. Все равно, что бросаться на слона с булавкой.

— Ну, не знаю. — В голосе пилота слышалось сомнение. — В самом начале игры столь ценной фигурой не рискуют.

— Могу я напомнить тебе, что это война, а не игра? — осведомился командир.

Пилот пожал плечами.

— Все войны — игры, а любая игра — война.

— Дуэйн в курсе событий, — заметил инженер. — Если их видим мы, видит и он.

— Допустим, тогда где же Дуэйн? — спросил командир.

— Возможно, не хочет так рано предпринимать решительных действий, чтобы не спугнуть противника. Скорее всего Флот изготавился к атаке, и Динамит ждет, пока не покажутся остальные дредноуты Синдиката.

— Остальные? — повторил пилот. — Если Дуэйн не появится здесь в самое ближайшее время, хватит за глаза и одного. Мы всего лишь горсть пешек, выставленных против ферзя.

— Расслабься, — бросил инженер. — Они не оставят нас подыхать здесь ради Халии. — Он брезгливо скривился, произнося последнее слово.

— Спасибо, утешил, — буркнул пилот.

— А чего ты хотел?

— Неоспоримых доказательств твоей правоты.

— Да уж, — согласился инженер, — они согрели бы и мою душу.

— Тихо! — крикнул командир. — Новый приказ.

— Видишь? — победно воскликнул инженер. — Мы быстро отступаем, расчищая место основным силам.

— Пешки назад не ходят, — мрачно ответил пилот.

— Ш-ш-ш! — Командир поднес палец к губам, опустил голову и закрыл глаза, весь обратившись в слух. Молча выслушав приказ, командир поднял глаза на своих товарищей.

— Какой берем курс? — спросил пилот.

Капитан нахмурился:

— Никакой.

— Не понял?

— Когда появился дредноут, мы связались с Дуэйном и запросили дальнейших инструкций. — Он помолчал. — Приказано не менять боевого порядка.

— Не отступать и не атаковать? — изумился пилот.

— Совершенно верно.

— А что я вам говорил? — подал голос инженер. — Это наверняка отвлекающий

маневр! Он никогда не оставил бы нас, если б существовала реальная угроза со стороны дредноута. — Он решительно кивнул, придавая себе уверенности. — Синдикат будет разбираться с Халией.

Командир повернулся к нему:

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Естественно. Это отвлекающий маневр, и основные силы Синдиката брошены на Халию.

Командир нетерпеливо мотнул головой:

— Если это отвлекающий маневр, а Дуэйн на него не реагирует, что это, по-твоему, должно означать?

— Как я и сказал, они идут на Халию.

— А кроме того, сие означает, что Флот защищает Халию.

— Нет, — возразил инженер. — Дуэйн выигрывает время.

— Ради чего? Чтобы дать возможность дредноуту стереть нас в порошок? Если б он собирался защищать Цель, то уже был бы здесь... или приказал бы нам отступить.

— Ты не прав, — стоял на своем инженер. — Ни один командир-землянин не пожертвует человеческими жизнями ради защиты хорьков. Дуэйн просто ждет благоприятного момента для атаки.

— Угу! Пусть подождет еще, — мрачно вставил пилот. — Через двадцать минут мы окажемся в пределах досягаемости их орудий.

Командир взмахом руки призвал экипаж к молчанию: передавалось новое сообщение.

— Господи! — прошептал он. — Я этому не верю!

— Чему? — спросил пилот.

— При приближении дредноута мы попросили разрешения отступить, но Дуэйн вновь приказал сохранять боевой порядок. — На юном лице командира отразилось изумление.

— Я же говорил тебе, — вздохнул пилот. — Пешки обычно приносятся в жертву.

— Я не пешка! — взорвался инженер. — Я человек и не позволю Дуэйну оставить нас на погибель, пока они там будут защищать Халию.

— Ты не можешь собрать фигуры и уйти домой, — усмехнулся пилот. — Мы и есть эти фигуры.

— Мы сидим в десантном катере, того и гляди подохнем, а ты все талдычишь о шахматах! — бушевал инженер. — Так что же нам делать?

— Оставаться на прежней позиции и защищать Цель, — ответил командир, попытавшись добавить нотку властности в юный голос.

— Это же безумие! — запротестовал инженер. — Наш корпус можно вскрыть консервным ножом. Куда нам против дредноута?!

— Мы не одни, — напомнил командир. — Вместе с другими кораблями мы занимаем отведенную нам позицию в боевом защитном строю.

— Ты вот говоришь о боевом строю, он — о шахматах! — бушевал инженер. — А вы посмотрите на экран! Дредноут прет прямо на нас!

— Молчать! — приказал командир.

Инженер сверкнул на него глазами, не сказал.

Трое мужчин смотрели на экран еще десять минут. Затем командир запросил штаб, нет ли нового приказа. Ему ответили, что нового приказа не поступало.

— О чем они думают, черт побери?! — пробормотал командир. — Если Дуэйн не присылает нам подкрепления, почему не разрешает отступить, чтобы мы оказались вне досягаемости их орудий?

— Через пять минут после нашего отступления, — мрачно ответил пилот, — еще один вражеский дредноут направится к Халии. Мы должны задержать его здесь. Наша задача в этом сражении не просто умереть, но умирать как можно дольше.

— Приходи, Дуэйн, приходи! — шептал инженер, не отрывая глаз от экрана.

— Он не придет, — заверил пилот.

— Он не может защищать хорьков! — воскликнул инженер. — Не может!

— Но и Цель он защищать не собирается, — парировал пилот. — А вот и дредноут! Командир что-то прошептал в мини-микрофон, дождался ответа, тяжело вздохнул.

— Ну? — спросил пилот.

— То же самое: удерживать позицию.

— Нам по крайней мере хоть разрешено защищаться?

— А как мы сможем удержать позицию, не отвечая огнем на огонь? — поинтересовался командир.

— Тогда пора ловить в прицел какой-нибудь крейсер. По дредноуту стрелять бессмысленно, только растратим боезапас. — Помолчав, пилот добавил: — Да и незачем привлекать к себе внимание.

— Здесь решения принимаю я, мистер! — осек его командир.

— Уже и мистер? Так! — Пилот отдал честь. — Да, сэр! — Он не пытался скрыть издевку. — Не соблаговолит ли капитан выбрать цель?

Командир уже смотрел на экран.

— Крейсер, — вымолвил он.

— Блестящее решение, сэр, — усмехнулся пилот.

— Заткнись! — рявкнул командир, вслушиваясь в очередное сообщение. — Господи! Мы уже потеряли одиннадцать десантных катеров!

Улыбка пилота увяла.

— Что бы там ни планировал Дуэйн, я очень надеюсь, что эти люди погибли не зря.

— Он не придет. — Инженер чуть не плакал. — Он действительно не придет!

— Дать тебе сигарету? — спросил пилот.

— Мы вот-вот умрем, а тебе лишь бы шутить.

— Тихо! — крикнул командир. — Новый приказ.

Двое с надеждой смотрели на него.

— Ну? — спросил пилот после минуты гробовой тишины.

— Это не приказ. Текущая информация. Мы уничтожили один крейсер и повредили второй.

— А что они сделали с нами?

— Сорок три корабля уничтожены или выведены из строя.

— При таком соотношении мы долго будем защищать Цель, — съязвил пилот. — Ты просил разрешения выйти из боевого порядка?

— Просил. Приказ остается прежним: удерживать позицию.

— Бессмыслица какая-то! — взвизгнул инженер. — Если он не идет к нам на помощь, почему мы не можем отступить, перегруппироваться и пойти на соединение с Флотом?

— Потому. — Пилот указал на экран.

— О чем ты?

— Здесь только один дредноут и всего семь крейсеров, — пояснил пилот. — Это отвлекающий удар. Противник пытается оттянуть силы Дуэйна к Цели, дабы Синдикат мог спокойно расправиться с Халией. Дуэйн раскусил замысел Синдиката. — Пилот скорчил гримасу. — Прими к сведению, что в учебниках по истории по достоинству оценит прозорливость адмирала.

— Плевать я хотел на учебники. — Голос инженера переполняла горечь. — Нам их читать не придется.

— Возможно, об этом сражении там и не упомянут, — добавил командир. — Не мы сейчас творим историю. Главный бой идет у Халии.

— Будем надеяться, что там победа останется за Флотом.

— Кого это волнует? — фыркнул инженер.

— Меня, — ответил пилот. — Не знаю, как ты, а я, если уж мне суждено быть пешкой, хочу знать, что в жертву меня принесли не напрасно. — Он помолчал. — Я хочу, чтобы за меня отомстили.

— А я просто хочу жить, — вырвалось у инженера.

— Не всегда получаешь то, что хочется, — парировал пилот. — Соглашайся и на то, что за содеянное с нами им воздается.

— Четыре крейсера уничтожены, — объявил командир, взглянув на пилота. — Может, у нас есть шанс.

— Выведи из строя дредноут, и я тебе поверю.

— Не такой уж он неуязвимый, — уверенно заявил командир.

— Для наших орудий он неуязвим.

— Если несколько кораблей смогут сконцентрировать огонь в одном секторе; если, скоординировав наши действия...

— Если б у тети были яйца, она звалась бы дядей, — перебил его пилот.

Десантный катер крепко тряхнуло, прежде чем командир успел ответить.

— Проверить системы жизнеобеспечения! — приказал командир инженеру.

— Нас едва зацепило, — ответил инженер, окинув взглядом контрольный пульт. — Корпус герметичен, энергетическая установка работает. — Он помолчал. — Но система наведения и прицелы уничтожены.

— Так, может, нам пора выметаться отсюда? — спросил пилот.

— У нас есть приказ, — отрезал командир.

— Наш приказ — удерживать позицию, — заметил пилот. — А как мы можем удержать ее без оружия?

— Ты сам все так логично объяснил, — ответил ему командир. — Нами жертвуют. И тут уж без разницы, есть у нас оружие или нет.

— По крайней мере у нас был шанс, пусть и минимальный, постоять за себя, — гнул свое пилот.

— Ты думаешь, МНЕ хочется сидеть и ждать, пока нас разнесут на куски? — рыкнул на него командир. — У меня семья и дом, которые я скорее всего уже никогда не увижу. Мне же всего двадцать два года, черт побери! — Он замолчал, пытаясь совладать с эмоциями. — Но я офицер Флота, и у меня есть приказ.

— Свяжись с командованием, — предложил пилот. — Расскажи, в каком мы положении. Может, нам разрешат отступить.

Командир закрыл глаза, вслушиваясь в очередное сообщение.

— Штабной корабль уничтожен, — объявил он.

— Кто взял командование на себя? — спросил пилот.

— Никто. Мы понесли большие потери. Структура командования разрушена.

— Значит, мы теперь сами по себе! — воскликнул инженер.

— Как остальные, но никто не покидает боевых порядков.

— Ну и черт с ними!

— Если мы попытаемся отступить, нас уничтожат свои, — бросил командир. — Они уже подбили десантный катер, пытавшийся удрать.

— Но это — безумие! Второго попадания нам не выдержать! Даже если оно не будет прямым. Нас все равно разнесет в клочья.

— Я знаю, — кивнул командир.

— Так объясни это кому-нибудь!

— Некому объяснять. Да и незачем. — Командир откинулся в кресле. — Мы здесь не для того, чтобы побеждать. Нами жертвуют.

— Но какой в этом смысл?! — Инженер не мог заставить себя смириться с неизбежным.

Командир вздохнул:

— Если ты вообще находишь смысл в этом глупом противостоянии, я бы с радостью узнал, в чем же он состоит?

— Наша задача — уничтожить Синдикат, а не сидеть и ждать, пока от нас не останется и мокрого места.

— А шесть месяцев тому назад у вас была задача уничтожить Халию, — напомнил ему командир. — Сегодня нами жертвуют, чтобы спасти ее. — Он помолчал. — Я не азартный игрок, но готов поспорить на любую сумму, что через год, два, а может, и пять Флот будет сражаться плечом к плечу с Синдикатом против нового врага, реального или придуманного.

— К чему ты все это говоришь? — любопытствовал пилот.

— К тому, что я готов согласиться с ролью пешки на поле большой битвы. Я даже готов понять, что пешки приносят в жертву. И лишь одно не дает мне покоя.

— Что же?

Командир смотрел на экран: к ним приближался крейсер Синдиката.

— Вот сейчас нас уничтожит оружие, созданное и управляемое человеком. И все ради того, чтобы Дуэйн смог защитить Халию. — Он вздохнул. — Хотелось бы знать напоследок, какая я пешка — черная или белая?

Три пешки в молчании наблюдали, как на них надвигается фигура противоположного цвета...

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья V

Если лицо, подпадающее под действие данного Акта и не занимающее командной должности, не выполняет приказов вышестоящих командиров во время подготовки к операции или в ходе проведения таковой,

— в случае если его действия преследуют изменнические цели, подлежит смертной казни;

— если его действия вызваны трусостью, подлежит смертной казни или одному из наказаний, предусмотренных ниже;

— если его действия вызваны небрежностью или халатностью, — увольнению с формулировкой «с позором» или иному наказанию, предусмотренному ниже.

Сражение началось за час до того, как прозвучали первые залпы. Флотилия Синдиката вынырнула из субпространства у самой отдаленной планеты халианской системы. Запас расстояния дал противнику возможность не спеша выстроиться в боевой порядок. Обнаружив, что корабли Альянса, приготовившись к обороне, образовали сферу, флотилия Синдиката перестроилась в широкий цилиндр, открытый конец которого нацелился на компактное построение Флота.

В ответ Дуэйн, оценив силы как примерно равные, перестроил боевые порядки; теперь сфера превратилась в тесный диск.

Войдя в глубь планетной системы, корабли Синдиката вновь изменили боевую конфигурацию, также образовав более тесный строй. Еще через несколько минут Дуэйн приказал дредноутам из центра диска переместиться на периферию и сломать плоскостное построение. Боевой порядок теперь представлял собой конус, острием нацеленный на флагманский корабль неприятеля.

Когда основные силы противоборствующих сторон сблизилась, каждая выпустила вперед целое облако миниатюрных истребителей, которые должны были отвлечь на себя внимание и расстроить вражеские порядки, одновременно отражая атаку аналогичных кораблей противника.

Джоди Лин Най. КОМАРИК

— Если я не вернусь, ты сможешь продолжить мое дело, — сказал пилот Патрик

Отлинд, роясь в отделении для личных вещей в поисках высокого воротничка — неотъемлемого элемента полетной формы. Запечатав шов спецодежды, он с удовлетворением убедился, что сигнальные цепи и медицинские мониторы находятся на своем месте.

— Удачи, — произнес доктор Дален, и в его голосе чувствовалось скрытое беспокойство. Он стоял, облокотясь на переборку у входа в каюту Пата, и смотрел, как его друг облачается в противоперегрузочный костюм. — Тебе хоть в одном повезло: ты сам сможешь что-то делать. А нам остается торчать здесь в ожидании новостей.

Отлинд взглянул на долговязую фигуру в белом мундире медицинской службы.

— Ты ведь тоже можешь управлять скутером. Почему бы и тебе не отправиться с нами? Мейер наверняка будет рад еще одному пилоту-добровольцу, даже если такую дылду придется запикивать в кабину всем Флотом. Все равно пациентов не будет, пока все не закончится.

Накануне их обоих высмеяли два пилота-истребителя, которым потребовалось пройти ежегодный медосмотр. Высокомерие буквально перло из обоих. Отлинд до сих пор бледнел от гнева при одном воспоминании об этом визите и о нашивках за сбитых хорьков на кителях насмешников.

— Неужели ты не хочешь, чтобы в следующий раз они увидели такие же нашивки у тебя на груди? — спросил он.

Дален тяжело вздохнул.

— Не такой уж я хороший пилот. Моя работа начнется тогда, когда ваша закончится. Или вообще не начнется — если я вернусь раненным в руку — с нашивкой или без.

— Ну и что с того? Зато ты станешь героем. — Пат похлопал Мака по плечу. — Я иду на доклад. Ты можешь проводить меня, если хочешь.

На самом же деле Отлинд попросту храбрился: он далеко не был уверен в правильности своего решения. Конечно, адмирал Эйб Мейер сам приказал собрать пилотов медицинского корпуса. В большой битве каждый, кто способен управлять одноместным кораблем, на особом счету. Став союзниками, халиане предоставили Флоту истребителей столько, что не хватало пилотов. В такой ситуации каждый доброволец был на вес золота. Для человека, жаждущего славы и боевых нашивок, более подходящего момента не придумаешь.

Кроме того. Пата неудержимо тянуло сесть за штурвал настоящего корабля. Его не тяготило вечное пребывание на вторых ролях — в конце концов, его и в самом деле готовили как пилота-истребителя. Отлинд всегда с завистью слушал байки о космических схватках, из которых рассказчики неизменно выходили победителями. Пат жаждал подвигов, как мальчишка. Он молча пожал руку Маку и, повернувшись, вышел из медотсека.

К своим коллегам Отлинд присоединился уже на палубе. Здесь было много бравады, дружеских похлопываний и неискренних улыбок. Все прекрасно понимали: Флоту предстояло самое серьезное испытание за всю его историю; и теперь судьба Альянса зависела от каждого из них. Большинство собравшихся здесь служили уже не первый год и имели полное право возвратиться на свои планеты и станции, обрадовав семьи кругленькой суммой выходного пособия. Все они уже очень устали. Отлинд был еще сравнительно свеж и подумал об этом с некоторой гордостью.

В углу палубы беспорядочно толкалось небольшое подразделение халиан. Считать неистовых хорьков братьями по оружию было слишком даже для Отлинда, но выбора, к сожалению, не было — приказ пришел свыше. В борьбе с халианами пало немало его близких друзей, и самому Патрику пришлось насмотреться изуродованных трупов в тех местах, по которым ураганом прокатились хорьки. Здравый рассудок просто не мог вместить подобное, но факт оставался фактом — они стояли рядом и были вооружены.

Сержант стартовой команды просигналил «К бою!», и пилоты кинулись к кораблям.

— Отлинд? Ты мой фланговый, — бросила на бегу дородная женщина в темно-зеленом полетном костюме. Ее темные с рыжиной волосы в неестественно резком свете палубных прожекторов казались желтыми. Руки с тонкими изящными пальчиками, но крепкими

предплечьями были достаточно сильны, чтобы обращаться с маленьким блоком управления тягой, расположенным на ее запястье.

— Так точно, лейтенант Марсден. Рад лететь с вами, — ответил он. Вдвоем они побежали к кораблям. Как только Отлинд запрыгнул на кокпит своего, палуба погрузилась в полумрак. Устроившись в глубоком противоперегрузочном кресле, Отлинд закрепил на груди защитную сеть и установил вокруг шеи систему поддержки головы.

Пат обычно летал на военном симуляторе и даже не имел представления о тех эмоциях, которые захлестывают пилота, включающего двигатель своего истребителя. Истребители перемещались в пространстве, отталкиваясь или притягиваясь к магнитным полям других, более массивных тел: планет, звезд, на худой конец — крупных судов; вокруг них также создавалось защитное поле, предохранявшее корабли от столкновения друг с другом.

Марсден командовала эскадрилей, носившей наименование «Чарли». Она предпочла бы летать с Отлиндом в паре, а не держать его на фланге вместе с остальными медиками-курьерами: тренировочные результаты этого пилота были просто поразительны. Марсден не без оснований полагала, что интуиция и храбрость помогут Отлинду выжить в предстоящей мясорубке. За три дня предполетных тренировок Отлинд освоил тактику боя гораздо лучше, чем остальные медики-добровольцы, но в строю он терял тактическую самостоятельность, а с ней — и преимущество. Подразделение должно было создать преграду для вражеских кораблей на пути к тяжелым линкорам Флота. Один за другим миниатюрные аппараты отплывали от «Элизабет Блэквелл», присоединяясь к облаку истребителей, парившему у сверкающего диска Халии.

— «Чарли», переключка, — объявила Марсден по коммуникатору, как только вывела свое подразделение на заданную позицию. — «Чарли-Один»!

— «Чарли-Два»! — отозвался Отлинд, стараясь держаться в кильватере корабля Марсден и повторять все его эволюции, сохраняя дистанцию неизменной. Вооружение его истребителя состояло из лазерных пушек и двух ракет, укрепленных на противоположных концах подвески. Крошечный голографический резервуар был заполнен множеством мерцающих точек, обозначающих корабли Флота, в наушниках слышались голоса пилотов. Но все внимание Отлинда было сосредоточено на панели управления. Он ощущал смутное беспокойство. Из шести пилотов эскадрильи он был самым неопытным и теперь старался изо всех сил, чтобы эта неопытность не бросалась в глаза. Хотя бы в первые минуты.

— Запомните: сейчас для вас не существует ничего, кроме меня и моего голоса, а также вашей цели, — послышался в наушниках голос командира. — Понятно? Забудьте о высшем командовании, как и о том, что какой-то супостат вот-вот пожрет вас целиком. Ясно?

— Так точно, лейтенант! — хором ответили пилоты.

Отлинд с удивлением обнаружил, что сидеть за штурвалом гораздо лучше, чем торчать в неведении в медотсеке. Медики работали по двенадцать часов в день, возвращая к жизни разрозненные фрагменты человеческих тел, непрерывно поступающие с поля боя. Хирурги творили чудеса. Но даже отблеск славы не падал на них. Забавно, но Пат по-прежнему ловил себя на сладких грезах о той минуте, когда он героем, уничтожившим в честном поединке множество проклятых бестий, возвращается с поля боя...

Вражеские корабли появились в голографическом резервуаре задолго до того, как стали видны невооруженным глазом. Марсден сразу же бросила свой маленький отряд вперед, отслеживая все изменения траектории далекого противника. В своих наушниках Отлинд различал, как его командир что-то говорит, участвуя в радиопереговорах подразделений, растянувшихся вереницей вдоль огромного фланга изготовившегося к сражению Флота.

Мы как мошкara, подумалось ему, тучей выющаяся в голографическом резервуаре. Красные мошки — корабли Синдиката; голубые, белые или желтые — корабли Флота. Корабль самого Отлинда был обозначен крошечной голубой точкой.

Враг быстро приближался. Отлинд кровожадно усмехнулся, представив себе, как недоумевает противник: откуда у Флота взялось столько пилотов? Они находились во многих тысячах световых лет от главных планет, на самом краю сектора, — да, тут было

чему удивляться.

Марсен сразу же отдала приказ вступить в бой. Вокруг намеченных ею для поражения красных точек на голограмме возникли яркие стрелки. Ближайшая цель предназначалась Отлинду. Он слегка откорректировал курс, все время удерживая мишень перед собой — совсем как в своих любимых трехмерных шахматах.

Бой разгорелся неожиданно быстро. Голографический резервуар наполнился вспышками вражеских залпов. Отлинд мгновенно метнулся в сторону планеты, стараясь увернуться от прицельного выстрела противника. Он резко увеличил энергопитание защитных полей передней полусферы, и через секунду компьютер сообщил, что удар отражен.

Внезапно Отлинду показалось, что полетный костюм стал ему тесен, руки сдавило невыносимым гнетом; пальцы отказались повиноваться. Неужели он умирает — в самом начале сражения?!

— Черт возьми, «Чарли — 2», что ты делаешь? — послышался гневный голос Марсен. — Влево гребь!

Окрик командира заставил Пата очнуться; его руки забегали по панели управления. В резервуаре Отлинд увидел лазерный импульс, скользнувший мимо его корабля и поразивший защитные поля Синдиката. Импульс широкой дугой пошел вниз, затем вверх и уткнулся в мясистую тушку вражеского аппарата. Отлинд явственно слышал, как по корпусу его корабля забарабанили раскаленные обломки. Один погиб, но тысячи и тысячи других продолжали бороться. Отлинд развернулся, вновь присоединившись к своему подразделению.

— Это я его сбила, «Чарли — 2», — деловито произнесла Марсен. — Не спи! Он предназначался тебе! — В топографическом резервуаре вокруг еще одной красной точки возникли яркие стрелки, и Пат направил свой корабль прямо туда.

Внезапно Отлинда охватило ледяное спокойствие. Он больше не боялся ошибиться. Он уже совершил промах, и теперь вся нерешительность куда-то исчезла. Патрик занял позицию слева сверху и немного позади Марсен, как раз когда она превратила очередного противника в сноп раскаленных Обломков.

Теперь на пару «Чарли» набросилось множество вражеских истребителей, их окружили, не давая пробиться к своим. Защитные поля обоих кораблей раскалились добела, но ни один из выстрелов не достиг цели. И все же противник добился своего: в голографическом резервуаре Отлинда другие корабли Флота казались удаленными на многие парсеки. Отлинд быстро отошел от Марсен, нацелившись на два истребителя Синдиката.

— Займись ими, «Чарли — 2», — раздался в коммуникаторе мужской голос. Это был «Чарли — 5», старик, ставший истребителем, когда Отлинда и в проекте не было. — Отправь-ка их к праотцам...

Игры на трехмерном компьютере теперь казались куда более приятными и возбуждающими, чем реальный бой. Отлинд даже не смог бы уверенно сказать, кто именно сбил те два истребителя, пока не повернулся, чтобы посмотреть им вслед. Никаких Кааа-Бууммс, никакой триумфальной электронной музыки — лишь слегка удивленное перешептывание пилотов на частоте их эскадрильи.

— Здорово! — сказал он пятому, возвращающемуся на свое место возле Марсен.

— Спасибо, второй. Смотри-ка, вон еще компания!

— Отставить разговоры. Режим радиомолчания! — прорычала Марсен. — Следите за намеченными целями!

Следующие три истребителя Синдиката отошли от основных сил и направились прямо на Отлинда. Теперь сюда стягивалось больше боевых кораблей, чем атаковало на фланге непосредственно боевые порядки Флота. Тройка двинулась в погоню за Отлиндом. Он уходил от преследователей, петляя, резко бросаясь в сторону, ныряя то вверх, то вниз. Лазерные лучи прорезали космическое пространство, не причиняя Отлинду вреда — существовала, правда, опасность случайно попасть под огонь Флота, но Пату совсем не

хотелось навсегда испортить послужной список одного из своих товарищей. Маленький истребитель Патрика и трое его преследователей все больше удалялись от основных сил Флота.

Из окружающего планету сияния вынырнули новые машины Синдиката, еще одним облачком мошкары ярко засветившиеся в голографическом резервуаре Отлинда. Теперь ему оставалось надеяться только на свою маневренность — эти корабли нисколько не уступали ему в скорости, к тому же были лучше вооружены.

В душе Отлинд восхитился собственной реакцией. Все выстрелы проклятых синдиков прошли мимо. Только один раз ему показалось, что разящий луч задел корабль, но бортовой компьютер заверил пилота, что увернуться удалось и на сей раз. Юркий катерок Отлинда оставался совершенно неуязвимым. Вдруг Патрик услышал звон «похоронного колокола» — индикатор извещал, что корабль находится под прицелом неприятельской ракеты. Она шла к нему с противоположной стороны планеты и могла достичь цели в любую секунду. Развернуться и разнести ее в пыль он не мог — слишком близко были трое преследователей. Остальные корабли эскадрильи «Чарли» растворились в самой гуще сражения; помощи ждать было неоткуда.

Резко вильнув, Отлинд нырнул под одного из преследователей, закрутился-винтом вокруг второго и третьего и стремглав бросился в сторону. Голографический резервуар показал, что преследователи, оказавшиеся в кильватере Отлинда, уничтожены ракетой. Теперь их обломки медленно погружались в халианскую атмосферу.

— До сих пор у меня не было причин любить хорьков и их планету, — сквозь зубы процедил Отлинд. — Кажется, представился случай пересмотреть свое мнение.

Войдя в стратосферу, его маленький кораблик резко замедлил движение, словно летящая птица, коснувшаяся поверхности воды. Монитор внешней обшивки жалобно заскулил: корабль опасно нагревался. Но для такого аса, как Отлинд, зачерпнуть атмосферу и все-таки вынырнуть не составляло большого труда. Увертливость вновь спасла ему жизнь. Кораблей Синдиката поблизости не было — по всей видимости, они ушли прочь, как только в плотных слоях атмосферы сверкнули огненные пунктиры обломков истребителей. Радио точно взбесилось, и теперь из наушников неслись свистящие завывания немодулированной атмосферной интерференции. Пат включил режим компьютерной обработки, и все шумы исчезли как по волшебству. Выходить на связь с Марсден было запрещено — она приказала перейти в режим радиомолчания, и его позывные могли отвлечь ее от более важных дел.

Он молнией пронесся сквозь верхние слои атмосферы, больше доверяя корке льда, быстро намерзавшего на внешней обшивке, чем показаниям приборов. Резкий поворот вправо мог позволить ему обогнуть Халию и зайти с тыла к ничего не подозревающим синдикам, ожесточенно сражающимся с кораблями эскадрильи «Чарли».

Сделав пол-оборота, Отлинд внезапно заметил горстку больших точек, появившихся в его голографическом резервуаре вблизи самой планеты. Они были яркого красного цвета. Враг? На этой стороне Халии? Неужели халианские пираты? Нет, компьютер сообщал, что это десантные корабли Синдиката. У Патрика сложилось впечатление, что они вышли из четвертого измерения возле самой планеты. С другой стороны, Синдикат захватил Халию уже полсотни лет назад и успел досконально изучить пространственные и временные особенности ее окрестностей. Случайно обнаружить их корабли в короткий промежуток между выходом из субпространства и посадкой было просто ошеломительным везением — все равно что с первого взгляда найти иголку в стоге сена. На борту шести вражеских кораблей должно быть не меньше двух тысяч десантников.

Отлинд понял: посадку надо предотвратить любой ценой. Если синдики действительно наладили транспортный мост с Халией, победный парад Флота превратится в фарс. Кроме того, Мейер говорил, что Синдикат оставил на Халии огромные запасы военной техники и снаряжения, которые Флот собирался использовать для своих нужд. Это могло существенно пополнить казну Флота и помочь разгадать тайну местонахождения основных планет Синдиката. По Флоту ходили также слухи о великолепно замаскированных базах и скрытых

глубоко под землей атомных фугасах, только и ждущих своего часа, чтобы взорваться. И вот теперь появление этих кораблей, свидетелем которому, судя по всему, был он один...

Отлинд бросил истребитель вперед и переключил компьютер на радиочастоту в поисках посадочной площадки халиан. Враги заметили его, истребитель мгновенно был захвачен телеметрическими сенсорами, и «похоронный колокол» зазвенел вновь.

Патрику показалось, что он различил даже утробный хохот во флагманской рубке.

— Ну что же, — еле слышно пробормотал он, — истребитель в самом деле невелик. Но не беспокойтесь — перед тем как приземлиться, вам придется иметь дело со мной. Давайте, вперед, я жду вас.

Призывы компьютера, пытавшегося втолковать безрассудному пилоту, что атаковать на истребителе шесть тяжелых кораблей просто глупо, оказались тщетными. Тем временем «безрассудный» Отлинд сумел увернуться и еще раз задуматься. Если одна из тяжелых пушек все-таки достанет его, защитные поля наверняка не выдержат, а умирать ему не хотелось. Но страх лишь обострил реакцию, и адреналин в крови начал свою работу.

Стена лазерных лучей яркими белыми веерами возникла в его голографическом резервуаре. Он сумел увернуться, и только последний луч, скользя по кораблю, расплавил толстый слой термозащитной краски.

— Меня так просто не возьмешь, — насмешливо процедил Отлинд. Он резко надавил на гашетку первой ракеты и тут же отскочил вправо и вверх; яркий белый след устремился к возглавлявшему строй десантному кораблю — тот уже почти скрылся в спасительной бахроме верхних слоев атмосферы. Отлинд совершенно отчетливо услышал оглушительный хлопок, взрывная волна отшвырнула истребитель, как пушинку. Отлинд ликовал. Судя по телеметрическим данным, флагман был полностью разрушен. Ракета попала прямо в двигательный отсек.

Пьяный от восторга, Отлинд развернул корабль и, вновь опустившись на боевой курс, нажал гашетку второй ракеты, на глазок прицелившись в следующий корабль.

— Смотрите! У этой крошки тоже есть жало! Получите!!!

Вторая ракета промахнулась. Скользя в атмосфере, она вновь вышла в космос, прочертив белую линию точно между двумя транспортами.

— О черт! — пробормотал Отлинд.

Тем не менее его атака принесла определенную пользу. Головной корабль задержался на низкой орбите у самой границы атмосферы. Его приземление было теперь всего лишь делом времени. Зато другие корабли были вынуждены отменить посадку: огонь лазерных пушек Отлинда заставил их капитанов выставить мощные полевые экраны, которые совершенно изменили расчетную траекторию снижения из-за взаимодействия с магнитным полем и плазмой верхних слоев атмосферы.

Когда Патрик на полной скорости прошел мимо последнего транспорта, лазерный луч слегка зацепил истребитель. Корабль начал беспомощно кувыркаться, уходя все дальше и дальше в пространство. Отлинд не сумел увернуться на сей раз: мощность маневренных двигателей оказалась недостаточной — в этом и заключалась ахиллесова пята истребителей в сравнении с медицинскими скутерами. Крохотные медицинские кораблики конструировались специально для высокой маневренности и мобильности в атмосфере. Но сейчас Отлинд пилотировал другой корабль. Пат мысленно упрекнул себя за непростительную забывчивость и пообещал исправиться в дальнейшем — если, конечно, ему суждено остаться в живых.

Температура в кабине резко возросла. Двигатели системы жизнеобеспечения понизили ее до разумных значений, но контроль над защитными полями был потерян. Отлинд с трудом победил рулевое управление; прошла целая вечность, пока бешено вращающийся вокруг его кабины огромный диск планеты наконец остановился. Пилот развернулся, чтобы сделать еще один заход на цели, и подготовил лазерные пушки к стрельбе. Противники вновь открыли огонь, но теперь Отлинд надежно управлял кораблем. Ракет больше не было. Он собирался встать на пути вражеских судов — единственное, что можно было сделать. Истребитель с

оглушительным звоном погрузился в атмосферу; кокпит вновь покрылся туманом, и Пат скорее почувствовал, чем увидел, нависшую над ним грузную тушу головного транспорта. Когда кокпит очистился вновь, Отлинд был уже далеко за кораблем противника, ему пришлось развернуться для очередной атаки. Тем временем вражеский десант вновь изменил позицию. Раз за разом юркий истребитель вставал у них на пути, не давая врагу возможности пройти в семиминутный интервал, необходимый для приземления в заданном районе. Отлинд счастливо улыбался.

В радиоканал начали пробиваться голоса. Он смог различить визг, шипение и звуки халианской речи.

— Готов побиться об заклад, это частота боевого управления, — сказал Пат, слегка поправив плечом микрофон. — Связь! Связь! Срочно! Я одиночный истребитель «Чарли — 2», в точке со следующими координатами. — Он зачитал координаты с закрепленного на шлеме дисплея. — Здесь пять — повторяю, пять — десантных транспортов Синдиката, пытающихся совершить посадку. Еще один уничтожен. Внимание, внимание! В ста восьмидесяти градусах от поля боя десантные транспортеры пытаются войти в атмосферу. Мне нужна помощь. Отбой.

Он перебрал рычажок и прислушался. Голоса — это по-прежнему были голоса халиан — звучали более возбужденно. Отлинд еще раз послал свое сообщение в эфир. Три истребителя Синдиката, потерявшие Отлинда на противоположной стороне планеты, вновь напали на его след. Они вошли в атмосферу под небольшим безопасным углом и теперь палили по истребителю из лазерных пушек.

Сигнал тревоги умолк, так как полевая защита «Чарли — 2» не могла справиться с двумя лазерными лучами дальнобойной пушки. Маленький корабль содрогнулся, индикатор мощности резко двинулся вниз. Защита предоохранила катерок от серьезных повреждений, но теперь возникла угроза потери мощности главных двигателей. Отлинд выпалил по всем трем истребителям, а затем бросил корабль в сторону, чтобы избежать ответного огня.

Движения трех истребителей Синдиката в атмосфере были очень неуклюжи. И Отлинд решил, что корабли противника гораздо хуже защищены от атмосферного трения, чем его катерок. Они были настолько малоподвижны, что, охотясь за изворотливым Патриком, запросто могли перестрелять друг друга.

Некоторое время Отлинд барражировал невдалеке, постепенно приближаясь к транспортам, потом прибавил мощность и понесся прямо на них. Уничтожить нахальный истребитель, отчаянно сновавший между исполинскими кораблями, не составило бы труда. Но громоздкие суда Синдиката были настолько поглощены посадкой, что даже не открыли по нему огонь.

Как только Отлинд обогнул массивный корпус первого транспорта, он выключил двигатели, передав всю энергию системе полевой защиты. Противник, уже измотанный борьбой не столько с истребителем, сколько с силами тяготения, очевидно, передал всю мощность двигателям, полностью обесточив орудийные комплексы. Отлинд отключил защитные экраны, теперь для радаров врага он сделался почти невидимкой. Кроме того, истребитель получил возможность, не опасаясь взрыва, вплотную приблизиться к экранам вражеских кораблей и проскользнуть там, где никто другой пробраться просто не смог бы.

Преследователи, обнаружив, что их добыча отключила экраны, с ускорением ринулись к ней. Они быстро приближались, ведя огонь из лазерных пушек сквозь узкую щель между двумя транспортами, в которой маячила крохотная точка одинокого и беззащитного истребителя Отлинда. Лазерные лучи то и дело попадали в корабли десанта, высекая из защитных экранов огромные снопы искр, — и транспорты бросились враспыльную.

Быстро сделав разворот, Отлинд сквозь облака нырнул прямо в самую гущу транспортов. Его крошечный истребитель ринулся прямо на командную капсулу огромного судна. Времени вполне хватило, чтобы расправиться с очередным врагом, прежде чем неповоротливые преследователи вновь зашли ему в хвост.

Теперь «похоронный колокол» звенел с удвоенной энергией. Отлинд был захвачен

орудийными комплексами как минимум двух кораблей — скорее всего одного из истребителей и транспорта. Уйти от разящих лучей не было никаких шансов. Патрик успел активизировать защиту задней полу сферы как раз в тот миг, когда в разреженном воздухе сзади прозвучали взрывы. Всю энергию, какую только мог, он направил на двигатели и вновь вынырнул в черноту космоса.

Прошли доли секунды, и Отлинд осознал, что остался жив. Более или менее уцелел и его корабль. На экране возникли два военных корвета, они поднимались навстречу транспортам, в корпуса десантников уперлись лазерные лучи. Это были перевооруженные халианские рейдеры, вопреки условиям капитуляции сохраненные хорьками. Отлинд вздохнул с облегчением: хорьки шли на защиту своей планеты. Три истребителя исчезли из поля зрения. Отлинд предположил, что они ушли в космос. В голографическом резервуаре теперь светилось только две точки. Одну из них необходимо уничтожить.

Радио вновь призывно зазвенело.

— «Чарли — 2»? — спросил кто-то противным шепелявым голосом.

— Кто спрашивает? — поинтересовался Отлинд, в одиночестве паря в черно-голубом пространстве над Халией. Судя по панели управления, двигателям оставалось работать еще минут десять. Пат выключил все защитные системы — это поддержит корабль еще десять минут.

— Я верховный жрец связи на борту «Лояльности». Халия чтит своего защитника. Мы благодарим вас за предупреждение. Вы привлекли наше внимание как раз вовремя и помогли остановить врага. Если бы не вы, наши корабли просто не смогли бы подняться. Ваше имя будет занесено в почетный список героев Халии.

— Не раньше чем вы сможете произнести его правильно, глубокоуважаемые хорьки, — с удовлетворением произнес Патрик, свободно откинувшись в кресле. Мышцы спины затекли, и он слегка поерзал. — Это Отлинд. О-Т-Л-И-Н-Д.

— «Чарли — 2», какого черта тебя носит неизвестно где?! — прозвучал в его наушниках необычайно гневный голос Марсден. — Мы уж думали, что тебя сбили, когда ты пошел вниз.

— Лейтенант, должен огорчить вас. Я потерялся, а потом мне пришлось нарушить режим радиомолчания, — с чувством произнес Отлинд. — Я очень сожалею. — Голосом он еще мог управлять, но стереть с лица довольную улыбку было выше его сил.

— У тебя очень низкий уровень мощности. Поврежден?

— Я потерял кусок крыла, хвост сожжен, а защита уничтожена.

— Если ты совершенно не заботаешься о своих игрушках, ты не должен их иметь, — сказала Марсден, но теперь в ее голосе не было и следа раздражения. — Возвращайся на «Блэквелл». С этой минуты я тебе запрещаю выходить в космос.

— Очень жаль, что это все, что я успел совершить, — произнес Отлинд, надеясь, что ответ не прозвучит слишком шутливо.

— Вот так я и спас халиан, — закончил Отлинд свой рассказ Маку Далену днем позже, когда его карьера истребителя уже бесславно завершилась. — Хоть на десять минут, но я стал настоящим героем. И знаешь, что меня теперь особенно бесит? Я уничтожил один десантный корабль и повредил еще два, но эти парни сказали мне, что они не засчитаны. Никакого подтверждения не поступило, а все сканеры Флота напряженно наблюдали за битвой на противоположной стороне планеты. А сами халиане не собираются докладывать, что незаконно припрятали на своей планете два боевых корвета. Так что я опять остался без нашивки...

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья XXX

Офицеры всех кораблей, назначенных для конвоирования и защиты любых судов, должны неукоснительно и без промедления выполнять свои обязанности в соответствии с полученными инструкциями... В случае правонарушения они подвергаются смертной казни или другому наказанию, предусмотренному ниже.

Статья XI

Когда мятеж не сопровождается насилием, главарь (или главари) этого мятежа подвергается смертной казни или другому наказанию, предусмотренному ниже; все другие лица, принявшие участие в мятеже или не предпринявшие все возможное для его подавления, подвергаются тюремному заключению или другому наказанию, предусмотренному ниже.

Война разрасталась, и Синдикат ввел в строй предусмотрительно заранее подготовленные контингенты. Тем не менее многие из них потерпели поражение. Одни ничего не стоили без халианской поддержки. Другие разгромила трехсоттысячная армия ополченцев и пехотинцев, оставленная на Халии Альянсом. Успеха добились лишь отдельные контингенты, в том числе и тот, что сумел вывести из строя орбитальную систему наблюдения, защищавшую саму планету. Но эта победа не повлияла на расстановку сил в космосе. Синдикат вынужден был признать, что потерял контроль над Халией.

Как и все хорошие инженеры, стратеги Синдиката подготовили на оставленной планете резервную систему. Обычно такая система разрабатывается на случай непредвиденного происшествия. На сей же раз она создавалась для того, чтобы на Халии уже никогда ничего не могло произойти. Изначально предназначенная для управления из космоса система была почти готова к моменту неожиданно быстрого падения Халии. В результате ее действие могло быть успешным лишь отчасти. Но и частичный успех вполне устраивал агентов Синдиката.

Дэвид Дрейк. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Ник Ковач рассмеялся, представив себя сидящим в кабинке «Рэд Шифт Донж» и говорящим Тоби Инглишу: «Помнишь то последнее задание, которое считалось таким легким? Сейчас я расскажу тебе, что там происходило на самом деле!»...

— Давайте, давайте, давайте, — умолял офицер снабжения. — Ваша группа должна быть в воздухе еще тридцать минут назад, а после вас мне отправлять еще три конвоя!

— Сохраняйте спокойствие, лейтенант, — ответил флотскому сержант Брэдли. — Мы сможем выдвинуться, как только майор Ковач получит последние указания...

Брэдли кивнул в сторону лимузина с затемненными стеклами. Лимузин стоял в ярде от гигантских землеройных машин и казался игрушечным на их фоне. Брэдли не знал, какие указания получал майор, но он не сомневался, что Охотники задерживаются не зря.

Брэдли исполнял обязанности старшего сержанта полевой части 121 — й Десантной Роты Реагирования, называвшейся «Охотниками за Головами».

— Отправляйте пока других. Майор скоро освободится, — усмехнулся он.

Как бы в ответ на слова сержанта водители завели двигатели сдвоенных транспортеров, на платформе между которыми размещался экскаватор. Когда раскрутились вентиляторы двигателей, из-под кожухов полетел щебень, с грохотом ударяясь о борта соседних машин.

Один из камней угодил в халианина, одетого в темно-бордовый рабочий комбинезон. Пострадавший вскрикнул и упал на землю.

Сержант Брэдли сплюнул: если халианин умер, значит. Вселенная стала чуточку лучше.

Заработали двигатели остальных машин. Брэдли смотрел на колонну землеройной техники, которую предстояло сопровождать его роте. Все транспортные средства были наземными. Шум их заборных устройств и свист вырывавшегося из-под кожухов сжатого воздуха оглушали. Брэдли едва расслышал яростную брань лейтенанта:

— Тебе будет не до смеха, когда эту планету разнесет к чертям собачьим из-за вашего опоздания!

Синкевич, делопроизводитель и телохранитель Ковача, двухметровая бабища, имела звание капрала. Брэдли нехотая вспомнил, как, впервые увидев этот двор с гигантским оборудованием, подумал, что его масштабы вполне соответствуют размерам Синкевич. Сейчас она нагнулась к офицеру снабжения и сказала:

— Что поделаешь, лейтенант. Это Флот с безопасного расстояния будет наблюдать, как лопается кора и изливается магма.

Синдикат заминировал Халию. Если планета взорвется в тот момент, когда боевые корабли Синдиката пойдут в атаку, защитники потеряют связь и базу снабжения, так необходимую им для победы.

Но, с другой стороны, исчезнет и большая часть халиан во Вселенной...

Дверца лимузина распахнулась. Брэдли включил на своем шлемофоне частоту общего вызова и приказал:

— Пятьдесят шестой — всему личному составу Охотников. Собирайтесь, ребята, пора поиграть в десантников. — Голос его был хриплым.

Пока Брэдли говорил, его пальцы легчайшими прикосновениями проверяли военную экипировку. Пулемет перекинут через плечо. Грудь пересекают патронташи. С каждого свешивается контейнер с мощной взрывчаткой и гранатами для подствольного гранатомета. В наколенных карманах брюк — газовые, осколочные, зажигательные и сигнальные гранаты.

Никогда нельзя сказать, что может понадобиться. Известно только, что чего-нибудь вечно не хватает.

В нагрудном кармане — портативный медицинский компьютер для диагностики, выдачи лекарств и оказания первой помощи раненым — если, конечно, до них удастся добраться. Брэдли помнил, как обращались с ранеными халиане. От этого воспоминания сержанта передернуло. Он откинул забрало своего шлема и отер испарину. Стал виден багровый рубец, наискось пересекавший лоб.

Брэдли не носил ножа, зато на его левом бедре висели массивные ножницы для резки проволоки. Однажды ночью этим инструментом он убил семерых халиан.

Сержанту было двадцать восемь стандартных лет. Его глаза казались старыми, как кора планеты.

— Пойдем, Топ, — сказала Синкевич, положив свою большую ладонь на все еще сжимавшие шлем пальцы старшего сержанта. Майор Ковач торопливо приближался к ним, а лимузин, набирая скорость, удалялся со двора. — Нам нужно поймать такси.

— Верно, — произнес Брэдли севшим голосом. — Верно, именно это нам следует сделать.

Он молился, чтобы Охотников как можно быстрее перевели на планету, где бы не крутились тысячи халиан в форме Флота.

Сержант Кастис, командир отделения, три года прослуживший Охотником, провожал Ковача на борт транспортера, а Синкевич и Брэдли пристегнули ремни, устроившись на боковых сиденьях экипажа.

— Капитан, то есть, простите, майор, — сказал Кастис, наклонившись к шлему командира. — Правда ли, что халиане собираются взорвать свою планету, если мы не успеем обезвредить мины?

Ковач поморщился. Одна из проблем, связанных с этими вонючими слухами, состояла в том, что они были верны только наполовину.

Ковач убедился, что плоская коробка надежно держится на поясе. Это устройство он только что получил в лимузине.

Вторая проблема, касавшаяся вонючих слухов, заключалась в том, что все-таки они наполовину были верны.

— Не переживай, Бак, — подбодрила Кастиса капрал Синкевич. — На этот раз все должно пройти как по маслу.

Головной транспортер с 1 — м взводом проследовал через ворота. За десантниками двигалась платформа; транспортер со взводом вооружения и штабом Ковача был третьим.

Сильный встречный ветер затруднял управление машинами, но зато разгонял желтую песчаную пыль, которую поднимали винты.

Транспортеры десантников обладали достаточной подъемной силой, чтобы лететь, а не только скользить на воздушной подушке. Но на этот раз Ковач велел водителям не подниматься над землей. В конце концов, предполагалось, что Охотники сопровождали землеройную технику... или что-то еще.

— Шестой — всему личному составу Охотников, — произнес Ковач, позволяя искусственному интеллекту, встроенному в шлем, прорваться сквозь встревоженные голоса солдат. — Из официальных источников мне известно, что приближается вражеский флот, — громко объявил Ковач.

— Халиане! — прорычал ближайший к нему десантник.

— Нет, теперь наши враги — люди, — твердо произнес Ковач. — Если кто-нибудь из новичков сомневается в этом, пусть поговорит с ветеранами. Эти люди встречались нам и раньше.

Пусть не думают, что Халия нарушила условия капитуляции. Слова Ковача льстили ветеранам, подчеркивая, что кое в чем они разбираются лучше майора. И теперь старички должны были поддерживать линию командира как неоспоримую. А ни один солдат из пополнения, даже будучи десантником с приличным стажем, не осмелится усомниться в словах настоящего Охотника за Головами.

Быстро передвигавшийся конвой находился в трех милях от базы снабжения Ледибед — одного из сотен военных складов Флота, которые выросли в считанные часы после захвата Халии. Местность была пустынной.

Здесь рос коричневый, серый и темно-бордовый кустарник. Скучная растительность тонов глубокой осени и ни одного зеленого пятнышка. Никакого жилья, за исключением похожей на улей лачуги, вокруг не было.

Как мог Альянс когда-то поверить, что примитивная раса халиан способна самостоятельно вести межзвездную войну?!

— Командующий Флотом считает, что наши враги из Синдиката... — сказал Ковач, обшаривая взглядом территорию, каждый миллиметр которой уже был изучен с орбиты, — ...воспользовались своими прежними связями с Халией, чтобы установить группу термоядерных устройств в нестабильных точках планеты. Если заряды сработают одновременно, они расколют Халию как яйцо и уничтожат здесь все и всех.

Капрал Синкевич усмехнулась и едва слышно прошептала на ухо Брэдли:

— Включая нас.

Конвой неся со скоростью свыше ста километров в час. Платформы было трудно разогнать, но они оказались способны развить большую скорость, чем ожидал Ковач. Броня транспортеров понижалась с боков, чтобы десантники могли мгновенно открыть огонь или высадиться.

— Мы здесь, потому что здесь мы нужнее. В космическом бою от нас было бы пользы, как от синицы на спине у кабана, — продолжил Ковач. — Во всяком случае, за оставшееся до атаки время не успеет эвакуироваться даже персонал Флота. Мы не будем удирать. Вместо этого наши инженерные части собираются выкопать мины Синдиката.

Выкопать мины — или заставить их сработать несинхронно, вызвав серию взрывов, а не один сокрушающий планету удар. Нарушение синхронности было вполне удовлетворительным решением для всех, кроме тех, кто окажется в эпицентре взрыва.

— Наше дело просто охранять технику, — заключил Ковач. — Это несложно, но будьте внимательны.

Желтый свет мигнул на поднятом визоре шлема Ковача: один из офицеров хотел задать вопрос, и искусственный интеллект счел, что майору следует выслушать его.

— Говорите, Гамма Шесть, — разрешил Ковач.

— Ник, — обратился к нему Хорстман из третьего взвода. — Почему землеройные машины должны охранять десантники? И от кого?

— Хороший вопрос, — согласился Ковач.

Он сам спрашивал о том же, когда приказы пронзительно звучали из громкоговорителя во временных казармах Охотников. Голос на другом конце линии отрезал тогда: «От всего!» — и связь прервалась.

Для штабного начальства это было обычной формой ответа, но сам Ник Ковач не любил так обращаться с людьми из своего подразделения. Со спокойной уверенностью, не позволявшей заподозрить, что командир сам безнадежно ломает голову над тем же вопросом, майор ответил:

— Штаб беспокоится по поводу халиан, которые не знают, что их планета капитулировала. Не исключено также, что местные жители считают, что мы ставим мины, а не обезвреживаем их. Вы же знаете, как возникают слухи.

Брэдли рассмеялся. Ковач засмеялся тоже.

Еще раз мигнул свет: теперь вопрос возник у сержанта Байнума, командовавшего взводом вооружения вместо Вокинга (Вокинг умер от анафилактического шока на базе Синдиката, но штаб Флота утверждал, что Охотники никогда не видели этой базы).

— Говорите, Дельта Шесть.

— Капи... извините, майор, — ветераны постоянно забывали о новом звании своего командира. Ковач сам иногда не помнил этого. — Как все-таки были обнаружены эти планетные мины?

Что ж, кто-то должен был задать и такой вопрос...

— Было использовано А-Потенциальное оборудование, — спокойно ответил Ковач. Его глаза слезились от ветра. — Девяносто вторая Тоби Инглиша находится на орбите на борту «Хэйга». Эсминец укомплектован новейшей аппаратурой, и они произвели картографию верхних слоев планетной коры.

— Этот АПОТ — дерьмо, — сказал Байнум. — Вроде той штуки, что оставила нас качаться на ветру во время последней миссии? Той самой миссии, о которой начальство сказал, что ее не было — только мы почему-то потеряли четырнадцать человек.

Единственное, что Ник Ковач действительно понимал об А-Потенциальном оборудовании, — это то, что никогда бы не захотел вновь прибегнуть к нему. Ни одному десантнику не следовало иметь дело с силами, для которых все точки во времени и пространстве одинаковы. Возможно, было бы неплохо, если бы кто-нибудь другой из союзников воспользовался этой технологией, но...

Искусственный интеллект в шлеме Брэдли не мог организовать это обсуждение без разрешения командира... но организовал же. Старший сержант понял, что пора вмешаться.

— Если ты, Байнум, заботаешься о спасении своей задницы, тебе вообще не следовало идти в Охотники, — с грубой прямоотой бросил Брэдли.

Ковач машинально ощупал специальное связное устройство на поясе. Пластик был холодным.

Байнум пробормотал что-то в свое оправдание.

— Альфа Шесть — Шестому, — коротко сказал командир первого взвода, находившийся на переднем транспортере. — Вижу высоту Один-Шесть-Пять. Прием.

— Хорошо, — отозвался Ковач. — Что ж, Охотники, мы на месте.

Истерзанная ветром растительность на унылых каменистых склонах низких холмов — вот и все приметы пейзажа, расстилающегося вокруг насколько хватало глаз.

— Окопайтесь, следите за датчиками и скажите спасибо, что мы получили легкое задание.

«...И, занимаясь всем этим, молитесь, чтобы вице-адмирал Флота Ханна Тентелбаум, которая послала сюда Охотников, не сделала этого по личным соображениям». У майора были веские основания подозревать вице-адмирала Тентелбаум в предательстве в пользу Синдиката...

Капрал Синкевич оглядела окрестности, переключая визор с обычного просмотра на инфракрасный, ультрафиолетовый и обратно. Ничего подозрительного она не увидела. Почему же ее все больше охватывала тревога?

В дополнение к тяжелому снаряжению и перекинутой через плечо штурмовой винтовке Синкевич легко сжимала в руках трехзарядное ружье. Пока что в оружии не было необходимости, но где-то здесь могло...

— Гамма Шесть — Шестому, — прозвучал голос в шлемофоне. — Мы окопались. Конец связи.

Каменистый грунт в секторе третьего взвода был немного более податливым, поэтому они закончили раньше первого и второго взводов.

Высота 165, место раскопок, была одной из группы небольших возвышенностей на бесплодной равнине. Кран устанавливал экскаватор в рабочее положение, носом вниз. Синкевич неожиданно услышала взрыв ругани, когда ветер в очередной раз отклонил висевшую на тросах машину от требуемого положения.

Охотники заняли позиции повзводно, чуть ниже гребня холма, чтоб не выделяться на фоне неба. Каждый взвод имел в распоряжении плазменное оружие с ленточной подачей и отвечал за 120 — градусный сектор...

В тоскливом однообразии этой пустыни можно было представить только коренастую фигуру халианского пастуха. Синкевич попыталась вообразить халианский город, из которого на людей накатывали лохматые волны врагов, но заподозрить, что где-то здесь скрыто поселение, было просто нелепо.

Подземный комплекс тоже исключается. Если А-Потенциальное оборудование «Хэйга» обнаружило планетные мины, находившиеся в глубине коры, оно зафиксировало бы любые крупные аномалии, лежащие достаточно близко к поверхности.

Так откуда же чувство тревоги?

Автономный экскаватор коснулся земли. Его команда включила резак. Раздался свист, перешедший в вой и наконец в отдававшиеся в животе инфразвуковые колебания.

Огромный механизм исчез в скале так же стремительно, как камень тонет в пруду. Тридцатисантиметровая струя магмы вырвалась на поверхность и отклонилась на девяносто градусов в магнитном отражателе, расположенном над краем шахты. Расплавленная порода перелетела через низину, чтобы выплеснуться на каменистую равнину и остыть в трех километрах от места работ.

Пульсирующие потоки раскаленной магмы продолжали пересекать сектор второго взвода каждую минуту.

Майор и сержант возвращались после беседы с инженерами. В одной руке у Брэдли был коммуникатор незнакомой конструкции. Командир снова был спокоен. Сейчас Синкевич должна очень тщательно следить за окрестностями, потому что в любой момент могли появиться халиане.

— Что-нибудь заметили, капрал? — спросил майор нарочито небрежным тоном. Дурные предчувствия Синкевич не укрылись от внимательного взгляда Ковача.

Синкевич пожала плечами.

— Я ничего не обнаружила, — призналась она. Ее пальцы, сжимавшие плазменное ружье, были влажными.

Кран опустил первую секцию труб вслед за экскаватором. Импульсы, проходившие вдоль магнитного поля труб, фокусировали поток в центре скважины, пока он не отклонялся на поверхности.

Ковач, вероятно, испытывал те же предчувствия, что и Синкевич, чем бы они ни были вызваны — он снова прикоснулся к незнакомому черному предмету, укрепленному у него на поясе.

Синкевич заметила его жест.

— Знаете, — сказала она. — Мне показалось, что этот парень, который вызвал вас в машину, там, на дворе... что это был Грант.

— Проклятый шпион, — пробормотал Брэдли. Его пальцы машинально забегали по оружию и амуниции, словно сержант перебирал четки.

— Да, это был Грант, — согласился Ковач. Он хотел что-то добавить, но передумал.

Они не пользовались каналом связи. Ветер, овеивавший холмы, уносил слова в равнодушное небо Халии.

Брэдли прикоснулся к черному корпусу устройства, полученного майором в лимузине Гранта. Оно представляло собой квадратную пластину со стороной в десять сантиметров. На наружной поверхности не было ничего, кроме закрытого сеткой отверстия и небольшого овального углубления под ним.

— Я думал, — произнес старший сержант, высказывая предположение, которое сделала сама Синкевич, — что все А-Потенциальное оборудование должно было быть возвращено после последней миссии, не так ли?

Лицо Ковача изменилось.

— Это коммуникатор, — сказал он. — По крайней мере так утверждает Грант. Он считает, что нам, может быть, придется связаться с ним, если здесь что-нибудь произойдет.

Ковач мрачно окинул взглядом окружавшие их пологие холмы:

— Не похоже, чтобы здесь таилась какая-нибудь опасность, не правда ли?

Правая рука Синкевич начала затекать. Она подставила ее ветру.

— Тогда чего же ожидает Грант? — как можно равнодушнее спросил Брэдли.

Ковач пожал плечами.

— У нас не было времени для разговора, — ответил он. Взгляд майора был обращен к горизонту. — Только странно, что остальные двенадцать экскаваторов высланы в сопровождении отрядов полиции. Лишь этот охраняется десантной ротой.

— А кто отдавал приказы? — услышала Синкевич собственный голос.

— Кто, черт побери, может это знать в такой ситуации? — проворчал Ковач. — Грант сказал, что он проверит, но на это потребуется пара дней... если что-нибудь останется, когда Синдикат нанесет удар.

Осторожно поглаживая пальцами устройство связи АПОТ, Ковач неискренне добавил:

— Нет оснований считать, что кто-то пытается избавиться от Охотников из-за того, что они слишком много видели во время последней миссии.

— Конечно, нет, — с фальшивой бодростью поддержала Синкевич, продолжая всматриваться в унылый горизонт.

Брэдли уставился на изображение на плоском экране. Он отрегулировал резкость, но картина не изменилась.

— Майор! — отрывисто произнес он. — У нас что-то происходит!

Брэдли одолжил экран у инженеров, чтобы командование Охотников могло следить за экскаватором. Датчик в скале передавал сейсмические колебания в микропроцессорный контроллер экрана для анализа.

Хотя устройство было небольшим, оно отличало вибрации, передаваемые излучателем на корпусе экскаватора, от рева резачек и крыльчаток. До сих пор на экране появлялись только напечатанные за главными буквами краткие доклады:

**ПРОШЛИ ДВА КИЛОМЕТРА, ВСЕ В ПОРЯДКЕ.
ПРОШЛИ ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ, МЕНЯЕМ ГОЛОВКИ ПЯТЬ-ТРИ И ПЯТЬ-
ЧЕТЫРЕ НА ЗАПАСНЫЕ.
ПРОШЛИ ВОСЕМЬ КИЛОМЕТРОВ...**

Когда не поступало сообщений для декодирования, экран составлял карту окрестностей. На ней Брэдли и обнаружил это изображение.

Укрытие командования было таким же тесным и убогим, как и у остальных. Стенки укреплены цементирующим составом, а крыша, сделанная из присыпанного грунтом листа монокристаллического бериллия, покоилась на тридцатисантиметровых опорах.

Ковач и старший сержант столкнулись плечами, когда оба склонились над экраном. Синкевич задела головой крышу, пытаясь выглянуть из укрытия с противоположной стороны.

— Что это? — спросил Ковач. Потом он сказал: — Перед нами всего лишь высота Два-Два-Четыре, верно? Вибрации от экскаватора заставляют скальную массу выделяться.

— Нет, сэр, — возразил Брэдли. — Было изображение, и оно изменилось.

Его губы пересохли. Сержанту никогда раньше не случалось пользоваться таким экраном, и он мог попросту обознаться. Он чувствовал себя как новичок, стреляющий ночью при каждом звуке. Но... годы борьбы за выживание научили Брэдли чувствовать нутром, когда нужно вжаться в землю, а когда выстрелить именно в этот кустик, не отличающийся от других на много миль вокруг.

Что-то было не так.

ПРОШЛИ ДВЕНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ, появилась надпись на экране, заслоняя карту территории. ГОЛОВКИ ИСПРАВНЫ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ, ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

Дрожащее изображение карты вернулось на экран. Оно изменилось, но и облака над ними переместились; планета, конечно, жила своими собственными ритмами вибраций помимо вмешательства человеческой техники.

— Экскаватор углубляется, и вибрации здесь наверху выглядят иначе, — пробормотала Синкевич. Она посмотрела через бойницу на высоту 224 и вручную установила максимальное увеличение своего визора.

— Охотник Шесть — всему личному составу, — объявил Ковач ровным, решительным голосом. — Полная готовность. Взводу Альфа наблюдать за высотой Два-Два-Четыре. Дельта Шесть, приготовьтесь переместить половину вооружения в сектор Альфа по команде.

В километре от них на склоне холма блеснул металл. Брэдли поймал его в прицел своего визора и крикнул:

— Вести цель! — для того, чтобы его искусственный интеллект указывал всем Охотникам объект в пределах его видимости.

— Внимание, — продолжал майор. — Ключ Один-Три, Региональное управление огнем, говорит Охотник С...

Передача растворилась в неожиданном реве помехи. Искусственный интеллект Брэдли отрезал шум, чтобы спасти слух и разум, сержанта.

Блеск на высоте 224 исчез в ослепительной вспышке плазменного оружия. Поднялся шар из газообразного металла, который, остывая, превратился в небольшое грибовидное облако.

— ...цель для вас, — продолжал Ковач, не слыша Брэдли.

Передавая сообщение, майор не мог знать, что его информация превратилась в бессмыслицу с помощью очень совершенного глушителя. Вместо того, чтобы попытаться грубой силой подавить все частоты, враг использовал алгоритм, позволяющий имитировать сигналы передатчиков Флота с распределенными частотами. Слабый белый шум нарушал связь более эффективно, чем мощный гул, который мог привлечь к происходящему внимание штаба.

— Вас глушат! — сказал старший сержант, устанавливая реактивную гранату под ствол пулемета.

Воздушный поток, проходивший сквозь осевое отверстие гранаты, стабилизировал ее полет, несмотря на небольшую начальную скорость. Боеголовка была пустотелой, но двенадцатисантиметровый диаметр делал ее эффективной против довольно толстой брони.

ПРОШЛИ ВОСЕМНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ, возникла надпись на экране. Звук, передаваемый по камню или воздуху, не мог быть заглушен. Брэдли слышал крики десантников с обеих сторон — их устройства связи не работали.

Склон высоты 224 излучал сверкающую враждебность. Брэдли настроил визор на максимальное увеличение, когда винтовка Ковача и плазменное ружье Синкевич

присоединились к раскатиستому грому оружия всего первого взвода.

Врагами оказались машины. Они были размером с человеческую голову — достаточно маленькими, чтобы быть принятыми за кристаллические включения в скальную породу, когда «Хэйг» искал планетные мины.

Их были тысячи. Прорываясь на поверхность и двигаясь к Охотникам на высоте 165, они собирались в более крупные конструкции.

Брэдли схватил Синкевич за плечо. Ионизированный воздух мерцал вдоль траектории ее выстрелов.

— Береги заряды! — крикнул Брэдли.

Он протиснулся сквозь узкую щель под крышей, потом сунул руку назад за пулеметом. Реактивные гранаты предназначались для стрельбы на расстояние не более пятисот метров. Они могли оказаться неэффективными против такого врага даже при стрельбе в упор.

Брэдли пригнувшись побежал к расположенному справа укрытию, в котором находилось обслуживаемое расчетом плазменное орудие. Он ожидал пуль, лучей — чего-нибудь, но машины противника только продолжали катиться вниз по склону, подобно металлокерамическому грязевому потоку.

Даже с дистанции в тысячу метров пули штурмовых винтовок десантников, по-видимому, оказывали некоторое воздействие на отдельные машины. Объект, находившийся в простреливаемой зоне, блеснул в облаке каменной пыли, поднятой от ricochetировавшей пулей. После третьего или четвертого попадания машина опрокинулась и замерла.

Когда же две или более машин объединялись, новое устройство отделялось от пуль с безразличием собаки, бегущей под дождем. Только прямое попадание плазменного заряда могло подействовать на него — а взвод вооружения имел всего лишь по сотне зарядов на каждое из орудий с ленточной подачей.

Брэдли присел позади укрытия.

— Рауш! — крикнул он. — Блэйр!

Расчет выпустил еще одну короткую очередь. Воздух загремел, заполняя след, прожженный в нем, у Брэдли защипало в горле от озона.

Он пролез в щель и ткнул стрелка между лопаток стволом пулемета.

— Рауш, черт бы тебя побрал! — рявкнул он.

Стрелок и его помощник удивленно обернулись. Их глаза расширились, когда они увидели оружие и искаженное яростью лицо Брэдли.

— Одиночный огонь! — приказал старший сержант. — И не стреляйте, пока не соединятся хотя бы три этих проклятых устройства! Экономьте боеприпасы!

Брэдли поднялся, чтобы бежать к следующему орудийному укрытию первого взвода, но Ковач уже был там и отдавал распоряжения.

На капитана всегда можно было положиться.

Рауш снова открыл огонь, превратив одиночными выстрелами сначала одно, а потом другое составное существо в огненные шары.

Не каждый выстрел достигал цели. Машины двигались быстрее, чем казалось поначалу. Уцелевшие уже покрыли половину расстояния до позиций Охотников.

Брэдли скачками передвигался по холму. Груз оружия и амуниции давил на него, словно он пытался плыть, обмотавшись цепью. Без радио можно было только лично передать приказ о перемещении плазменного оружия из дальних секторов к позициям первого взвода.

Брэдли решил бросить патронташи от пулемета, потому что был уверен в их бесполезности, но его рука остановилась на полпути.

Сейчас не стоило расставаться с оружием. Даже самым ненадежным.

— Грант! — крикнул Ковач в коммуникатор АПОТ, когда сверкающее пятитонное существо начало неуклюже карабкаться по склону в сторону укрытия. Это была последняя из атакующих машин, но она подошла слишком близко для того, чтобы какое-нибудь из плазменных орудий смогло уничтожить ее. — Нам срочно нужна помощь! Опустите «Хэйг»! Нам требуется тяжелое вооружение!

Синкевич стреляла короткими очередями из штурмовой винтовки. Пули рассыпались золотистыми искрами, отлетая от магнитного экрана существа, в сантиметре от его металлической поверхности.

Позади Синкевич на дне укрытия валялось бесполезное плазменное ружье. Его ствол все еще светился темно-красным светом. Она истратила два последних плазменных заряда мгновение назад, когда два приплюснутых робота внезапно кинулись на нее с разных сторон.

Эта парочка сейчас трещала и пузырилась, плавая на скале от своей внутренней энергии; но оставался еще один, а у Синкевич кончились плазменные заряды. Ковач бросил коммуникатор и прицелился из винтовки. Существо было в пятидесяти метрах. Оно отдаленно напоминало земляного червя, но, похоже, скользило вперед, не касаясь земли.

Темное пятно над округлой носовой частью могло быть окном датчика. Во всяком случае, в него стреляла Синкевич и, может быть, если выстрелить одновременно из двух винтовок...

Ковач потянул спусковой крючок, откидываясь назад из-за отдачи. Сквозь легкую пороховую дымку он увидел, что его пули истрачены впустую.

Толстый черный цилиндр реактивной гранаты полетел к цели по настильной траектории. Ковач и Синкевич нырнули на дно укрытия. Глухой взрыв бронебойного заряда заставил землю содрогнуться и приподнял десантников на несколько сантиметров.

Ковач выглянул. Ветер уже разорвал в клочья черный дым взрыва. В корпусе машины появилось отверстие с большой палец. Пробоина расширилась, когда морда существа провалилась внутрь корпуса, подобно гниющему плоду при замедленной съемке.

Брэдли присел позади укрытия, устанавливая на пулемет еще одну реактивную гранату. Это был его последний боеприпас: пустые контейнеры позвякивали, свешиваясь с патронташей.

— Вы связались с Грантом? — требовательно спросил старший сержант. — К нам идет помощь?

— Я за то, чтобы отступить, — пробормотала Синкевич. Она смотрела на цилиндр гранаты, которую отцепила от пояса, чтобы кинуть в случае необходимости. Граната предназначалась для уничтожения бункеров и была действенной в замкнутых пространствах, но, возможно, бесполезной против бронированного противника на открытой местности.

— Транспортеры не заведутся, — спокойно сказал Брэдли. — У нас осталось семьдесят процентов энергии, но система управления не пропустит ток к вентиляторам.

Возникла тишина, нарушаемая только вибрацией скал, которая распространялась от скважины и возносилась в небо. Поток магмы, выплескиваясь на камни, становился темно-оранжевым.

Плазменное орудие начало наносить одиночные удары по новой цели.

Огненные шары вспыхивали на высоте 224. Каждый раз, когда дым разрыва относил в сторону, что-то новое металлическое поднималось из того же оплавленного кратера. После шестого выстрела орудие умолкло.

— Не знаю, удастся ли мне связаться, — сказал Ковач. Он взял коммуникатор и некоторое время смотрел на него. Потом повернулся и крикнул соседнему укрытию справа: — Все плазменное оружие на сектор первого взвода! Передайте дальше!

— Все плазменное оружие на сектор первого взвода! — подхватила Синкевич, обращаясь к соседям слева. — Передайте дальше!

Укрытия находились в пределах слышимости друг от друга. Было рискованно оголять другие секторы, но движение на высоте 224 доказывало, что здесь будет предпринята еще одна атака. Оставалось только два плазменных орудия, которые не были использованы в первой схватке и имели достаточно боеприпасов, чтобы отбить вторую атаку.

У Ковача пересохло в горле. Он не чувствовал отвратительный запах дыма, валившего из останков робота, лежавших прямо напротив укрытия. Но ткани его носа и рта сжимались от предчувствия грядущей кары.

Майор положил большой палец на овальное углубление под переговорной сеткой

коммуникатора и хрипло произнес:

— Грант, это Ковач. Пожалуйста, ответьте. Нам срочно нужна поддержка истребителей. Нас атакуют машины.

Ковач гадал, имели ли роботы встроенные программы для искусственного интеллекта или какой-то оператор Синдиката управлял ими дистанционно. Как тогда эта идиотская ситуация выглядела с точки зрения врага?

— Нам нужны боеприпасы и огневая поддержка. — Голос майора дрогнул. Он взял себя в руки и продолжил: — Ради Бога, Грант, пришлите сейчас сюда Тоби Инглиша и «Хэйг»!

Ковач убрал палец с углубления. Похоже, он зря нажимал на него. Ни звука — ни слов Гранта, ни шума — не донеслось из переговорного отверстия, когда он отпустил «кнопку».

Может быть, никакой кнопки не существовало? Может быть, не существовало никакого устройства связи, а была просто пластиковая коробка, которую этот шпион вручил Ковачу, чтобы быть уверенным, что Охотник Шесть возьмется за задание, означающее его гибель...

— Проклятие, — пробормотал Брэдли, уставясь на изборожденный склон высоты 224.

Из второго взвода прибыл, пошатываясь от усталости, орудейный расчет с готовым к стрельбе плазменным орудием на треноге. Стрелки расположились позади командного укрытия. Один припал к прицелу, его помощник помогал третьему из расчета заправлять стозарядную ленту, которую он нес, пока его товарищи перетаскивали орудие.

Массы блестящего металла появлялись из грунта на склоне, словно из холма сочилась ртуть. Шары были крупнее, чем во время первой атаки, и соединялись, как только возникали на поверхности.

Ружейная канонада не оказывала действия на существа. Никто из командования даже не потрудился выстрелить.

Три плазменных орудия, а потом и четвертое изрыгнули свои ослепительные молнии. Сверкающий металл взметнулся на сотни метров вверх. Весь склон холма сиял нестерпимым блеском.

Металлический шар продолжал расти. Он уже достиг размеров собора. Сгустки плазмы больше не причиняли вреда сверкающему корпусу робота.

Он скользнул вперед. Воронка, оставленная им на склоне высоты 224, могла возникнуть в результате ядерного взрыва.

Только два плазменных орудия продолжали вести огонь. То, которое было ближе других к укрытию командования, израсходовало почти всю ленту зарядов. Ствол орудия светился, а скала в метре от него сплавилась, превратившись в стекло.

Сержант Брэдли нацелил реактивную гранату и стал ждать. Синкевич разложила все свои контейнеры с гранатами на переднем крае укрытия, чтобы бросать их одну за другой, как только цель приблизится на достаточное расстояние.

Ковач разрядил штурмовую винтовку в сверкающую массу. Машина уже находилась в середине низины. Из-за своего размера существо двигалось с вводившей в заблуждение скоростью.

Взгляд Ковача поймал новое сообщение на экране:

**ТРИДЦАТЬ СЕМЬ КИЛОМЕТРОВ. ЦЕЛЬ ОБЕЗВРЕЖЕНА БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ.
ЛЕГКАЯ РАБОТА. НАЧИНАЕМ ПОДЪЕМ.**

Топ выстрелил реактивной гранатой. Вспышка взрыва бронебойного заряда лишь скользнула по защите монстра, и ничего больше.

Волны жара шли от ствола пулемета Ковача. Он расстрелял целый магазин одной длинной очередью и снова перезарядил оружие. Когда существо приблизилось на сорок метров, он начал бросать гранаты.

...И я скажу Тоби Инглишу: «Вы, идиоты, довели нас до ручки! Еще десять секунд, и

от нас не осталось бы ничего, кроме жирных пятен!»

Ник Ковач рассмеялся и снова нацелил винтовку на монстра, высившегося на фоне неба, в котором не было надежды.

Дженет Моррис. БРАТОУБИЙСТВО

— Тоби? — Голос Клиари, раздавшийся в наушниках капитана Толливера Инглиша, был полон такой пленительной женственности, словно они сейчас нежились в постели. Эх, если бы! На дисплее его капитанского шлема замигала красная точка, означавшая «СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ».

И так ясно, что срочное, черт бы их побрал! В самый разгар битвы, в которой решается судьба Флота, девяносто вторая рота морских пехотинцев влипла в дрянную историю. Таковую, что хуже просто некуда! Их реорганизовали в «спецподразделение электронных разработок» при СЕРПА, оснащенное оборудованием класса Икс и выполняющее задания особой сложности.

СЕРПА расшифровывалась как Агентство Специальных Электромагнитных Исследований. И неудивительно, что изображение на контрольно-командном дисплее, встроенном в шлем Инглиша, напоминало ночной кошмар. А виновата в этом была в первую очередь Клиари, его технический консультант.

— Тоби? — снова раздался ее голос. — Дельта Два, вы меня слышите?

Инглиша, сидевшего в этот момент в десантном корабле в ожидании высадки на броню вражеского крейсера, очень мало занимали слова Клиари.

Его искусственный интеллект по данным химических анализов определил, в каком взвинченном состоянии находится сейчас капитан, и убрал с дисплея красную точку сигнала Клиари. В наушниках слышались суровые голоса ребят из «Красной Лошади», немного взбудораженных перед началом операции. Инглиш переключился на обзор текущей обстановки. На экране появились люди в боевом снаряжении, оборудование, оружие, помещенные в чрево МТНО — Модуля Тайных Ночных Операций.

Старший высадки уже поплыл к двери, по-паучьи перебирая руками. Вот-вот ворота шлюзовой камеры распахнутся и командос окажутся в бескрайней космической пустыне, где не будет ничего, кроме звезд, вражеского оружия, телероботов, где почти нет гравитации. Инглиш всегда тяжело переносил сражения в условиях микрогравитации. Вот и сейчас у него заранее пучило живот.

Он лично протестировал прикрепленный за спиной агрегат ЭЛВИС/ЭВА, совмещавший блок питания, реактивную установку и жизнеподдерживающую систему для космического боя. Это была несерийная продукция, разработанная СЕРПА для сверхсложных операций. Без такого приспособления капитан уже десять раз был бы мертвецом. Но, если тебе везло до сих пор, это еще вовсе не значит, что ты бессмертен. Девяносто вторая рота Инглиша совместно писала книгу, обобщающую опыт подобных боев. И выведенное соотношение между живыми и погибшими мало обнадеживало.

Постепенно нервозность прошла — легкое похрапывание одного из ветеранов и чье-то ритмическое чавканье жевательной резинкой подействовали на Инглиша успокаивающе.

Он обернулся к Траску и сделал вопросительный жест.

Траск, сержант его роты, поднял кулак с оттопыренным большим пальцем. Сейчас все нужно делать молча — никто не знает точно, какими возможностями располагает Синдикат и способна ли СЕРПА бороться с подслушивающими устройствами противника.

Лейтенант Сойер, ординарец Инглиша, легонько дотронулся до запястья капитана, а потом до собственного шлема.

Одновременно на шлеме Инглиша загорелась желтая точка — включилась двусторонняя связь.

— Вот ведь чертовщина какая, Сойер! Мне пришлось заглатывать все контрольно-командные данные прямо перед посадкой! — Он, конечно же, кривил душой. Наверняка

капитан смутно догадывался, что на захват корабля Синдиката пошлют именно его роту, но не хотел беспокоиться раньше времени. — Вы готовы к прыжку?

«Спрыгнуть» и «высадиться» означало примерно одно и то же. Если вы принадлежите к специальной электронно-исследовательской команде, то сражаться, как правило, приходится в открытом космосе. Подразделение Инглиша располагало экспериментальным оружием потенциала А, позволяющим быстрее, чем кому бы то ни было на Флоте, вскрывать цистерны, полные роботов Синдиката, и проверять, есть ли внутри управляющие роботами люди.

У Инглиша запульсировал диод двусторонней связи — это означало: включена защита.

— Скажите, капитан, — обратился к нему Сойер, — у вас все в порядке? Я только что разговаривал по рации с Клиари, нашим ТК.⁵ Она жаловалась, что не может пробиться к вам. Ваше переговорное устройство прошло тестирование?

— ТК — еще девчонка, — пробормотал Инглиш, но вовремя взял себя в руки и сменил тон. — Я поговорю с ней, как только выдастся свободная минута. Но только не сейчас, черт возьми, не перед началом операции. Если будет докучать, скажи ей, чтобы держалась подальше от кнопки индивидуальной связи.

Сойер поднялся с грацией мастиффа — разительное сходство с этим гигантским бесстрашным зверем и сделало его приближенным Инглиша — и медленно проплыл над пехотинцами. Он направлялся к Инглишу.

Когда их шлемы соприкоснулись, лейтенант сказал так, чтобы не было слышно в эфире:

— Тоби, ты только не волнуйся. ТК говорит...

— К черту ТК, — оборвал Инглиш, но голову не отдернул. Скафандр его зашелестел — включилась система кондиционирования. Клиари просто добивает его. Заставляет нервничать перед самой... — Не обижайся, Сойер. Просто в этот раз у меня нехорошее предчувствие.

— Если с тобой что-то случится, можно я получу твои надбавки за боевые вылеты?

— Конечно. Слетай в отпуск на АСА-ЗЕБРА и Мэннинг с собой прихвати. — Инглиш отключил сканеры на шлеме и деполяризовал его, чтобы заглянуть Сойеру в глаза. — До высадки остается минуты две. Если хочешь мне что-то сказать, Фрэнк, говори сейчас.

Они знали друг друга слишком долго, и Инглиш сразу понял: Сойер подает ему какой-то знак. Совсем не тестирование переговорного устройства интересовало сейчас лейтенанта.

Забрало Сойера стало прозрачным, и он перешел на индивидуальный электронный режим. В этот момент искусственный интеллект в шлеме Инглиша решил, что капитану нужно еще раз сканировать район высадки, и выдал на дисплей соответствующее изображение.

И когда у Инглиша перед глазами возникла синтезированная диаграмма: корабль Синдиката — тот самый корабль, на который морские пехотинцы собираются спрыгнуть с взрывными факелами и «открывалками», Сойер сказал:

— ТК хотела, чтобы вы знали: Двадцать первая рота Ника Ковача просила прислать именно нас. Разобрать слова было трудно, но Клиари поняла — майор говорил об огневой поддержке и эвакуации. А потом «Хэйг» потерял связь с Ковачем.

— Сойер, я похож на космическое такси или добрую фею? — Инглиш невольно отвлекся от графика на контрольно-командном дисплее. Если у него и были на Флоте друзья, так это Ник Ковач. От услышанного во рту пересохло, а в горле начало покалывать.

Инглиш откинулся назад и, упершись головой в сетку, натянутую поверх переборки, стал рассматривать своих людей.

— Скажи ТК... — Вместо слов из горла вырвалось какое-то карканье, и пришлось начать снова: — Я поговорю с ней. А теперь приготовься к рок-н-роллу.

⁵ Технический консультант.

Старший десантной группы потянулся к декомпрессору. Загорелась красная лампочка, означавшая полную боевую готовность.

Искусственный интеллект Инглиша настроился на канал ТК, и, пока капитан обдумывал, что сказать, руки его автоматически проверяли застежки на перчатках, сенсорные агрегаты и ненавистное оружие А-потенциала, класса Икс.

Огонек тестера уже перепрыгнул на прицел телевинтовки, когда Клиари снова напомнила о себе красной точкой, мигающей на командно-контрольном дисплее. Эта точка показывала, что она, живая и невредимая, сидит в штабе эсминца «Хэйг». Инглиш снова привел заряд в соответствие с космическим временем и взял одной рукой винтовку в положение «на караул», вытянув другую руку в сторону старшего высадки — это был общепринятый сигнал, означавший: «Готовность номер один».

Сержант Траск уже помог первому из командос выскочить за ворота шлюзовой камеры, когда Клиари позвала снова:

— Дельта Два?

ИИ⁶ Инглиша был, есть и всегда останется «Дельта Один». «Дельта Два» — капитан Инглиш — может погибнуть в бою, тогда подключенный к системе телеуправления искусственный интеллект продолжит воевать за человека, используя экзоскелетный скафандр со стабильным энергопитанием, до тех пор, пока не решит, что операция достигла своей цели.

Каждый раз, когда Инглиш слышал голос Клиари, ему хотелось покончить с этой проклятой войной, улететь куда-нибудь далеко отсюда и спокойно растить детей. Он больше не прикасался к возлюбленной, потому что не мог продолжать спать с ней и при этом ежедневно рисковать собой. Хорошо хоть, что она не подвергается риску. По крайней мере напигованный новейшим оборудованием эсминец «Хэйг» был для Клиари относительно безопасным местом — насколько безопасность вообще возможна для военнослужащего.

— Дельта Два вызывает на связь ТК 92 — й роты. Слушай, Клиари, какого рожна тебе от меня нужно? Я ведь здесь не пивком разминаюсь и не пеленки стираю. — Она не знала, какие чувства капитан испытывает к ней. Знала лишь, что Инглиш не захотел оставить ее в своем подразделении, не объясняя истинной причины своего поступка.

Инглишу вообще трудно было с ней разговаривать. Когда Сойер начал спать с Мэннинг, Инглиш проклял все на свете. Он-то не мог спать с Клиари! И без нее тоже не мог, зная, что они разделены всего несколькими переборками. В результате капитан не спал вообще, и это вряд ли положительно сказывалось на его боевой готовности.

— Капитан, Сойер говорил вам о Коваче?

— Да, ТК. Послушай, у меня боевая операция. Я ведь не могу на части разорваться. Вы с Мэннинг действуйте самостоятельно, если считаете, что можете помочь двадцать первой роте. И по ходу дела проставляйте мою подпись на всех приказах. Большого для вас все равно никто не сделает.

Но голос Клиари настойчиво требовал большего. Клиари всегда слишком многого от него хотела. Он вдруг настолько отчетливо представил ее темные волосы, умные глаза, восхитительную попку, что на какое-то мгновение потерял из виду шлюзовые ворота.

Когда видение исчезло, в наушниках все еще слышался ее голос, горячо убеждающий в чем-то.

— Хорошо, так и сделай, — нетерпеливо отмахнулся Инглиш. Он не мог больше отвлекаться — в шлюзовой камере происходило что-то важное.

Отключив рацию, капитан постарался тут же выбросить из головы этот голос и ее саму, прислушиваясь к перепалке, вспыхнувшей между Сойером и старшим десантирования.

— ...не можем так рисковать! — орал старший десантирования.

— ...в задницу! — хрипел Сойер.

⁶ Искусственный интеллект.

Инглиш направился к спорящим по вздрагивающей палубе. А пока он шел, десантный катер МТНО продолжал удаляться от корабля Синдиката, находящегося под ним.

Оставляя на борту противника троих людей Флота!

Не останавливаясь, Инглиш сказал на открытых частотах, едва успев заметить, как ИИ переключает переговорное устройство:

— Траск — бегом на палубу вождения. Произошла какая-то ошибка. Сойер...

— Пилоты говорят — высадка невозможна... — перебил его Сойер.

— Это распоряжение пилота, капитан, — раздался в наушниках оглушительный рев старшего десантирования — Отмените операцию. Это слишком опасно.

— Да, конечно, — с понимающим видом сказал Инглиш и, горестно вздохнув, так врезал старшему высадки прикладом винтовки АПОТ, что тот отлетел, едва не пробив шлемом переборку.

Удар получился что надо. Старший высадки, безвольно обмякнув, рухнул на палубу. Привязывая его к сетке, Инглиш сказал:

— Пойдут все! Гинесс, высадишь их при готовности один.

Оставить троих товарищей на броне вражеского корабля?! Да как такое вообще могло прийти в голову!

Тут Сойер доложил по переговорному устройству: на площадке вождения все в порядке, она подключена к контрольно-командному пульту.

Неизвестно, что Сойер и Траск сделали с пилотами, но на ближайшее время у них отбило всякую охоту своевольничать. Слишком уж разнился подход к выполнению операций у морских пехотинцев и военных из приданных им сил поддержки.

А если за дело бралась 92 — я рота — самое элитное из всех подразделений Флота, занимающихся электронными исследованиями, то боевая техника и люди из других частей всегда выполняли лишь вспомогательные задачи. Их роль сводилась к материально-техническому обеспечению операции.

Инглиш оценил ситуацию раньше, чем подошвы его магнитных ботинок с компьютерным управлением соприкоснулись с обшивкой вражеского корабля. Броня просто кишела роботами Синдиката, отчаянно защищающими корабль от МТНО. Поведением чудовища напоминали телероботов. Но Инглиш знал заранее, что это не так. Вскрыв очередной вражеский корабль, десантники каждый раз убеждались, что внутри нет человеческих существ, да и не могло быть — там попросту отсутствовали системы жизнеобеспечения.

Сойер допускал, что Синдикат в принципе мог использовать какую-то разновидность средств связи АПОТ, потому что такое оружие с нулевой задержкой действовало на энергии, черпаемой непосредственно из Дираковского энергетического моря. С тех пор, как Сойер подружился с Мэннинг, офицером разведки с «Хэйга», он стал разбираться во всех этих устройствах не хуже ученого-ракетчика.

Инглишу же было совершенно наплевать, кто нашептывает роботам команды — да пусть хоть святые угодники. Его сейчас интересовало лишь одно — как сжечь вражескую оптику, испускающую энергетические заряды интенсивностью десять в десятой степени нейтронов на сантиметр, с мощностью, доходящей до шести миллионов электровольт. Тогда железные монстры, так похожие на людей, ослепнут и не смогут прицельно стрелять.

Заглушив мощной вспышкой получаемый роботами сигнал, он пустит в ход Излучатель Кратковременной радиации (ИКР), и лучи начнут проникать во внутренности роботов через каждый их сенсор, по каждой антенне.

Все антироботовое снаряжение класса Икс, используемое СЕРПА, было рассчитано на прицельную стрельбу. А для того чтобы робот попал в прицел, приходилось вступать с ним в поединок. Роботы Синдиката данной модификации были снабжены достаточно мощной системой защиты, чтобы противостоять ионному излучению до ста рад, поэтому в борьбе с ними надо было прибегать к смертельному для человека излучению мощностью до гигаватта.

А значит, посылая в роботов невидимые лучи, приходилось соблюдать предельную осторожность, чтобы не задеть своих. Использование устройств с визуальным наведением поставило людей перед опасностью братоубийства: промахнувшись, вы рисковали не только вывести из строя систему связи своего товарища по оружию, но и поразить его насмерть.

Роботов же нисколько не волновало, что они могут убить друг друга — лишь бы при этом погибали пехотинцы. Поэтому оставалось одно — прицелиться получше и стрелять, не мешкая. Даже если не видишь, что происходит снаружи поляризованного черного шлема.

Траск называл сумасшествием эти прыжки с безостановочной стрельбой. Каждый старается выпустить как можно больше очередей, прежде чем десантники распространятся по обшивке корабля, смешавшись с роботами противника.

Когда 92 — я полностью высадилась на корабль, на дисплее шлема Инглиша возникло поле боя, разбитое на квадраты.

Он бил по роботам, яростным хрипом встречая все новых железных чудовищ, выскакивающих из недр корабля. Эти адские создания, абсолютно нечувствительные к потерям, видимо, рассчитывали подавить десантников численным превосходством.

Трудно сказать, сколько роботов уничтожил Инглиш. Он давно сбился со счета. Полностью положившись на своего ИИ, капитан постоянно менял позицию, то мчался куда-то на полной скорости, то внезапно припадая к обшивке. Дельта Инглиша лучше командовал операцией, чем сам Инглиш. И оба чувствовали это — если, конечно, слово «чувствовать» применимо к Дельта.

Но когда Траск, ориентируясь по радиосигналам, наткнулся на пятерых роботов, пытавшихся удрать с телом Гинесса в полной экипировке Икс-класса, Инглиш взял командование на себя.

Изображение появилось одновременно на обоих визорах, и капитан даже задрожал от нестерпимого желания броситься на подмогу сержанту. Стрелять с такого расстояния было слишком опасно.

Но Две из трех его команд находились ближе к Траску, и разумнее было направить туда их.

Открывать огонь сверху, с Модуля, тоже было нельзя. Любое оружие, способное поразить роботов, одновременно выведет из строя систему связи и жизнеподдерживающие устройства десантников, а может и убить кого-нибудь из них. Стараясь сжечь электронно-оптические приборы противника, вы рисковали потерять и свои собственные. Получится стрельба по своим.

Переговорные устройства уже почти не работали. Чертов ИИ принял новое решение, и с дисплея исчезло поле боя, разбитое на квадраты. Теперь Инглиш видел лишь сигналы, подаваемые вручную, и отражения вспышек. У Инглиша было блокирующее устройство, позволяющее избавиться от опеки Дельта и действовать по своему разумению. Но капитан не решался это сделать — Дельта знал врага лучше.

Инглиш не слышал сейчас ничего, кроме собственного отрывистого дыхания.

Он снял показания с физиосканера и не поверил собственным глазам: пульс сто сорок, химические анализы выглядят так, как будто он — маньяк-насильник в состоянии экстаза. Организм потерял три литра воды. И это за четырнадцать с половиной метров пешего пути. Уровень потребления кислорода очень высокий — и слава Богу. Вообще удивительно, что после такого перенапряжения он до сих пор жив.

Но то, что он увидел, оглядевшись, повергло капитана в еще большее изумление: ни одного движущегося робота на обшивке вражеского корабля. Один ноль в пользу «Красной Лошади».

Инглиш включил запасное переговорное устройство, в котором раздался еле слышный голос Сойера.

— Наши потери, Сойер?

— Капитан, у меня один убит, двое ранены, но способны передвигаться, а трое уже внутри корабля.

— Завершаем операцию. — Инглишу так же мало хотелось спускаться внутрь синдикатовского судна, как лезть в берлогу хорьков. Или даже еще меньше: хорьки по крайней мере испытывают боль, когда умирают.

Он ненавидел эти проклятые войны с использованием искусственного интеллекта. Когда-то очень давно Инглиш мечтал убивать хорьков: косматых злобных чудовищ, живо интересующихся человеческой анатомией. Но он никогда не собирался воевать с электронными устройствами. И уж тем более с человеческими существами.

А теперь руководство решило, что флот и его пехотинцы будут бок о бок с хорьками сражаться против Синдиката. Инглишу это глубоко претило: убивать людей противоестественно.

Порой он просто сгорал от желания обнаружить человека из армии Синдиката в одной из тех цистерн, которые его рота вскрывала для СЕРПА, ОПСКОМ (Агентство космических коммуникаций), ИСА (Агентство Стратегической Разведки) и других шпионских ведомств со сложными аббревиатурами. Вытащить синдика оттуда и добиться у него ответа на больной вопрос: что, черт возьми, произошло и почему люди стали врагами людей.

Но потом Инглиш вспоминал, кто он такой и для чего здесь находится. Вспоминал, что он — капитан команды морских пехотинцев и что его роту с чьей-то легкой руки сделали диверсионным подразделением Флота, выполняющим задания особой сложности.

И все-таки, даже будучи десантником, Тоби Инглиш никогда не хотел убивать себе подобных. Он по-прежнему считал, что это не его дело. Собственного врага — например, шпиона по имени Грант — он, возможно, хотел бы застрелить. Но как можно уничтожать совершенно незнакомых людей, к которым не испытываешь личной ненависти? Преобразовав 92 — ю роту в спецподразделение технокоммандос. Грант и его дружки из команды Восьмого Шара отправили пехотинцев убивать. И Инглиш был бессилен этому воспротивиться.

Но если бы ему посчастливилось когда-нибудь захватить в плен человека Синдиката, если бы выдалась возможность побеседовать с таким человеком, он наверняка задал бы этот проклятый вопрос: как получилось, что они даже не пытаются вести переговоры по урегулированию.

Этого Инглиш никак не мог взять в толк, так же как и никто из его единомышленников. Ведь если Синдикат — человеческое сообщество, значит, с ним возможно договориться, вместо того, чтобы вести изнурительные войны за территории, имущество и сырьевые базы.

Такая бессмыслица просто в голове не укладывалась.

Но сейчас было не самое подходящее время размышлять на подобные темы. Прорвавшись через защитную решетку Фарадея, они снова обнаружили, что в темном, лишенном воздуха чреве огромного корабля, где можно было перемещаться, лишь включив приборы инфракрасного излучения, нет никого, кроме роботов. Роботов всех разновидностей — некоторых капитан прежде никогда не видел, и принцип их работы был ему непонятен.

Зато ИИ в них разбирался. Когда с роботами было покончено. Дельта Инглиша возглавил оставшихся в живых, и десантники занялись уничтожением автономных станций и боксов, переплавкой огромных мотков кабеля.

Во время поиска и уничтожения Инглиш должен был наблюдать за сетчатым изображением на командно-контрольном дисплее, следя, чтобы никто из ребят, ведущих неприцельную стрельбу невидимыми лучами, не попал по своим. Все это время в переговорном устройстве раздавался чей-то протяжный вой, кто-то неестественно глубоко дышал и заходился в надрывном, клочущем кашле.

Пока они действовали внутри корабля Синдиката, Инглиш так и не смог установить связь с «Хэйгом». Молчал и МТНО, хотя, как утверждал ПИ, Модуль оставался на месте, ожидая их.

Наконец, когда брюхо корабля было вспорото и Дельта Инглиша получил все, чего ждал от операции, в наушниках раздался голос ИИ:

— Дельта Два, принимайте командование.

Инглиш всегда ненавидел своего Дельта. Капитан давно уже решил, что будет разговаривать с ним только в случае крайней необходимости. Было что-то оскорбительное в этом механическом голосе.

Потери они понесли немалые. Часть оборудования сгорела. Люди подверглись радиационному и микроволновому излучению. Их тела настолько обгорели, что каждое движение отдавалось нестерпимой болью, заставлявшей плакать или стонать. У двоих пехотинцев скафандры и оснащение пришли в полную негодность.

Но, выбравшись из чрева корабля, Инглиш убеждал себя, что все это не напрасно: когда-нибудь МТНО сможет захватить и доставить в тыл для изучения пилотируемый человеком корабль Синдиката.

Подобные операции всегда были обычным делом: каждая из воюющих сторон старается захватить оснащение противника, изучить вражескую технику, пытается сконструировать противосистемы — и никого не волнует, сколько подчиненных погибнет ради выполнения этой задачи, сколько оружия будет сожжено.

Инглишу нужно было позаботиться о трупe Гинесса. Теперь, когда девяностo вторая рота находилась внутри катера, на огромной скорости мчащего их к «Хэйгу», когда включилась искусственная гравитация, тело Гинесса, привязанное за тросик, больше не будет плавать в воздухе, натыкаясь на раненых и заставляя их стонать от боли. Гинесс не так уж долго воевал под его командованием, и Инглиш не знал, есть ли у сержанта семья. Это он выяснит из файла, вставленного в шлем погибшего. И если семья есть, то сегодня вечером капитану придется сочинять Неуклюжее письмо с соболезнованиями родным и близким.

Когда они снова оказались на борту МТНО, Инглиш опустилс я на колени перед телом и вручную поднял визор на шлеме.

Лицо под визором уставилось на него пустыми глазницами. Лазерный луч поразил Гинесса, когда по каким-то причинам отказала защитная система скафандра. Попад в человеческий глаз, луч лазерной установки увеличивается в десять тысяч раз и действует, как струя пламени.

Инглиш зажмурился. От вида месива, которым стало знакомое лицо, его едва не вывало.

Он снова опустил визор Гинесса и поднялся. Теперь это не просто тело человека, которого рота потеряла в бою. Труп красноречиво свидетельствовал о том, что подстерегало каждого из них.

— А теперь — внимание, — сказал Инглиш, с отвращением прислушиваясь к собственному хриплому голосу в переговорном устройстве. — При использовании нового оснащения проблема братоубийства выходит из-под контроля. Защитные системы Гинесса сгорели и перестали действовать. По этой причине и наступила смерть. Так что это мы убили его, между нами девочками говоря. Один из нас. Никто конкретно. Нет никакой необходимости в расследовании. Просто, когда стреляете, наводите винтовку поточнее, иначе мы понесем больше потерь друг от друга, чем от этих проклятых роботов.

Капитан прошел вперед, на ходу нетерпеливым движением срывая с себя шлем, вернее, то, что осталось от шлема. На площадке вождения Соьер сторожил двух разгневанных пилотов, теперь уже вольных лететь, куда им вздумается.

— Здорово, ребята, — обратился к ним Инглиш, когда оба обернулись. — Вы хотели что-то мне сказать? — У Инглиша, как всегда, был при себе кинетический пистолет. Правда, капитан питал отвращение к убийству людей. Но этих двоих, ради спасения собственной шкуры едва не сорвавших операцию, бросив трех человек на поругание врагу, Инглиш уже не считал за людей. Они представляли для него какую-то низшую форму жизни.

Наверно, в его глазах промелькнуло что-то такое, отчего пилоты, вместо того чтобы пожаловаться на произвол, съежились и молча отвернулись.

— Сэр, вы, конечно, хотите получить последние донесения? — спросил Соьер.

— Зачитай их мне, Соьер. Какими бы ни были скверными новости, слушать их через переговорную сеть — слишком хлопотное дело. На моем шлеме места живого не осталось —

не знаю, работает ли в нем хоть одно устройство.

— Слушаюсь, сэр, — сказал лейтенант напряженным голосом. От него вдруг повеяло таким же холодом, как от подступающих со всех сторон космических глубин.

Впервые за несколько часов освободившись от оптических приборов, Инглиш мельком бросил взгляд в иллюминатор за спиной Сойера. Там виднелась планета под названием Халия. Кто мог подумать, что командос придется защищать чужой форпост? Эта война — полная бессмыслица с самого начала.

— Сэр... Тоби, с «Хэйга» спрашивают, сделаем ли мы остановку в районе местонахождения двадцать первого.

— Это не по пути. У тебя рация, наверное, лучше моей работает. Ты знаешь, сколько у нас раненых. Готов поклясться...

— Сэр, Мэннинг и ТК отправились на Халию выручать двадцать первый. Последнее, что было слышно из того района — это сильный взрыв, а теперь там глухое молчание в радиусе десяти щелчков диапазона.

Инглиш обессиленно откинулся назад:

— Летим туда, Сойер. По дороге введешь меня в курс дела.

Он вдруг почувствовал неимоверную усталость. Оснащение показалось слишком тяжелым, и ему пришлось опереться рукой в одно из пилотских кресел.

Казалось, вот-вот остановится сердце.

Никаких сигналов в радиусе десяти щелчков...

Ну, а чего же он еще ждал в субботу? Инглиш всегда терпеть не мог двойные операции во время уик-энда. Он напрягал память, стараясь восстановить последний разговор с Клиари. И сник совсем, вспомнив: ведь он сам разрешил ей действовать на собственный страх и риск.

Значит, все произошло чуть ли не с его благословения. Он никак не мог предположить, что ей вздумается искать смерти.

— А есть какие-нибудь признаки аварии? Сенсоры хоть что-то обнаружили? — с трудом выдавил он из себя.

— Никаких. Только нечто, похожее на остаточные выбросы неядерной энергетической установки и ИКР, которые они использовали. Излучения неустановленного источника оказалось достаточно, чтобы выбить все, оказавшееся на его пути, на более низкую орбиту. Помимо всего прочего, мы лишились в этом районе всех сенсоров, находящихся в воздухе. И по чистому везению не был сбит ни один пилотируемый людьми корабль.

— Да уж, повезло, — пробормотал Инглиш. — Это была единственная утешительная новость. На войне везение важнее всего остального, — даже умения воевать.

Когда потрепанное в бою подразделение Инглиша добралось до района, из которого был получен сигнал бедствия от 121 — го и куда затем отправились в составе спасательной команды Мэннинг и Клиари, Инглиш вначале вообще не уловил там никаких признаков жизни.

Он упрашивал своего Дельта установить связь с «Хэйгом», но переносные реле связи больше не работали, потому что вышел из строя стационарный агрегат, а Дельта, переполненный оперативной информацией, пытался самостоятельно устранить полученные в бою повреждения в своей схеме.

Но, имея МТНО, Инглиш по-прежнему располагал большими возможностями. Это был корабль, предназначенный для операций СЕРПА, и когда Сойер пинком вышиб из кресла второго пилота и сел вместо него за рычаги управления, Инглиш понял, как многому научились его командос с тех пор, как стали работать на Электронную Разведку.

Прислушиваясь к новым ощущениям в теле, капитан отметил про себя, что никогда не добьешься от пилота из другого ведомства таких же результатов, как от морского пехотинца, непосредственно занятого в операции.

Сойер и Мэннинг сошлись в те незапамятные времена, когда Сойер был еще сержантом, а Тоби — лейтенантом, и они вместе собирали хвосты хорьков на оторочку шуб.

— Ты тоже проваливай на корму, — сказал Инглиш пилоту, который несказанно

обрадовался этому приказу — он, наверное, до сих пор сидел в страхе, что получит пулю за то, что хотел смыться, бросив на обшивке вражеского корабля троих людей этого бешеного капитана.

Инглиш действительно едва поборол в себе такое искушение. Если пилоты молчали сейчас, это совсем не значило, что потом они не будут жаловаться. Но будь что будет — главное, операция прошла очень успешно для Флота. Наверняка захваченный у противника корабль уже паркуется на посадочной площадке «Хэйга».

Инглиш лично передал управление кораблем Синдиката Штабу Командования Диверсионными операциями. Сделай он это раньше, наверняка можно было бы предотвратить ситуацию, сложившуюся сейчас вокруг 121 — й.

И когда он понял это, возникло ощущение, что все события, разворачивающиеся у него на глазах, на самом деле происходят где-то в едва различимой дали, за сотни километров отсюда. Он знал, что Сойер пребывает в таком же состоянии — оно наступает порой во время затяжного боя, когда организм человека настолько перенапряжен, что может работать или с удвоенной энергией, или, наоборот, только вполсилы.

И ему, и Сойеру было легче от мысли, что они могут хоть что-то предпринять для спасения людей.

Но сейчас они вели электронную разведку местности и обследовали поврежденную технику, поэтому занята была лишь часть их мозга, привыкшего работать в диалоговом режиме со сложнейшей электронной аппаратурой.

Инглиш чувствовал, как его скафандр самостоятельно настраивается, чтобы забирать энергию из неповрежденной цепи МТНО.

Когда в поле зрения наконец попала огневая зона, электронно-оптические приборы заработали на полную мощность, производя сканирование местности. Инглиша несколько не волновало, что их с Сойером тоже могут сбить из неведомого оружия. Хотя причиненные этим оружием разрушения красноречиво говорили о случившемся.

Если их предположения верны, навряд ли в этом районе кто-то выжил.

— Сойер, — сказал он мягко, — думаю, наша главная надежда — вот эти камни и грязь.

Сойер в шлеме с поднятым визором, от которого тянулся кабель к пульту, повернул голову:

— Ты думаешь, они могли выжить после взрыва планетодробилки? Да? — И его большие глаза как-то по-детски посмотрели на Инглиша.

— Еще одна поставлена в трех щелчках отсюда. Двадцать первый, наверное, находился в бункере. Когда Мэннинг и Клиари пролетали на небольшой высоте с включенной неядерной электростанцией и ИКР, они скорее всего приняли на себя тот удар, которого опасалась двадцать первая рота, просившая помощи.

— Да, если в этот момент корабль выпустил луч, он прошел вниз вдоль вертикальной шахты и соединил разомкнутую цепь на планетодробилке. Ловушка сработала — произошел подземный взрыв. — Скулы Сойера, покрытые жесткой щетиной, поблескивали от пота. В тишине, воцарившейся на площадке вождения, слышно было, как он поскреб щеку мозолистой ладонью, видимо, стараясь скрыть от собеседника выражение своего лица.

Теперь они стали товарищами по несчастью, потерявшими своих друзей. Хотя в обоих теплилась надежда, что самого страшного пока не произошло.

— Сэр, я не думаю, что кто-то мог выжить после такого взрыва.

— Ничто так хорошо не защищает, как грязь и камни, Сойер. Так что не скидай раньше времени.

При таком мощном энергетическом поле лучше уж сразу умереть, чем остаться в живых после облучения.

— Взрывная волна убила Мэннинг и Клиари, это совершенно точно. И вывела из строя все средства связи, которыми пользовалась 21 — я, так же как оружие и все остальное оборудование.

Итак, неизвестно, что они обнаружат здесь — мертвые тела, застывшие в эффектных позах, или нечто пострашнее: скопление наполовину уничтоженных, но все еще узнаваемых живых организмов, сохранивших определенную чувствительность сгустков протоплазмы, которые еще недавно были отчаянными головорезами Ника Ковача, спецназом морских пехотинцев, по образцу которого и была затем организована и 92 — я рота. А еще... они увидят там... двух женщин.

Дорогих им женщин. У Инглиша появилось дурное предчувствие еще задолго до начала операции. Что же касается Сойера и Мэннинг, то за них капитан опасался с тех самых пор, когда Грант из Агентства Стратегической Разведки поймал сержанта с поличным за подделкой финансовых документов и начал шантажировать всю компанию, заставив перейти в отдел специальных операций. Они не особенно сопротивлялись, потому что не знали, что их ожидает.

Инглиш обхватил голову руками и только тут обнаружил, что лицо его закрывает деполяризованный визор.

— Дельта Один, — сказал он спокойным тоном, — найди моих людей, коробка ты безмозглая. Найди, и я тебя отремонтирую. Станешь как новенький. А не то выброшу к чертям собачьим и поставлю новый.

Дельта проскрипел что-то невразумительное, и пальцы Инглиша забегали по сенсорам и кнопкам управления Модулем с таким сладострастием, как будто это были эрогенные зоны на теле Клиари.

— Кажется, что-то есть, — без выражения сказал Сойер.

Теперь Инглиш и сам заметил сильно взрыхленный участок поверхности, примерно на расстоянии одного щелчка от эпицентра подземного взрыва. Осколки электронной аппаратуры поблескивали на искореженной земле.

— Берем курс в тот квадрат, лейтенант. Пошлем на поиски отряд добровольцев.

Инглиш подумал об Омеге, Тете и Альфе. Трех командах Траска. Их пока не очень сильно потрепали...

Поднимаясь, Сойер отключил кабель от шлема и подсоединил к пульту. Потом потянулся за винтовкой и блоком питания.

— Жаль, что у нас нет наземного снаряжения. Оно на тридцать фунтов легче.

— Ничего не поделаешь. Я не думаю, что сопротивление будет сильным. Сенсоры не обнаружили никакой электроники, да оно и понятно — тут такое творилось! Мы будем там примерно через пять минут.

Сойер опустил визор и направился на корму.

Покореженная рация Инглиша вновь ожила, хотя и работала в монорежиме.

— Капитан, добровольно вызвались пойти Альфа, Тета и...

Каждый, кто еще в состоянии был держать в руках оружие, хотел участвовать в поисковой работе.

Инглиш отобрал в команду самых лучших, а остальных оставил охранять МТНО. Сейчас всего можно ожидать. Не исключено, что Синдикат, зная, что Флот не бросает раненых на произвол судьбы, устроит засаду.

Спасатели пошли по грязи, растянувшись в длинную цепь. Земля была усеяна маленькими роботами, в некоторых местах настолько густо, что они напоминали семена на свежеспаханном поле.

Они шли, не останавливаясь, убеждая себя, что это совсем не так уж страшно наткнуться на руку или ногу, лежащую отдельно от туловища. Настраивая себя именно на такие находки.

Инглиш поддерживал связь с МТНО, который теперь поднялся на сто футов над поверхностью и сообщал им всю доступную информацию: от данных, полученных со спутников, снабженных синтетико-апертурными сканерами, позволяющими обследовать местность в радиусе ста щелчков, до микроимпульсов, исходивших от сгоревшей вражеской электроники.

И потому он первый увидел страшную картину на дисплее своего шлема.

Пораженный зрелищем, капитан остановился, и лишь через какое-то время спохватился — ведь другие не видят всего, открывшегося ему на дисплее. Или не видят так отчетливо.

Установив, из какого квадрата получены сигналы, капитан направился туда, отгоняя от себя страшные мысли. Ему представлялись ослепшие Охотники за Головами, беспомощно ползающие среди гранитных глыб в напрасных попытках вытащить своих товарищей из-под обломков.

Охотники подорвали планетодробилку, находящуюся под землей за несколько щелчков от них, и сняли множество пластов грунта. Потребовалась бы пара сотен таких бомб — может, и больше, чтобы расколоть планету совсем. А та бомба находилась в вертикальной шахте, вырытой Альянсом.

Но даже уничтожив половину Халии, она не вызвала бы столько разрушений в сердце Тоби Инглиша.

Он не был уверен, что выдержит предстоящее зрелище — нагромождение тел, в котором не разберешь, чья рука лежит на чьем плече.

Предугадав его желание. Дельта преподнес информацию в абстрактном виде: просто разноцветные точки и мигающие полосы на координатной сетке. Их нужно было идентифицировать и обозначить номерами.

Трудно придумать лучший заслон от человеческих эмоций. Инглиш почти автоматическиотреагировал на полученную в такой форме информацию. Он принялся подсчитывать движущиеся точки. И, дойдя до семидесяти четырех, сообщил Сойеру.

Из коммуникатора доносились обрывки переговоров, которые вели между собой ребята из его подразделения. Используя полупрозрачное наложение, Инглиш мог одновременно наблюдать за спасателями, за ранеными на координатной сетке и за теми, кто остался наверху.

— Вызовешь их при готовности номер один, Сойер.

Сойер искал корабль поддержки, доставивший сюда Мэннинг, и у Инглиша не хватило духу поторопить его. Когда занимаешься такими работами, нет смысла зря дергать людей — они и так выкладываются без остатка.

Слишком много смертей увидели они здесь. Инглиш пытался утешить себя мыслью, что, как бы медленно ни продвигались командос, все равно они прибыли сюда раньше кораблей Флота, все еще ведущих бой в космосе.

Но, возможно, кто-то смог бы попасть сюда еще быстрее или по крайней мере быстрее справиться с проблемой. Быстрее и лучше.

Он вызвал на связь МТНО и приказал пойти на снижение в том квадрате, где находилась 121 — я, пока не подававшая никаких признаков жизни.

— Пошли вы к чертовой матери с вашим уставом. Соедините меня с «Хэйгом», лично с командиром Падовой, из руководства СЕРПА.

Инглиш собирался вызвать сюда специальный корабль для эвакуации раненых — если его не пришлют, рота окопается здесь и начнет сбивать каждый летательный аппарат Флота, попавший в поле зрения 92 — ой, используя МТНО в качестве детонатора. Лучше не ссориться со спецназом из «Электронных Исследований» ни в космосе, ни на земле, если вы оснащены электроникой или фиброоптикой.

— Дельта Два, доложите обстановку. — Голос капитана Падовы с трудом пробивался, сквозь потрескивание электрических разрядов.

Джей Падова делал ставку на техническое превосходство, поэтому ему так нравились игрушки, которыми пользовался Тоби Инглиш из СЕРПА. На «Хэйге» было установлено немало похожих электронных устройств — командос из «Электронных Исследований» СЕРПА нередко совершали там посадку.

— Докладываю обстановку: у нас не менее семидесяти раненых, нуждающихся в эвакуации. Что у вас там происходит, Джей? Неужто ты так занят, что не можешь позаботиться о своих десантниках?

— Они не подавали признаков жизни, капитан, — сказал Падова жестко, — по крайней мере я не располагаю такими сведениями. А потом, мы сейчас действительно перегружены.

— Да, сэр, это я знаю. Но, может быть, все-таки капитан найдет возможность направить ко мне пару шлюпок для двадцать первой? А то все страшно заняты. Иначе я прекращаю боевые действия до тех пор, пока не переправлю всех этих ребят на их корабль.

— Послушай, капитан, — сказал Падова уже не таким бесстрастным голосом. — Я не мог остановить ваших женщин. Ты сам дал им карт-бланш, и они воспользовались твоей властью. Мы придем к вам кого-нибудь при первой возможности. Окажем помощь раненым, заберем вас всех с поверхности и доставим сюда. Обойдемся без формальностей. О двадцать первой роте мы позаботимся так, как будто это наши собственные люди.

Из-за потрескивания электрических разрядов в эфире Падова не расслышал, как Инглиш произнес отборное ругательство, которое не часто услышишь по командной связи. Когда помехи улеглись, Падова уже заканчивал фразу:

— ...и передай майору Ковачу благодарность и наилучшие пожелания, если он еще жив.

— Обязательно передам, если жив. Дельта Два заканчивает связь.

Он хлопнул по выключателю, расположенному на ремне, но его Дельта уже выключил рацию.

Сойер перевел на дисплей капитана изображение зоны боевых действий. Место выглядело так, как будто Господь в сердцах зачерпнул горсть земли и швырнул ее в 121 — ю роту.

Альфа уже раскапывал то, что осталось от бункера. Повсюду валялись разбитые орудия. Подошвы ботинок Инглиша скользили по маленьким роботам, их сломанные корпуса хрустели под ногами как битое стекло.

Сколько же их здесь!

Он поднял визор, и в нос ударило слитное зловоние крови, земли, испражнений и паленого мяса.

Легкий ветерок доносил приглушенные рыдания. Вот она, 121 — я, в полном составе. Он увидел, как двое парней с нашивками «Охотников за Головами» вытаскивают третьего из кучи камней и грязи. Все были простоволосые, грязные и оборванные, с обожженными лицами.

Дальше капитану попался на глаза слепой парень, пожарный; его нес другой Охотник за Головами.

Инглиш шел вперед, не останавливаясь, догадываясь по голосам, доносившимся из переговорного устройства, насколько тяжело его людям продвигаться дальше. С каким-то упрямством отказываясь опустить визор, он получал все необходимую информацию по аудиоканалу.

Капитан не хотел отгораживаться от этого кровавого месива компьютерным экраном. Если появится что-то важное, ИИ сообщит ему.

Время от времени Инглиш окликал Сойера — просто для проверки связи.

— Продолжаю поиски, сэр, — каждый раз отвечал лейтенант.

Капитан радовался, что не находится сейчас на месте Сойера — но лишь до тех пор, пока не наткнулся на Пика Ковача и женщину-капрала из его роты.

Майор Ковач привалился к большому камню. Еще один камень, чуть поменьше, придавил ему левую ногу. Огромная рука Синкевич безжизненно лежала у него на коленях. Вздрагивающее тело женщины было видно лишь по пояс, все остальное закрывала каменная глыба. Кожа на лице, обожженном вспышкой, стала розовато-желтого цвета.

Инглиш снял свой шлем и, положив его на землю, опустил на колени перед Ковачем. Видит ли его майор?

В руке Ковача был зажат коммуникатор — как будто эта чертова коробка еще могла работать. Такого оснащения Охотникам не полагалось. Это было маленькое отступление от устава. С одной стороны лицо майора было светло-оранжевым с мертвенными пятнами гноя.

С другой стороны — бледно-зеленым.

По крайней мере у коммандос были фармацевтики. Инглиш радовался своей запасливости, пока не вспомнил, что электронно-фармацевтические препараты подбираются индивидуально, с разной дозировкой, и если и помогут кому-то из этих ребят, то лишь по чистому везению.

Что бы ты ни пытался сделать своими руками на этой проклятой войне, ты обязательно попадал впросак.

Ковач повернул голову, совсем чуть-чуть, как будто почувствовал присутствие Инглиша.

Инглиш вглядывался в его лицо, пытаясь отгадать, сохранились ли глаза под этими распухшими веками и мог ли туда проникать свет. Ресницы у Ковача были сожжены.

— Привет, Ник, — сказал Инглиш дрогнувшим голосом. — Это я, Тоб. П-прости, что мы так задержались.

Ковач сделал глубокий, прерывистый вдох.

— Тоби... Си очень обрадуется, что... ты нас нашел. Она будет рада... что ты появился. Она... верила... — Это все, что смог выговорить Ковач обожженными, пузырящимися губами.

Инглиш протянул руку, он хотел подбодрить друга прикосновением — и не смог: на теле Ковача не было места, до которого можно было дотронуться, не причинив раненому ужасной боли.

— Мы вытащим отсюда твоих ребят, — сказал Инглиш. — Потерпи еще немного. — Ему вдруг показалось, что Си шевельнула головой. Жива она или нет?

Так или иначе, слово «живая» в данном случае можно было употреблять лишь с большой натяжкой.

У него появилось сильное желание повернуться и броситься прочь. Бежать, пока хватит дыхания — куда-нибудь, где от него будет больше толку. Бежать, бежать — куда глаза глядят...

Вместо этого Инглиш уселся на землю, поджав под себя ноги, положил винтовку на колени и стал глядеть на Ковача и Синкевич, ожидая, пока они умрут или пока придет кто-нибудь еще и освободит их из-под камней.

Он снова надел шлем и попытался сообразить, как лучше вытащить раненых. Ждать пришлось долго.

А потом, когда их стали доставать, Ковач вскрикнул, и вот тут-то Инглиш не выдержал.

Он бежал, как слепой, и плечи его тряслись в беззвучных рыданиях.

Резко остановившись по другую сторону скалы, Инглиш оперся о каменную поверхность. Он стоял наклонив голову, жадно глотая воздух. Конечно, следовало подождать корабля для эвакуации раненых, а не пытаться самим освободить Ковача и Си...

А теперь ему придется вернуться и предстать перед собственными ребятами, видевшими, как он вдруг сорвался с места и убежал.

Зато ему до скончания века не будет сниться искалеченные ноги Синкевич...

Завывания ветра сливались со стонами пехотинцев из 121 — й, и этот тихий, заунывный звук скорее напоминал причитание по покойнику, чем жалобы живых.

Немного придя в себя, Инглиш выпрямился и устало побрел обратно, глядя под ноги и лишь изредка переводя взгляд на визор, если там появлялись новые сообщения.

Спасательные команды прибыли через десять минут после того, как в них пропала всякая надобность.

— Эй, Инглиш, давай скорее сюда, — позвал его Сойер.

Как же можно было забыть, что Сойер ищет сбитый корабль поддержки?! Не стоило уточнять, что значит «сюда» — нужное место тут же возникло на дисплее вместе с оптимальным маршрутом.

Инглишу показалось, что ноги его стали резиновыми. Капитан так и не набрался мужества спросить у Сойера о его находке.

Когда капитан добрался до места, Сойер и команда Тета уже заканчивали вскрывать шлюпку.

А потом последовало ошеломляющее открытие: внутри не было ни Мэннинг, ни Клиари. Кресла, на которых они катапультировались, прорвали покрытие кабины. Корабль был опрокинут навзничь, и пробоина обнаружилась не сразу. Насколько хватало глаз, на унылой равнине не было никаких следов двух дорогих им женщин.

Сойер поднял глаза на командира, вытирая рукой рот:

— И что теперь?

— Теперь мы запишем их как пропавших без вести и двинемся назад — по крайней мере я так сделаю. Ковача и Си я нашел. Если мы поторопимся, кто знает, может, им еще суждено остаться в живых.

Услышав, как у Инглиша осекся голос, Сойер торопливо спрыгнул с крыла корабля.

Инглиш не заметил, как подошел к нему лейтенант. Он лишь почувствовал, как тот заключил его в свои медвежьи объятия. А капитан просто стоял, вздрагивая всем телом.

— Ты можешь остаться до тех пор, пока не поймешь, что сделал все возможное, — сказал Инглиш, — или пока не найдешь что-то, или пока я не вызову тебя. Тогда ты и Тета вернетесь, договорились? Я не хочу, чтобы вы тоже пропали без вести.

— Договорились, Тоби, — сказал Сойер. И добавил: — На этот раз у нас есть Наблюдатель.

— Да, — сказал Инглиш, хлопнув по кнопке своего Дельта, вводя его в режим «стереть, перезаписать». — Ты прав. — На этот раз Наблюдателем был Грант. Если кто-то и повинен в этой заварушке, то только Грант. Крупные шишки из Агентства Стратегической Разведки давно замахивались на эту операцию. У Ковача была при себе одна штука, очень напоминающая телекоммуникатор А-потенциала, каких нет на вооружении его роты. Только Грант мог снабдить Ковача устройством, которым пользуются люди из СЕРПА. — Так что, когда закончите поиски, лейтенант Сойер...

— Ненавижу, когда есть пропавшие без вести.

— Я тоже, — сказал Инглиш. С исчезновением Клиари и Мэннинг он как будто лишился части души.

Капитан не знал, отыщут ли они когда-нибудь пропавших без вести. У него возникло ощущение, что сердце — совершенно не нужный орган. Вернее, такое ощущение не покидало его последние несколько часов.

Услышав стрекотание кораблей-спасателей, он со стуком опустил свой визор.

— Удачи тебе, дружище, — сказал он Сойеру, отводя взгляд.

Полоса удачи закончилась — и оба понимали это. Промедлив, они вдобавок окажутся в цейтноте. Никто ведь не приостановит войну только потому, что ты потерял двоих людей.

...Даже если эти люди так много для тебя значат.

Он слишком подавлен, чтобы думать сейчас о Коваче, Си и остальных несчастных из 121 — й роты. Даже с опущенным шлемом, в компании собственного ИИ, Инглиш чувствовал себя неуютно. Словно в потоке всеобщего безумия исчез последний островок тепла и надежды.

И все-таки Инглиш остался на Халии, помогая каждому чем мог, постоянно убеждая себя, что перед ним не страдающие человеческие обрубки, а просто серия разноцветных цифровых обозначений. Он не ушел, пока вся 121 — я не была эвакуирована из опасной зоны.

Потом капитан направил Модуль на поиски Сойера.

Взметая столбы пыли, МТНО скользил над поверхностью на высоте трех футов. Сойер и парни из Теты подавленно молчали: их поиски оказались безрезультатными.

Наконец-то Инглиш сидел в корабле, где не было ни раненых, ни мертвецов. Раненых из обоих подразделений доставит на «Хэйг» спасательная шлюпка.

Инглиш втайне радовался, что не услышит больше чьего-то стесненного дыхания или душераздирающего стоны — ни в переговорном устройстве, ни через шлем. Вот только в

памяти эти звуки останутся навсегда...

«Хэйг» показался Инглишу опустевшим. Даже несмотря на то, что все работали не покладая рук, поддерживая связь с космическими соединениями, сообщая им дополнительные данные, доступные для разведывательных средств эсминца.

Пустым он казался из-за ПБВ. Пропавшие Без Вести — ни за одной аббревиатурой, придуманной вооруженными силами, не скрывалось столько пустоты. Твои ПБВ преследуют тебя; словно персональные привидения, они всегда стоят между тобой и окружающим реальным миром, и ты не знаешь, принадлежат ли они еще этому миру или покинули его.

Где же вы, Мэннинг и Клиари? Вся электроника сгорела при взрыве, и найти женщин оказалось невозможно. Имея в собственном распоряжении целый корабль, можно обнаружить на местности признаки жизни вообще. Но прибор не отличит человека от другого биологического вида. А жизнь на Халии многообразна. Подобный поиск обернется лишь потерей времени.

Инглишу казалось — умирай сейчас Клиари, — он почувствовал бы это. И Сойер почувствовал бы, если бы дело касалось Мэннинг. Будь их женщины мертвы, развитая за годы войны интуиция не обманула бы обоих. Но тревога и надежда не покидали товарищей по несчастью. А потому оба убеждали себя, что Мэннинг и Клиари живы и пытаются сейчас добраться до ближайшей заставы Альянса. Уж очень хотелось в это верить.

Об этом думать было легче, чем о раненых, отправленных на «Хэйг». После того как МТНО совершил посадку и личный состав прошел под их руководством проверку оборудования, после подачи рапорта о проведенной операции, после переоснащения и тестов на боеготовность им оставались только занятия в спортивном зале.

Значит, можно было отправиться в мобильный госпиталь, где разместили 121 — ю роту. То, что от нее осталось.

Охотники за Головами располагались на отдельной, огороженной палубе. Будь он чуть поумнее, Инглиш держался бы подальше от этого места.

Благодаря офицерским нашивкам капитан без труда миновал дневальных и попал на палубу, отведенную для головорезов.

Для персонала госпиталя внушительнее фигуры десантников в полном боевом снаряжении, наверное, выглядели устрашающе. Жесткий скафандр Инглиша поблескивал свежими заплатами, новые электронные модули были вмонтированы в закопченные корпуса вместо сгоревших. Шлем тоже заменили. На нем не было имени, Инглиш просто вставил туда персональные файлы и микросхемы приборов электронного слежения.

Он никак не мог решить, кто больше выиграл: Дельта Один, с удобством разместившийся в новеньком корпусе, или ставший анонимом Дельта Два. Рядом с фармацевтиком к запястью был подвешен пистолет. Единственный предмет снаряжения, который не пришлось чинить после этого жаркого субботнего денька.

Невесть откуда выскочила женщина-доктор, отгородив Инглиша и Сойера от кислородной палатки, где с лоснящимся от масел лицом, весь в бинтах, подключенный к сложной жизнеподдерживающей установке лежал Ковач.

Не поднимая визора, Инглиш принялся тестировать свой новый шлем. Для начала он выдал изображение на наружный экран — так, чтобы было видно доктору. И перед ней загорелась предостерегающая надпись: ПРЕДУПРЕЖДАЮ: Я НАХОЖУСЬ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ЗАДАЧИ И НАДЕЛЕН СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ.

Он видел, как женщина гневно жестикулирует, шевеля губами. Слушать ее не хотелось, поэтому капитан, не включая звука, просто протянул руку в перчатке, схватил ее за плечо и отшвырнул в сторону.

Какого черта она путается под ногами, когда пропали без вести Мэннинг и Клиари?!

Когда случается такое, человек способен на все.

— Сойер, разберись пока с ней, хорошо?

А доктор все не сдавалась. Она снова выросла на пути капитана, таким ангелом-

хранителем во плоти. Вернее, Инглиш, борясь с искушением ее пристрелить, внушал себе, что перед ним ангел-хранитель Ковача.

— Сэр... Тоби, делай то, что собирался.

— Хорошо.

Дрожащей рукой в перчатке Инглиш откинул край материи. И включил звук на полную мощность. Тут же в наушниках раздался предупредительный сигнал — нарушение лечебного режима. Вот уж чего ему совсем не хотелось, так это уменьшить шансы Ковача на выживание.

Похоже, майор лежал без сознания. Инглиш отошел чуть в сторону, поднял визор и заговорил:

— Ник, мне нужен коммуникатор — помнишь, такой черный? Где он? Ник, ты слышишь меня?

Чудовищно распухшие веки Ковача дрогнули. Инглишу показалось, что под ними беспокойно забегали глаза. Потом чуть шевельнулись пальцы. И тут майор издал звук, который невозможно забыть.

Нельзя стыдиться животной боли, прорывающейся наружу, несмотря на все ваши усилия. Но Ковач не стонал. Нет, он пытался что-то сказать.

Инглиш наклонился над раненым так низко, что его обдало запахом гноя, обгорелого мяса, кала и черт знает чего еще. Зрелище было невыносимым, хотелось закрыть глаза, и невозможно было закрыть их.

— Вспомни, Ник, — уговаривал он, — такая черная коробочка. — В переговорном устройстве раздался голос Сойера: — Тоби, эта штука уже у меня. Не мучай его. Доктор говорит, ты занесешь туда микробы, и организм с ними не справится.

Ну что же: семь бед — один ответ. Главное, что коммуникатор у них. Инглиш отошел от палатки, стараясь соблюдать указания доктора: «Не дотрагивайся ни до чего, болван!»

Доктор злобно швырнула черный коммуникатор в его раскрытые ладони, всем видом показывая, что ее совершенно не интересует эта чертова штука.

Для медперсонала игрушки, которыми забавляются военные, ничего не значат.

— Он поправится, доктор? — спросил Инглиш.

— Смотря что под этим подразумевать, — ответила женщина, сердито наморщив лоб. — Будет ли он годен к военной службе? Не уверена. Если только когда-нибудь, очень не скоро. Но совсем здоровым он уже не станет никогда. Надеюсь, никому из вас в ближайшем будущем не понадобится такая операция. На Охотников за Головами мы истратили почти весь запас трансплантируемых органов, поставляемых камикадзе.

— Это что, угроза? — мягко спросил Инглиш через переговорную трубку, при этом так поляризуя забрало, чтобы оно стало плоским и черным.

— Нет... капитан. Это — предупреждение. У нас заканчивается плазма, синтетическая кожа и органы для трансплантации. Скоро их не останется совсем, если только кто-то из ваших друзей не погибнет, избежав при этом мощного микроволнового излучения, и органы его сохраняют свои функции. Так что не усложняйте нам жизнь. Мы еще пригодимся. Уяснили, капитан?

— А не пошла бы ты в задницу? — любезно поинтересовался Инглиш, помахав рукой, как бы указывая направление — при других обстоятельствах он просто съездил бы доктору по физиономии.

— Позвольте заметить вам, сэр, вы сами на это напросились.

— Если бы только на это, — бросил Инглиш на ходу, покидая палату. Спустя некоторое время капитан и его ординарец уже подходили к палубе, где размещался разведотдел. — Давай попробуем выяснить, кто настраивал коммуникатор на трансляцию сообщений от Ника.

— Дружище, ты что — мысли мои читаешь?

— Взгляни-ка на эту штуку.

Перебрасываясь репликами, они шли по бесконечным переходам и служебным

помещениям. Местному персоналу не часто приходилось видеть спецназовцев в скафандрах. Но люди из Электронной Разведки пользовались полной свободой передвижения. Только теперь Тоби Инглиш понял, сколько привилегий дает принадлежность к СЕРПА.

Благодаря могущественной СЕРПА, стоявшей за ним, он сам не заметил, как попал на командный пункт, на котором размещались ТК. Оставайся здесь Клиари, все было бы в порядке. Коммандос как-нибудь сами добрались бы до головорезов Ника...

И тут наконец он понял, что, не отправься туда Клиари и Мэннинг с оружием ближней поддержки, никто из подразделения Ковача не остался бы в живых. От этой мысли у него даже в глазах потемнело, и он едва не налетел на пульт.

Пропавшие без вести... Черт!

Сойер уже собрался было снять шлем, но Инглиш остановил его. Простому смертному командный пункт показался бы восьмым чудом света. Однако коммандос, сутки за сутками проводящих на станции электронного слежения, этим не удивишь. Но, бесспорно, это самый лучший командный пункт на Флоте.

Они слонялись по помещению минут пять, пока кто-то удосужился спросить, что им нужно.

— Вот эту штуку я нашел у моего друга. — Инглиш показал коммуникатор. — Мы хотим знать, как она у него оказалась и кто получал радиосигналы. СЕРПА нужен немедленный ответ от всех технических служб.

Это их расшевелило. Все-таки в штабных учреждениях Флота дураков не держат.

Кто-то принес микрочип.

— Вот, сэр. Здесь использовался код СЕРПА. Существует только один экземпляр. — Тусклые глаза говорящего старались рассмотреть лицо Инглиша, скрытое забралом. «Напрасно стараешься, приятель, — подумал капитан, — ни черта ты не сможешь вынюхать. Ни кто я такой, ни что я ищу. Не твоего ума это дело».

— Как насчет того, чтобы посидеть в офицерском клубе? — предложил Инглиш Сойеру по двустороннему переговорному устройству. — Пошлем кое-кому весточку через эту штуку и посмотрим, что будет дальше.

— Если это тот, кого ты подозреваешь, захочешь ли ты мирно распить с ним рюмку-другую?

— Нет. Но сегодня нам нужно побыть в людном месте, хотя бы часть вечера. Суббота как-никак. А война в самом разгаре — всякое может случиться.

Убийство Гранта из АСР было делом нешуточным. Лучше не обсуждать его с включенной аппаратурой. Слишком много существует способов восстанавливать стертые фрагменты записи. Восьмая Шаровая Команда, подразделение Гранта, в этом деле собаку съела. Они сами составляли технические руководства на эту тему.

А посему не было места удобнее и безопаснее, чем шумный, залитый неоновым светом офицерский бар. Инглиш устроился под мигающей вывеской, издававшей достаточно треска, чтобы создать помехи любому записывающему устройству, за исключением считывающего с губ сканера, подключенного к ИИ. И говорил лишь когда подносил ко рту пивную кружку.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы составить план действий. Ведь оба были опытными убийцами, натренированными Командой Восьмого Шара и специально оснащенными Межведомственной Службой Поддержки.

Сойеру не помешало бы сейчас побриться. Так же как и Инглишу... Капитан сидел с затуманенным взглядом, упрямо пытаясь нащупать на корпусе коммуникатора хоть какую-то подсказку, прежде чем выйти в эфир. Неизвестно, примут ли его сигнал. И кто примет. Чип, добытый в штабе, так и не дал на это ответа.

— Может быть, отнесем эту штуку в расположение 92 — й и попытаемся вскрыть там, а потом уже...

— Попробуй ты, Сойер, — перебил Инглиш, протягивая коммуникатор лейтенанту.

Корпус прибора был маленький, продолговатый и холодный.

— Телекоммуникатор ни с чем не спутаешь. Имея такую штуку, можно

переговариваться через всю Вселенную, но этот для подобной связи не настроен. Он передает сигналы на «Хэйг». Иначе как ТК получила бы сигнал бедствия от Ковача?

Они собирались убить Гранта. Но вначале хотели вывести его на чистую воду.

— Попробуй ты, — предложил Инглиш.

— О'кей, сэр. — В слабом освещении капитан видел зрачки Сойера — две поблескивающие черные точки.

— Говорит лейтенант Сойер из Девяносто второй роты Электронной Разведки. Нам нужно встретиться. Повторяю, нам нужно встретиться конфиденциально. Лучше всего на «Хэйге». Подробности при встрече. Заканчиваю связь.

Попытайся сейчас Инглиш пройти на секретный объект, при идентификации его личности по радужке глаза и дактилоскопическим узорам ИИ обязательно выявил бы повышенное содержание психотропных средств в организме. Капитан понимал это, но не желал себя ограничивать. Так же, как и Сойер.

У них хватило ума попытаться выманить Гранта в бар. Коммандос из СЕРПА имели право в случае необходимости нарушать субординацию.

На коммуникаторе не загорелось ни одной лампочки, он оставался все таким же безмолвным и холодным.

А перед самым закрытием кто-то зашел в бар, огляделся вокруг и, ничего не заказав, вышел.

— Видел? — спросил Сойер.

— Да. — Инглиш невольно потрогал кинетический пистолет, висящий на боку.

— Я тебя предупреждал, — пробормотал захмелевший Сойер, чувствуя тяжесть на сердце, — не такие они дураки, чтобы позволить нам подстрелить эту свинью.

Инглиш уже дважды побывал в туалете — никто не выполз из-под писсуара, чтобы назначить встречу.

— Пойдем, — наконец сказал он, поднимаясь со стула.

Значит, Грант не собирается приходить сюда. Придется придумать что-то похитрее.

Но стоило десантникам выйти из бара, как с обеих сторон к ним подступили парни в штатском.

— Вы из Электронной Разведки?

— Да, — подтвердил Инглиш. — А в чем дело?

— Через двадцать минут вам предстоит пройти инструктаж в разведотделе относительно нового задания.

«Ну что же, этого следовало ожидать», — подумал капитан.

Оба парня были чисто выбриты, выглядели дружелюбно, даже беспечно.

— Не могли бы вы пройти с нами...

Хорошо еще, что они не попытались разоружить Инглиша. Не в том он сейчас был настроении.

Инглиш с трудом сдерживал себя, глядя на беспечно болтающиеся на поясе шлемы конвоиров. Но разделаться с ними — значит, не добраться до их босса. Приходилось покорно идти. Слишком уж дорого 92 — й обошелся Грант.

По дороге на палубу, где размещался разведотдел, Инглиш убеждал себя, что Грант просто не посмеет показаться на глаза пехотинцам. Но вот провожатые остановились у двери какого-то кабинета.

— Сюда, сэр.

Нельзя сказать, что в этот момент Инглиш в полной мере ощущал себя «сэром».

За дверью ждал Грант. Он сидел за столом, подстриженный по моде своих родных мест, с довольной улыбкой кота, забавляющегося с мышкой.

На запястье Наблюдателя красовался неизменный красный шнурок.

Инглиш знал, что проиграет, если позволит Гранту заговорить первому.

Сойер же рассуждал теперь более трезво. Быть хладнокровным всегда труднее, чем дать выход накипевшим чувствам. Но у лейтенанта было достаточно времени, чтобы остыть.

— Хочу поручить вам одну операцию, ребята, которая... — заговорил Грант.
...Инглиш не помнил, как в руке у него оказался кинетический пистолет. И целился ли он.

Не помнил, как, плавно нажав на спусковой крючок, выстрелил в человека в скафандре, сидящего за столом напротив него.

Дальше события развивались стремительно. В памяти остались люди, бросившиеся к ним из коридора, и выражение безграничного страдания, застывшее на лице Сойера. Замелькали стены, полы, кулаки и рукоятки пистолетов. Потом сквозь пелену проступило лицо психиатра, укоризненно произнесшего:

— Вы на редкость неудачно выбрали время, капитан Инглиш. Сражение уже закончено.

Инглиш не знал, что означает эта фраза. Да и не особенно интересовался — слишком он был измотан. Капитана мучила бессонница. Стоило задремать, как ему являлись пропавшие без вести.

Ему так и не позволили увидеться с Сойером. Получи капитан такую возможность, он с большей охотой разговаривал бы с этими парнями. А сейчас ему никого видеть не хотелось — за исключением Гранта.

Да, вопреки его ожиданиям, Грант остался жив. Спустя некоторое время руководитель шпионского ведомства вошел в электронную камеру Инглиша, уселся по другую сторону перегородки и спросил:

— Ну что, поостыл малость, капитан? Тогда давай поговорим. Ты по-прежнему нам нужен. Я притворюсь, что ничего не произошло, если и ты, со своей стороны, сделаешь то же самое.

— А все-таки я тебя продырявил, — сказал Инглиш хрипло. Босс шпионов двигался слишком скованно: наверняка ему наложили швы. В одном Инглиш был уверен — сидящий перед ним человек ранен.

Забуть все? Забуть пропавших без вести? И Ковача, зажавшего в руке телекоммуникатор? Возможно ли такое?

— Инглиш, я пытаюсь тебе втолковать, что мы не враги.

— Значит, я очень непонятливый. Пусть мое дело рассматривает военно-полевой суд. Но, допустим, я поверил вам. Что тогда?

— О'кей, — произнес Грант таким же ровным голосом, каким дикторы зачитывали сводки новостей. — СЕРПА хочет, чтобы ты воевал дальше. И я этого хочу. Но сначала нам придется договориться...

— Мне наплевать, выпустите вы меня отсюда или нет. Ты ведь получил мое послание. Я хочу выспаться, а заснуть не могу, потому что мои люди пропали без вести! Так что найди другого дурака и учи его обращаться с этой чертовой аппаратурой, на которой вы все просто помешались. Вы хоть сами это понимаете?

— Понимаем. Я уже говорил, мы сейчас в сложном положении. Сойер уже согласился на наши условия. Пора бы и тебе сделать то же самое.

— А каковы ваши условия?

— Тебя не тронут, приятель, и ты опять отправишься воевать. Чистеньким. Никто не станет задавать лишних вопросов. Все будет, как прежде. Если тебе не терпится застрелить настоящего врага рода человеческого, я подберу подходящую кандидатуру. Но чуть позже. Хотя я уже сейчас считаю — недоразумение, произошедшее между нами, носило личный характер и к служебным делам никакого отношения не имеет.

— Я пробыл в этой дыре... — И вправду, сколько же он здесь просидел? Трудно сказать. Не так уж долго, должно быть, если до сих пор нужен им в качестве командира 92 — й роты. А с другой стороны, достаточно, чтобы его хватились. Он покачал головой.

— Так что, Инглиш, — «да»?

— Не знаю. А как поживает Ковач?

— «Да» или «нет», ковбой? Учти, второй раз мы спрашивать не будем. Если мне

придется снять тебя с должности, считай, что ты покойник. А если выберешься из этой истории, мы вместе подумаем над всеми проблемами. И недавний эпизод, как я уже сказал, будем считать досадным недоразумением.

«А Грант, оказывается, крепкий орешек, — нехотя признал про себя Инглиш. — Я-то думал, что боевые действия прекратились».

— Я не могу продолжать разговор до тех пор, пока ты не дашь мне положительного ответа, капитан.

— Считай, что я его дал, — нехотя процедил Инглиш, тяжело вздохнув. Конечно, хорошо, если он получит свободу. Капитан уже скучал по Сойеру. И даже по своему Дельта. Хотя все его существо восставало против этой сделки. — Но учти — я обязательно разыщу своих без вести пропавших.

— Я и сам на это надеюсь, Инглиш. А теперь, если у тебя есть вопросы, задавай.

Черт побери, да что же нужно такое натворить, чтобы выйти из этой проклятой войны? Ему это пока не удалось. Хотя, нет, здесь дело в другом. Девяносто вторая рота — слишком ценное подразделение, чтобы его лишаться. Личные мотивы не играют здесь никакой роли, как признал сам Грант.

Осознав это, Инглиш почувствовал собственную незначительность. В следующий раз, когда он отправится охотиться за людьми, у него это лучше получится. Но охотиться он будет за пропавшими без вести.

«Где-то очень далеко отсюда находятся Клиари и Мэннинг. Они наверняка живы», — говорил себе Инглиш. И если он сумеет добраться до них, то игра стоит свеч. Никто другой не станет сейчас искать двух пропавших женщин — у Флота есть задачи поважнее.

Капитан взглянул на человека, которого совсем недавно пытался убить, и не увидел, ничего, кроме облегчения в ясных, светящихся умом глазах Гранта. А когда начался инструктаж по предстоящей операции, Тоби Инглиш окончательно убедился, что его не надули.

Он покидал тюрьму свободным человеком, о чем свидетельствовала карточка, вложенная в бумажник. Его слишком ценят и боятся потерять — по крайней мере пока идет война.

Уже вернувшись на техбазу морских пехотинцев, он узнал, что пробыл в камере-одиночке всего сорок восемь часов. Поприветствовав небрежным жестом сотрудников наземного техобслуживания, приводящих в порядок свое оборудование, он отправился за скафандром.

В шлеме, подвешенном на крючке, лежал черный коммуникатор. Точно такой же, какой был у Ковача. А может быть, тот самый.

Но на этот раз Инглиш знал, что с ним делать.

— Здравствуйте, сэр, — раздался у него за спиной голос Сойера. — Как отдохнули?

— Так себе. — Он обернулся и растянул губы в угрюмой усмешке. — Собирай личный состав. Через сорок минут — инструктаж.

— Ну и ну! — Сойер присвистнул. — Слушаюсь, сэр.

Глядя вслед лейтенанту, Инглиш отметил про себя, что в походке и осанке Сойера сквозила прежняя тяжеловесная грация крупной собаки. И только глаза выдавали лейтенанта: во взгляде затаились боль и неуверенность.

Но во время войны случаются издержки. Иначе чем объяснить, что капитан Инглиш сейчас здесь и сражается с механизмами, начиненными искусственным разумом.

Клиари, милая... Мэннинг. Я делаю это ради вас.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Военный кодекс

Статья XXXVIII

Все документы, хартии, транспортные накладные, паспорта, а также любые иные бумаги, находящиеся на борту захваченного судна и взятые в качестве трофеев, должны быть надежно защищены, и командир корабля, захватившего трофей, должен отправить оригиналы полностью и в подлинниках в Верховный трибунал Адмиралтейства...

Статья XXXIX

Никто из лиц, перечисленных в настоящем Акте, не имеет права изымать часть трофеев или кораблей, захваченных в качестве трофеев, а также товаров и ценностей — кроме тех случаев, когда это требуется для обеспечения безопасности или для обеспечения действий судов в период войны...

Обломки погибших кораблей казались случайным мерцанием в небе Халии. Когда интенсивность боевых действий возрастала, яркие прочерки уничтоженных судов, метеорами проносившихся по небу, становились обычной картиной.

Попытка адмирала Дуэйна с ходу прорвать боевые порядки Синдиката провалилась, однако вынудила противника бросить в ход последние резервы. Когда наступающие сблизилась с группировкой дредноутов, битва превратилась в борьбу на изнурение противника. В таких условиях большой боевой опыт, накопленный Флотом в войне с халианами, позволил Альянсу быстро склонить чашу весов в свою пользу. Тем не менее корабли Синдиката продолжали двигаться вперед и подошли вплотную к Халии; несколько шальных ракет даже разорвалось в ее атмосфере.

Тогда адмирал Дуэйн отдал приказ ракетным батареям. Под непрерывным огнем корабли Синдиката стали медленно отступать назад, прочь от Халии.

Шариан Льюит. РОНИН

В разгар битвы, затмившей собой все грандиозные сражения прошлого — Бетезду и саму Халию, в ангаре Клекочущих Орлов царила абсолютная тишина. Все с нескрываемым нетерпением ожидали исхода сражения.

Подсвеченные схемы сияли в темноте такие же невинные, как и символы на основных экранах. На тактическом дисплее корабли не погибали в сплошных стенах заградительного огня; они превращались в фейерверки фиолетового и мандаринового цвета, не передававшие ощущения реальной смерти. Здесь, в бункере, царило ледяное спокойствие.

У дисплея застыла одинокая человеческая фигура. Несмотря на то, что его окружали верные войска, Мацунага стоял в отдалении от всех. Его «люди», как он зачастую называл халиан, пытались подражать каменной неподвижности своего командира — и это им вполне удавалось, хотя и противоречило их внутренней природе; для этого у халиан не было столь весомых оснований, как у Кацуо Мацунаги, не было и его жизненной потребности в каком-то аналоге молитвы. Замерев у экрана, человек внимательно следил за бешеным накалом битвы.

Все прекрасно понимали, что Синдикату как воздух нужна Халия. Мацунага предупреждал об этом еще много недель назад — задолго до того, как стали поступать соответствующие доклады, и до того, как Оперативный и Разведотделы получили хоть какие-то существенные доказательства. Мацунага был уверен в этом точно так же, как в верности халиан и в том, что Синдикат стоит на пороге гибели. Он чувствовал это нутром.

За спиной одинокого наблюдателя появился халианин. Мацунага ощутил его приближение и медленно повернулся.

Несколько месяцев прошло, прежде чем он научился спокойно воспринимать удивительный запах этих заросших шерстью тел.

— Можем мы подготовиться теперь, сэр? — спросил вошедший. Всего лишь несколько месяцев назад Мацунага презрительно называл этих существ «хорьками», теперь один из них стал самым преданным его помощником.

— Нет, еще рано, Ашеко, — мягко ответил Мацунага. — Терпение.

Халианин издал невнятный рык и обнажил зубы. Аборигены вели себя, как маленькие дети, хотя их беспощадная ярость не знала преград. Да, они были очень полезны. Мацунага постоянно напоминал себе об этом, когда запах влажной шкуры и не подвластная рассудку неприязнь к странным существам становились уж слишком невыносимы.

Неужели его древние предки могли при необходимости совершенно владеть своими эмоциями? Не эта ли власть над собой служила основанием их гордости и благородной самоуверенности? И неужели их дальний потомок не выдерживал никакого сравнения с ними — только из-за того, что жил сегодня, а не тогда, и служил не конкретному хозяину, а всей человеческой расе.

Эти вопросы пробудили воспоминания. Он вытерпел достаточно, чтобы теперь быть абсолютно уверенным: при необходимости задуманный план сработает. Внутренний голос подсказывал, что такой необходимости может и не быть, но другой — более громкий — молил Бога, чтобы это произошло. Только так в конечном итоге Кацуо Мацунага смог бы подтвердить свою преданность человечеству.

И вновь он подумал о своей удивительной жизни. Еще ребенком Кацуо слушал рассказы матери о сорока семи Ронинах — каждую ночь в течение трех лет. Когда их Властитель был предан и вынужден покончить с собой, Ронины не последовали вслед за ним в небытие. Три года они терпеливо выжидали и сносили упреки в малодушии. Они были Ронинами, бандитами — пасть ниже самурай не может. Их история стала всеобщим достоянием; все уверились, что они совершенно обесчестили себя и покрыли несмываемым позором. А Ронинам пришлось выжидать долгие годы, прежде чем удалось наконец отомстить виновнику гибели их Властителя. Выполнив свой долг, они все покончили жизнь самоубийством — так же, как и их господин.

Во время скучных школьных уроков Кацуо представлял себя Ронином; с раннего детства он знал, что нет чести выше, чем вынести страдания ради свершения священной мести. Ронины стали героями его грез. Кацуо Мацунага мечтал стать точно таким же героем.

Флот дал ему этот шанс.

Среди Клекочущих Орлов Мацунага был одним из лучших. На фюзеляже его истребителя красовались двадцать семь оскаленных шерстистых морд: двадцать семь раз выйти победителем в космических поединках — задача не из легких. Для этого, кроме мощных лазерных пушек и точных гироскопов, требовалось еще и мастерство настоящего аса.

В схватке один на один с рейдером халиан есть что-то магическое. Противник быстр, ловок и изворотлив, как дьявол.

Он может подрезать вам хвост на максимальной скорости и тут же выпустить в вас всю обойму. Хорьков не мутило на скоростных поворотах и при скоростных перепадах. Они могли уйти от преследования с огромным, невероятным ускорением.

Требовалось высочайшее напряжение интеллекта и хладнокровное мужество, чтобы сражаться с халианами.

Каждый пилот обливался холодным потом, когда при эскортировании тяжелых беззащитных грузовиков или на исходе долгого многочасового патрулирования на экранах внезапно появлялись хорьки — это бывало только внезапно.

Исход сражения определяли первые мгновения. На больших дистанциях корабли Флота имели явное преимущество, их торпеды были намного быстрее и снабжались надежными взрывателями. Однажды направленная на цель, торпеда находила врага, как бы тот ни изворачивался. Но в ближнем бою использование торпед становилось опасным. Мацунага знал парня, который в самый разгар битвы напоролся на собственный снаряд.

Но эскортное патрулирование было однообразным и долгим, и ничего не стоило прозевать появление противника, упустить первые несколько секунд, когда флайеры еще обладают определенным преимуществом, — те секунды, за которые противник может приблизиться вплотную. С Кацуо такое случалось дважды, и оба раза он оказывался на

волосок от гибели.

Его *Сенсея* ужаснуло бы такое неумение концентрировать внимание.

А ведь именно концентрация внимания позволила ему уничтожить двадцать семь врагов. И не только торпедами, но и в ближнем бою. Рейдеры превосходили в скорости, однако Мацунага знал, что его истребитель вынослив, имеет достаточно топлива, и терпеливо поджидал появления противника. Некоторые уроки, преподанные старым *Сенсеем*, вошли в его плоть и кровь.

Крейсеры также заслуживали добрых слов. «Жанна д'Арк» имела на борту семнадцать истребительных групп для эскортирования, и это было практически единственное ее вооружение. Пилоты отлично знали друг друга, в отрядах царила теплая, почти семейная атмосфера. Набитые доверху товарами грузовики порой платили охранявшему их конвою черной неблагодарностью, тогда все истребители окружали транспорт — и конфликт решался полюбовно.

Лучший винный погребок во всем Флоте находился, конечно же, на борту «Жанны д'Арк».

Жизнь на таком судне была веселой и насыщенной. Мацунага подходил для нее больше, чем кто-либо. Выйти и драться на смерть, а затем знаменитый винный погреб, музыка, парилка — и прекрасные девушки из экипажа. Рай, а не жизнь.

Это было как раз перед падением Бетезды. Во время первых стычек в небе над Целью пилоты чувствовали приятно будоражащий трепет: каждое новое столкновение приближало миг полного освобождения космоса от проклятых хорьков. Тогда, выиграв бой и с триумфом вернувшись на базу, истребители обнаружили, что их провели, как слепых котят. Оказалось, что эта планета не имела ничего общего с халианами. Радость победы развеялась как дым.

Бетезда была разгромлена начисто, и он при первой же возможности с радостью вернулся обратно в космос.

Но теперь и «Жанна д'Арк» перестала быть блестящим прогулочным судном. Что-то случилось там, над Бетездой, когда безжалостные и неукротимые хорьки впервые показали, на что они способны.

Пышность и блеск отошли на второй план. Вино, видеозаписи и деликатесы перестали быть главной заботой пилотов. Наступил черед избавиться от хорьков раз и навсегда, стерев с лица галактики их логово. Теперь это стало главной целью, перед которой померкли все радости жизни. Судя по всему, предстояла настоящая битва, и Мацунага был вполне готов к ней. Он рвался в бой, как мальчишка. Однако теперь он был уже заслуженным опытным асом, а не зеленым новичком.

В сражении у Халии «Жанна д'Арк» попала в самое пекло.

В момент ее гибели Мацунага был далеко от основных сил.

Он должен был находиться в непосредственной близости от крейсера. Но, к несчастью, «Киллеаном» командовал не он. Так что не его вина в том, что он уцелел в этом бою.

В тот день еще с утра у него было нехорошее предчувствие: что-то — о судьбе корабля, тень нелепой мысли. Описать это ощущение словами невозможно. Иногда подобные прозрения посещали умудренных опытом ветеранов.

Мацунага погнался за двумя рейдерами, уворачивавшимися столь быстро, словно танцевали «Танец с саблями». Огонь его пушек настиг обоих врагов, но «Жанне» это уже ничем не могло помочь — корабль, ставший за это время его настоящим домом, погиб. Погиб вместе со всеми людьми, столь много значившими для него с тех пор, как он покинул Сеймпо.

Память была уже не в силах собрать воедино разбитую мозаику его дел и поступков. Он направил свой корабль вниз, к поверхности, и не снимал побелевших пальцев с гашетки плазменной пушки, пока было чем стрелять.

Он полностью уничтожил целый отряд рейдеров, ожидавших взлета на своих стартовых площадках; Мацунага камнем свалился на них. За этот подвиг его наградили Галактическим Крестом. Но это ничуть не обрадовало его.

...Нет, Мацунага хранил воспоминания где-то в самых укромных уголках подсознания. Ребята с «Элизабет» сделали все наилучшим образом и почли за благо оставить его одного. В больничной палате он вел себя исключительно корректно, играя в шахматы с другими пациентами, а каждый четверг присоединялся к гудящей толпе, чтобы посмотреть вечернее шоу «Омни», жалуясь соседям на дрянную больничную пищу.

Возможно, именно эти жалобы показали медикам, что Кацуо Мацунага выздоровел окончательно — и телом, и душой, и его выписали. Но теперь больше не было его подразделения, куда Мацунага мог бы вернуться; таких родных ему Клекочущих Орлов с заплатами на плечах и каллиграфически расписанными повязками на головах. Несколько выживших членов экипажа «Жанны д'Арк» были разбросаны по различным подразделениям.

Поначалу Мацунага работал автоматически, совершенно не осознавая, что делает. Но он сумел собрать коллекцию из всех халианских рейдеров, а это что-нибудь да значило. Каждый раз, оказываясь рядом с крошечными одноместными аппаратами с мощным вооружением и двигателями, но плохим управлением, он готов был прыгать от счастья. И перенестись в прежние деньки...

Младший лейтенант Кацуо Мацунага получил приказ собрать все, что сохранилось от халианских рейдеров в семнадцатом секторе — даже их искромсанные ржавые останки. Поначалу он с радостью погрузился в эту работу — пока его контакты с халианами не стали более сложными. Ему требовалось изучить немало нового, чтобы понять, где именно хорьки спрятали лом и запасные модули. Он изучил их язык — по крайней мере техническую лексику.

Чем больше он узнавал бывших противников, тем больше вспоминал уроки о том, как должны жить и бороться настоящие воины; о том, что честь воина и слепая ярость несовместимы. Галактический Крест начал искоса и с откровенной издевкой поглядывать на своего младшего лейтенанта — ничего героического в его действиях пока что не было.

Благодаря халианам что-то зашевелилось в глубинах его памяти. Это что-то затронуло самые глубокие пласты — гораздо глубже сознания, глубже родовой памяти человека вообще. Внезапно он со всей ясностью обнаружил, что эти примитивные на первый взгляд существа живут именно так, как, по словам его *Сенсея*, и должен жить настоящий воин. Никаких отставок, никаких капитуляций — напряженная воля жить *сейчас*, в настоящем.

Сейчас — только в этом времени — жизнь имела смысл. Это нашло отражение даже в их языке, глаголы которого лишь очень смутно выражали категорию времени; героические события легендарного прошлого, достоверные факты настоящего, а также вымыслы мифов — все сплеталось воедино в грандиозную поэтическую ткань эпических саг Халии.

Странности языка и способа мышления халиан заставили Мацунагу вновь вспомнить о парадоксе, забытом им точно так же и в то же самое время, как он забыл свой огненный полет в халианском небе. Ксенодоги Флота оказались правы: смыслом жизни халиан была война. Жизнь и неизбежная смерть взаимно дополняли и уравнивали друг друга, и каждый важный момент жизни не был ни жизнью, ни смертью — это был пылающий меч личной чести, придававший смысл и существованию, и гибели.

Постепенно Мацунага пришел к заключению, что понимает глубинные мотивы души халиан. Их морды все еще казались ему отвратительно непроницаемыми, речь неприятно резала слух, запах тел был почти невыносимым, но все-таки что-то в его душе начинало шевелиться каждый раз, когда ему приходилось сталкиваться с ними. Корысть или эгоизм не были движущим мотивом поступков халиан — эти существа были теми самими «буши», которых его сенсей считал безвозвратно канувшими в седой древности.

Именно такими и представлял себе настоящих «буши» Мацунага; именно так он мечтал и сам продолжить славные деяния подлинных самураев древней, покинутой Японии. Он заметил, что понятие «человек» в языке халиан стало обозначаться другим словом: из «лишенной волос беззащитной добычи» человек превратился в «опасного врага». Нет бесчестия в поражении от более сильного противника; нет его и в том, чтобы с момента поражения начать служить победителю.

Именно этого никак не могли принять коллеги Мацунаги. Лейтенант Жермон Ривес признался в этом, когда ярким факелом догорал последний обнаруженный ими рейдер.

— Что-то не нравится мне, что они так легко позволяют уничтожать свою армаду, — задумчиво произнес Ривес. — Не верю я им. Один из этих рейдеров наверняка окажется ловушкой и рванет отсюда до Тау Кита. Все это «уважение к победителю» — дешевая демагогия, на которую мы купились.

Мацунага выслушал его молча — он понимал халиан гораздо глубже своего напарника. Этика настоящих воинов, которую исповедовали халиане, затронула самые интимные струнки его сердца. Это было недоступно Ривесу. Жермону Ривесу никогда не приходилось подметать после соревнований и тренировок садик для стрельбы из лука: он бил сразу и без промаха — даже при качке, даже с завязанными глазами. Большинство офицеров Флота не понимали всей мощи ни самих себя, ни халиан.

Он играл с халианскими школьниками, обучая их первым катам древнего японского единоборства; разве можно придумать лучший повод для контакта, учитывая славное военное прошлое Халии? И разве общение с детьми — не самый простой способ заслужить доверие общества? Слушая долгие рассказы аборигенов, Мацунага узнавал халиан все лучше.

В конце концов деликатность Мацунаги к чужой и своеобразной культуре была достойно вознаграждена. Молодой халианин — младший брат Ашеко, восхищенный собранностью, безукоризненным воспитанием и педантизмом человека, открыл Мацунаге бункер.

Подземный командный пункт находился в полной боеготовности и практически не пострадал при штурме планеты. Без сомнения, это был один из тайников, оставленных Синдикатом на крайний случай. Мацунага с уважением подумал о халианах, сначала построивших это грандиозное сооружение, а затем открыто демонстрировавших его победителю. Эти существа, несмотря на их необычность, понимали в душе, что служение сильнейшему — единственный путь завоевать истинно бессмертную славу.

Итак, он оказался прав.

Потерпев сокрушительное поражение, халиане стали преданными союзниками и помощниками Альянса — именно этого никак не могли понять во Флоте. В служении победившей в честном сражении расе было что-то чертовски изящное и благородное — это было самое настоящее *буши*, и Мацунага принимал такую позицию всем сердцем.

Халиане и в самом деле были примитивной расой, но в этом заключалось и их преимущество. Вера и реальные поступки для них были единым, неразделимым целым. Подобная внутренняя полнота и цельность всегда восхищали Мацунагу. Именно к этой цельности он безуспешно стремился, лишаясь ее каждый раз, когда его стрела поражала цель. Он по-прежнему был меток — даже с завязанными глазами, но выпущенная стрела всегда становилась чем-то чужеродным. Истинная гармония стрелы и мишени отсутствовала. А ведь в такой гармонии и состояла суть Дзэн-Буддизма, *буши* — всего того, чему втайне молилась его обращенная в седую древность душа. И именно это оставалось недостижимым для Мацунаги.

Он мог вызвать десантников сразу после посещения бункера, от тайника не осталось бы и следа. Но двадцать четыре крошечных прекрасно вооруженных рейдера, смертоносные и изящные, как наконечники стрел, были слишком совершенны, чтобы превратить их в груды металлического мусора. Мацунага смотрел на них не отрываясь, и одно из неприятных предчувствий вновь ожило в его мозгу. Несмотря на приказ и боевой план, он внезапно понял, что уничтожение этой грозной силы может оказаться самым настоящим воинским преступлением. Смертельная угроза и так нависла над Флотом.

«Когда-нибудь они еще понадобятся Флоту», — послышался внезапно в его голове голос далекого сенсея. Мацунага не страдал психическими расстройствами и даже не верил в телепатию, но нечто подобное вполне мог бы сказать и Ито.

Сенсей всегда требовал от ученика абсолютного внимания к мелочам, чтобы

использовать все преимущества природы и *ками* и поддерживать безупречное равновесие всех элементов — только в таком случае смертное существо может ощутить подлинное ВА — состояние внутренней гармонии. Именно эта гармония и являлась священной сутью и целью поединка, сердцевиной *бушидо*.

Мацунага получил прямой приказ уничтожить все уцелевшие корабли противника, но истинный воин не мог позволить себе разрушить что-либо необдуманно. Он поинтересовался у молодого халианина, кому еще известно о существовании бункера.

Юноша свирепо взглянул человеку в глаза.

— Моему брату и его подразделению Домашней Обороны, — гордо проскрежетал он. — Даже Синдикату ничего неизвестно об этом сооружении.

— Они ведь сами построили его, — настойчиво произнес Мацунага.

Собеседник залился лаем, который Мацунага смог интерпретировать как вызывающую насмешку.

— Его строили наши пленники, а среди них и в самом деле были граждане Синдиката. Но про других я ничего сказать не могу. Домашняя Оборона никогда не участвовала в боевых действиях.

Что же, это неплохо, подумал Мацунага. Использование юношей и стариков на самых последних рубежах обороны втайне импонировало ему. Он мог только порадоваться, что его однопольчане не смогли заставить халиан поступиться своим кодексом чести.

Мацунага сохранил их секрет, потому что доверял им — каким бы странным ни был исходящий от них запах; а также потому, что сумел убедиться в их лояльности; и в конце концов потому, что преданность подразделения Домашней Обороны Флоту была в первую очередь преданностью лично ему. Кацуо Мацунага был командиром халиан, которые были бы счастливы умереть по его приказу — они были достаточно благородны для этого.

— Мы ждать не любим, — проскрежетал халианин; Мацунага совсем забыл о его присутствии. — Мы любим нападать.

Кацуо кивнул головой.

— Мы атакуем, когда будет нужно, — проговорил он; халианам вообще часто приходилось повторять очевидные вещи. В обдуманных и хладнокровных решениях больше благородства, чем в попытках его продемонстрировать, не считаясь с обстоятельствами.

Халианин тихонько хрюкнул в ответ. Мацунага надеялся, что тот еще не узнал об отключении хоккейного канала «Омни», за передачами которого следил, как ребенок. Как только он узнает, что линия безнадежно повреждена, совладать с его гневом и яростью станет почти невозможно.

На экранах мониторов можно было разглядеть погибшие корабли — плавающие сгустки света, постепенно тускнеющие и исчезающие совсем. Силы сторон были примерно равны, ярко-голубых точек кораблей Флота на экранах было как будто несколько больше, однако кричаще-оранжевый цвет обозначал более мощные и тяжелые боевые суда противника.

Неопределенность положения заставила Мацунагу внутренне напрячься.

В позиции было нечто скрытое, что-то, что не сразу бросалось в глаза.

Корабли Синдиката медленно отходили назад. И тут Мацунагу осенило: это была лишь имитация отступления. Противник, судя по всему, осуществлял обманный маневр, пытаясь оттянуть истребители Флота как можно дальше от кораблей-носителей, увлекая тяжелые корабли — острие боевых порядков — в глубь открытого космоса.

Мацунаге захотелось громко выругаться. Флот явно заманивали в ловушку — хотя, надо признаться, заманивали методично и осторожно. Он понимал это, но предупредить экипажи кораблей уже не мог: точку зрения только что прошедшего курс восстановления психики Мацунаги, лишённого летного патента и теперь предлагающего доверить халианам охрану тылов, мог воспринять всерьез разве что конченный идиот.

Глотка его внезапно пересохла, и бессильный гнев готов был вырваться наружу: прямо у него на глазах Флот медленно, шаг за шагом, подступал к тщательно расставленному

капкану. Мацунага хорошо знал слабые места Флота — его обучил этому сенсей, в свое время прошедший великолепную тактическую школу во Флоте. Кацуо охватило страстное желание вспомнить уроки, которые давал ему старик на ровном белом доджо у себя дома. Еще тогда Мацунага обнаружил, что старик понимал больше, чем весь Генеральный Штаб; лишь гораздо позднее он узнал, что старик был адмиралом Флота Ито.

Но, кроме Ито, были и другие. Мацунага знал, что был сейчас абсолютно прав, в том самом смысле, в каком был прав всегда — чувства и знания никогда не подводили его. Вполне возможно, исходя смутные подозрения от адмирала Ито, они вызвали бы более уважительное отношение.

У Адмирала наверняка хватило бы власти и решимости прекратить опрометчивую погоню за медленно откатывающимся противником. Но Мацунагу попросту не стали бы слушать.

На огромном экране изображение позиций снова изменилось. Приманка оказалась на этот раз еще дальше. Теперь конус растянулся и опасно удалился от Халии, несмотря на явно имеющиеся у врага резервы.

Фланговый обход теперь казался совершенно неизбежным, но Синдикат выжидающе медлил. Мацунага внимательно следил за схемой боя, молясь в душе, чтобы Дуэйн увидел то же, что и он. Собственные уроки терпения и настойчивости давались ему даже болезненней, чем неистовым халианам.

Мацунага подождал, сосчитав по-халиански до двадцати; этот трюк он освоил лишь в прошлом месяце. После этого заговорил:

— Пора. Приготовьтесь. Никому не двигаться вплоть до моей команды. — Отдав приказ, Мацунага покинул командный центр.

Халиане не могли относиться с уважением к командиру, который не предводительствует в бою. Да и сам Мацунага не мог сопротивляться страстному желанию ринуться в самую гущу сражения.

Он сразу направился на борт рейдера, выбранного им для себя. Рейдер не был таким грациозным, как скутеры Флота, или таким мощным, как средства наземной обороны, однако и его боевые возможности были вполне внушительны. Мацунага включил систему предстартового тестирования, и постепенно консоль заполнилась голубыми огоньками. Корабль был готов стартовать.

— Номер Семь готов.

— Красный Мяч готов.

— Первая Смерть готов.

Один за другим халиане докладывали о готовности своих аппаратов, занимая места в иерархии, согласно группе и номеру, боевому опыту и одержанным победам, чистоте и рвению. Мацунаге по-прежнему приходилось сдерживать их.

Предчувствия снова сдавили его грудь: впереди поджидали неприятные сюрпризы.

— Неожданность — наше самое мощное оружие, — объяснял ему, еще мальчику, Ито, попивая чай на чистом доджо пола. — Она важнее ловкости твоего тела, тренированности, технического уровня и даже уровня интеллекта. Настоящий мастер способен победить любого противника, какой бы техникой тот ни обладал. Внезапность, изящество, терпение. Битва — это упражнение в гармонии. Если ты полностью отдашься стихии боя, существование и деяние становится одним и тем же, и тогда невозможно отличить победу от поражения. Освободись от всех желаний, стань совершенно пуст. Позволь стреле твоей жизни и воли свободно лететь к цели. Стань стрелой. Стань луком. Стань целью.

Стань целью.

Бесплодные ледяные пространства космоса струились вокруг Кацуо. Оторвавшись от своего тылового прикрытия. Флот уже углубился в расставленную ловушку. Враг по-прежнему оставался в стороне, накапливая силы для решающего удара. Фланговые группировки Синдиката не пытались приступить к окружению прорвавшихся кораблей

Флота. Враг не сомневался в удаче, а потому не спешил.

...Стань целью.

Если бы к его мнению прислушались раньше! В прошлом совершилась чудовищная ошибка, но теперь прошлого уже не существовало. Единственной реальностью было настоящее, а в настоящем имелось двадцать четыре крошечных рейдера, которые нужно было использовать ради спасения Флота.

Однажды Мацунага решился осуществлять служение человечеству через служение Флоту. Когда он сообщил Ито, что принят на курсы офицерской подготовки, старик выслушал его с ледяным спокойствием.

— Пей чай, — ответил сенсей. — Если однажды то, чему ты служишь, разрушит твое сердце и от дальнейшей службы не будет никакого проку — что тогда?

Мацунага до сих пор хорошо помнил, насколько был тогда сконфужен. Флот просто не мог потерять смысл — более совершенной организации не существовало со времен отречения Шогуната. Ему потребовалось время, чтобы подобрать ответ, и еще больше — чтобы понять весь смысл вопроса.

Когда он приготовился ответить, его чайная чашка опустела.

— Сенсей, — произнес он, — честь состоит в выполнении долга, а не в том, как именно используют мое служение. Мой долг — это служба не личности и даже не социальному институту, но всему человечеству; всем, кому потребуется помощь.

Старик тихо вздохнул.

— Хороший ответ, Кацуо, — произнес он наконец. — Но между словами и делами — долгий и извилистый путь.

Больше он не сказал ничего. Мацунага выпил еще чашку чая и удалился. Теперь, когда он узнал, что Ито был величайшим иконоборцем и ниспровергателем основ в Генеральном Штабе, он уже не мог вновь посетить старика и объяснить, что по-прежнему следует данному слову. Истинное положение вещей сильно отличалось от его юношеских мечтаний, но это уже не имело никакого значения. Он был прилюдно опозорен, разжеван и выплюнут системой, но при этом сохранил свою честь.

Компьютерный синтезатор, имитируя человеческий голос, сообщал Мацунаге о попаданиях и промахах — теперь необходимость следить за обстановкой на тактическом дисплее отпала. Схема боя стала совершенно ясной; он развивался по своей логике, и боевые порядки стремились двигаться по неизменным траекториям, пока не встречали сильный отпор на своем пути. И поддавались давлению лишь в том случае, если отпор оказывался тактически грамотным.

Тайна бункера, ради сохранения которой он пожертвовал своим добрым именем, через минуту будет открыта. Мацунага хорошо понимал и раньше, что настанет момент, когда положение смогут спасти лишь его двадцать четыре машины. Такой момент всегда существует в совершенном и бесконечном настоящем.

Не было ничего — ни прошлого, ни будущего, только настоящее. Нечего было желать, не на что надеяться. И нечего терять. Вокруг были лишь движущиеся подразделения, и бытие Кацуо Мацунаги кончилось — он стал одной из крошечных песчинок, занявшей свое место в исполинском небесном хороводе.

Он не помнил, как отдал приказ стартовать и почему сделал это. Он не мог ждать, пока Синдикат выложит свой главный козырь, который неожиданно появится между Халией и защищающим ее Флотом и отрежет последнему все пути отхода.

Теперь Мацунага ни на что не обращал внимания, инстинктивно действуя в вечно возвращающемся в свое начало свершившемся настоящем. Без него и его действий, без наступающей за ним фаланги халианских рейдеров это мгновение не было бы полным.

Картина требовала нескольких последних мазков кисти; участники хоровода вынуждены были бы остановиться, не в силах продолжать незавершенное действие. И вылетевшая из лука стрела уже не стремилась к цели, но объединилась с мишенью в единое целое.

...Стань целью.

Он говорил это халианам очень часто, но они были не в состоянии понять всей мудрости Ито.

И теперь Мацунага, находящийся в вечном круговороте настоящего, осознал, что именно халиане были его стрелой: точно так же, как бункер — луком. Они стали точным и современным оружием, взятым на изготовку его крепкой рукой. И теперь Мацунаге открылось, что вся его жизнь была лишь преддверием этого момента.

Он подготовился к своей задаче как нельзя лучше. Даже Синдикат, поддерживавший контакты с Халией на протяжении нескольких поколений и обеспечивавший снабжение халиан в войне с Альянсом — даже он не смог понять, сколь благородно халианское сердце. Дух халиан был крепок, как стальной клинок. Вся их жизнь была сплошной борьбой, и исходом ее могла быть лишь победа или смерть. Халиане были просты и круты; сознание их всегда оставалось ясным.

Взлетали они с включенными коммуникаторами. Халиане были молчаливы. Он сам обучил их этому, и они восприняли его уроки как религиозное откровение. Кацуо ощущал присутствие своих «людей» как слабый энергетический сдвиг. Ито учил, что это реальное ощущение совокупной воли, устремленной к единой цели.

Из тьмы расположенного глубоко под поверхностью планеты бункера эскадра в яркой вспышке вырвалась в голубое небо Халии. Постепенно голубизна растворилась в фиолетовом. Облака исчезли, и их место на дисплеях заняли мириады звезд. Далеко впереди различались мерцающие всполохи: там шла ожесточенная схватка.

Здесь не было никакого масштаба; сражающиеся корабли находились еще слишком далеко и выглядели, как яркие безделушки. Чуть ближе — и начнут появляться темные пятна и рубцы, неизбежные спутники войны.

Члены отряда Мацунаги специально готовились им для этой операции. Рейдеры выстроились в ряд и терпеливо ожидали приказа, хотя Мацунага знал, как искушают их яркие вспышки впереди. Дистанция теперь была не очень большой, и некоторые ракеты дальнего радиуса действия вполне могли найти свои цели. Но теперь все халиане и он вместе с ними были объединены в единое целое. На экране радаров они представляли собой одно светящееся пятно, которое было намного больше каждого их корабля в отдельности.

Истребители Синдиката не пытались атаковать халиан. Да и зачем? Много лет хорьки были преданными Синдикату головорезами, да и теперь вряд ли представляли угрозу.

По включенному в пассивный режим интеркому Мацунага мог прослушивать внутренние переговоры кораблей Флота; их содержание вполне удовлетворило его.

— Поднялись халианские рейдеры, вектор два-ноль-двадцать. Прямо у нас на хвосте.

— Парни, проверьте свои шестерки, — раздалось с одного из крейсеров — Мацунага сразу определил источник. Передатчики на крейсерах были намного мощнее, и сигнал от них четче.

— Никогда не доверял этим хорькам, — прорычал еще кто-то.

Сюжет о сорока семи Ронинах и в самом деле повторялся. Нетрудно догадаться, что история не входила в число изучаемых на Флоте дисциплин. А тем более история Сеймпо. Мацунаге захотелось выйти на связь и объяснить всем, что происходит. Для него было бы лучше действовать открыто.

Но услышанное неожиданно натолкнуло его на мысль, где именно его небольшой отряд из двадцати четырех рейдеров мог нанести наибольший урон врагу: именно здесь, в тылу, куда вот-вот должен был проникнуть ударный отряд Синдиката.

Рейдеры крошечными бусинками висели в пространстве вокруг корабля Мацунаги — он знал, какая мощь вопреки природе халиан сдерживается в них. Его команда слишком дисциплинирована, чтобы открыть огонь без приказа.

И вот момент наступил. Три огромных крейсера Синдиката с выпученными корпусами уселись, как пауки, прямо на ось блинообразного боевого построения Флота. Вокруг них вился целый рой юрких истребителей. Совершенно проигнорировав отряд Мацунаги,

крейсера быстро проходили сквозь строй халиан. Хорьки были союзниками Синдиката не один десяток лет. Как и Флот, Синдикат имел самое смутное представление о бушидо, которое может заставить целую расу за считанные месяцы изменить данной прежде присяге. Кроме того, связисты противника тоже прослушивали внутренние переговоры Флота. Двадцать четыре рейдера, конечно же, будут драться не на стороне Альянса. Враги могли просто не успеть осознать свою ошибку — Мацунага был уверен, что так долго они не проживут.

Он вновь сдержал свой порыв. Энергия вокруг и внутри него превратилась в огромную несокрушимую волну. Теперь не было ни выбора, ни решения. Не было также и мысли — только полное и невыразимое СЕЙЧАС, момент, парадокс и тишина.

И в этой странной тишине Мацунага ощутил себя стрелой и луком, стрелком и мишенью, которые объединились в бесконечно малой точке внутри его существа. Бой кристаллизировал реальность и уравновесил ее, и теперь бороться значило искать свет высшей мудрости. Об этом он никогда не говорил с халианами — их раса владела этим знанием изначально.

Мацунага дождался того момента, когда смог различить невооруженным глазом нанесенные на корпуса вражеских кораблей цифровые обозначения. И в этот миг, не произнося ни слова, он открыл огонь из всех орудий по единственной точке впереди.

Рейдеры халиан в то же мгновение открыли огонь, сосредоточившись на остальных огромных крейсерах. То ли крейсера не могли применять оружие без предварительной подготовки, то ли опасались пройти косо по окружавшим их истребителям, немедленно бросившимся покарать предателей — хорьков...

Вопроса «почему» уже не существовало. Три крейсера исчезли в слепящих вспышках, прежде чем успели осознать, что произошло. Гигантская огненная воронка поглотила и истребители, выплюнув в вечную ночь космоса бесформенные обломки.

Когда пламя угасло, в живых оставалось лишь семнадцать рейдеров, но эти семнадцать ревниво относились к неувядаемой славе, которую уже успели стяжать остальные. Они уделяли мало внимания тонкостям тактики космического боя, направляя огонь своих орудий туда, где он мог нанести максимальный урон врагу.

Они не рассеялись в пространстве и не отошли назад после столь эффективного внезапного удара.

Но это стало уже неважно. Противник был полностью разгромлен. Корабли Синдиката, первоначально столь уверенные в неизбежной победе, в панике бежали.

Никто из халиан не вернулся обратно на базу — это было бы недостойно Ронинов; по крайней мере так полагал Мацунага. Сам он не пережил даже первого взрыва.

В течение года учитель тактики Ито вместе с несколькими молодыми студентами из его доджо, а также Жермон Ривес досконально исследовали бункер и убрали все чужеродные механизмы. Они застелили ангар деревянным полом и покрыли стены материалом БОККУН. Экраны в центре боевого управления стали серебристо-серыми, их свинцовые корпуса были разобраны на части, а скамьи составлены для ежедневных упражнений ЗАЗЕН и медитирования.

Но наилучшим местом, без сомнения, было поле для стрельбы из лука во дворике за главными воротами. На натянутых канатах развешивались мишени, и студенты упражнялись в стрельбе по раскачивающейся цели.

Несколько учеников были слепы, остальные впервые взяли в руки древнее оружие. Здесь собрались представители всех разумных рас, какие только входили в состав Альянса, — большая их часть была людьми. Здесь же были и халиане. В первую очередь халиане.

Флот полагал, что эта затея — пустая трата времени и денег, да и бункер мог пригодиться для настоящего дела. Но память о подвиге Кацуо Мацунаги была еще слишком свежа. Среди учеников встречались и юные офицеры Флота в новенькой форме. Как и остальные, они с увлечением пускали стрелы в сад. Это были офицеры, которые никогда не

могли забыть старого терпеливого сенсея, вечно повторявшего: «Стань целью».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В книге использованы выдержки из подлинного Военно-Морского Кодекса. Документ был создан в 1866 году по распоряжению королевы Виктории и практически дословно восстановлен Су Лин Эллисон для применения на Флоте Альянса. Некоторые вещи непреходящи...